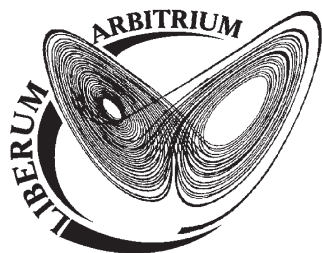

INTERNATIONAL TRENDS

Journal of International Relations Theory and World Politics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ

ЖУРНАЛ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Том 20. Номер 3 (70)
ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ **2022**

Mezhdunarodnye protsessy (International Trends)

The Journal of International Relations Theory and World Politics

Editor-in-Chief

Andrey Baykov
MGIMO University

Executive Editor

Igor Istomin
MGIMO University

Editorial Board

Chairman

Alexei Bogaturov, Academic Educational Forum on International Relations, Russian Federation

Tatiana Alekseyeva, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Vladimir Baranovsky, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Alexander Bulatov, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Timothy J. Colton, Harvard University, USA

Christine Inglis, University of Sydney, Australia

Alexey Fenenko, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Maksim Kharkevich, Moscow State Institute of International Relations, Russian Federation

Nikolai Kosolapov, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

S. Neil MacFarlane, Oxford University, UK, Geneva Centre for Security Policy, Switzerland

Tatiana Shakleina, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Valery Tishkov, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Mikhail Troitskiy, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

Pavel Tsygankov, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Alexei Voskressensky, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Federation

William C. Wohlforth, Dartmouth College, USA

ISSN 1728-2756 (PRINT)

ISSN 1811-2773 (ONLINE)

*The opinions expressed in **International Trends** are those of the authors and contributors, and do not necessarily reflect those of the editors, the editorial board, Academic Educational Forum on International Relations, or the organizations to which the authors are affiliated.*

«*International Trends*» (*Mezhdunarodnye protsessy*) is the first Russian academic journal of international relations theory and the methodology of world-political studies. It is independently published and managed by the Academic Educational Journal on International Relations, a Moscow-based Russian NGO established in 2000. Having no direct affiliation with any state or private institution, the journal aims to facilitate communication among scholars and educators in Eurasia and to foster their concerted effort in developing theoretical approaches to international relations and world politics. Our journal's priorities include new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics, migrations, and international political economy. Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. The journal circulates in 1,100 copies and also exists in an open-access format at: <http://www.intertrends.ru>. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts, and university faculty, it is distributed among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Administration of the President of the Russian Federation.

© Academic Educational Forum on International Relations

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Editorial Board.

Редакционная коллегия

Председатель

Алексей Богатуров

Татьяна Алексеева, Сергей Афонцев, Андрей Байков, Владимир Барановский,
Ирина Болгова, Александр Булатов, Алексей Воскресенский,
Кристин Инглис (Австралия), Игорь Истомин, Тимоти Колтон (США),
Николай Косолапов, Нил Макфарлейн (Великобритания), Валерий Тишков,
Михаил Троицкий, Уильям Уолфорт (США), Алексей Фененко,
Максим Харкевич, Павел Цыганков, Татьяна Шаклеина

Главный редактор

Андрей Байков

Шеф-редактор – первый заместитель главного редактора

Игорь Истомин

Ответственный секретарь – заместитель главного редактора

Ирина Болгова

Редакционно-корректорская группа

Вадим Беленков, Елена Бочкова, Анна Гожина,
Евгения Захарова, Наталия Меден, Ирина Николаева

Журнал издаётся Научно-образовательным форумом
по международным отношениям

*Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах,
могут не совпадать с позицией Редакционной коллегии и НОФМО*

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–13727 от 14 октября 2002 г.

Журнал основан в 2002 году.

Журнал индексируется в библиометрических системах научной информации **Scopus**
и Russian Science Citation Index (**RSCI**) на платформе **Web of Science**.

ISSN 1728–2756 (печатная версия)

ISSN 1811–2773 (интернет-версия)

ООО Издательство «Аспект Пресс», 111141, Москва, Зелёный проспект, д. 3/10, стр. 15
Отпечатано: АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел. 8 (495) 221–89–80

© Журнал «Международные процессы», 2022

© А.Д. Богатуров, А.А. Байков, О.О. Гуляева (эмблема), 2022

**Никакая часть настоящего журнала не может быть воспроизведена в печатном,
электронном или ином виде без письменного разрешения редакции**

NORMATIVE POWER OF FACTS

Volume 20. No 3 (70). July–September 2022

CONTENTS

RESEARCH ARTICLES

REALITY AND THEORY

Boris Nefedov	The Critique of the Westphalian Peace Narrative	6
Michail Zhabskiy	Globalization of Cinematographic Communication	28
Kiryll Tarasov		

CATCHING A TREND

Fan Yao–Tian	Parsing China's Geostrategic Designs	
Wang Li	in the Post-War Afghanistan	45
Vyacheslav Sutyurin	International Activities of German Political Foundations	
	and American Philanthropic Funds	55
Ruslan Mukhametov	International Sources of the Popularity of Russia's President	80
Nikolay Surkov	Strategic Alternatives for Saudi Foreign Policy	95

SCHOLARLY REVIEWS

ANALYTICAL PRYSMS

Digest of Foreign Publications

Alexandre Vylegzhanin	International Legal Policy of a State	112
Olga Magomedova		

Our authors..... 128

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

РЕАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ

Борис Нефёдов	Критика значения Вестфальского мира	6
Михаил Жабский	Глобализация межкультурной кинокоммуникации	28
Кирилл Тарасов		

ФИКСИРУЕМ ТЕНДЕНЦИЮ

Fan Yao-Tian	Parsing China's Geostrategic Designs	
Wang Li	in the Post-War Afghanistan	45
Вячеслав Сутырин	Финансы для либерального порядка: сравнительный анализ международной деятельности политических фондов ФРГ и филантропических фондов США	55
Руслан Мухаметов	Международные детерминанты популярности Президента России	80
Николай Сурков	Стратегические альтернативы во внешней политике Саудовской Аравии	95

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЗМЫ

Обзор зарубежных публикаций

Александр Вылегжанин	Международно-правовая политика государства:	
Ольга Магомедова	современные концепции	112

Наши авторы 127

Our authors 128

КРИТИКА ЗНАЧЕНИЯ ВЕСТФАЛЬСКОГО МИРА

БОРИС НЕФЁДОВ

НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

Статья посвящена исследованию представлений о Вестфальском мире, сложившихся в истории международных отношений, а также в общей теории международного права в результате противостояния доктрин о фундаментальном значении для указанных наук Вестфальских договоров 1648 года и, наоборот, об отсутствии какого бы то ни было их влияния на становление современной системы международных отношений и формирование современной системы международного права. В самом деле, многие положения, приписываемые договорам Вестфальского мира, не имеют в них своего буквального закрепления и часто вытекают только из толкования их норм. Вместе с тем критики их значения для истории международных отношений и их международно-правового регулирования, анализируя исключительно дословный текст этих договоров и игнорируя условия их разработки и принятия, в свою очередь, также не смогли дать им адекватную оценку. Вестфальский конгресс, на котором были разработаны и приняты соглашения, объединяемые понятием Вестфальского мира, — веха в становлении современной системы международных отношений, поскольку в ходе его работы получили признание в виде обычных норм общего (европейского) международного права положения, имевшие принципиальное значение для её формирования. Более того, сами эти договоры в силу своего общеевропейского характера дали миру образец договорного создания норм всё того же общего (пусть пока только для Европы) международного права и тем самым явились важнейшим этапом формирования международного права как правовой системы.

Ключевые слова:

Вестфальский мир; Вестфальский конгресс; общее международное право; источники общего международного права; толкование международных договоров.

Вестфальский мир — значимое событие в истории человечества. В памяти народов Европы с ним связано завершение первой общеевропейской войны 1618–1648 годов (получившей название Тридцатилетней), которая «на столетия осталась самым страшным бедствием, какое только может представить человеческое воображение. Только XX век с его мировыми конфликтами» оставил позади её

ужасы и бессмысленные жестокости [Алексеев 1961: 219].

То, что обычно называют Вестфальским мирным договором, на самом деле обозначает не один, а два неразрывно связанных между собой мирных соглашений: Мюнстерское (заключённое между императором Священной Римской империи германской нации и Францией с их союзниками) и Оснабрюкское (заключённое между тем

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.02.2022

Дата принятия к публикации: 04.07.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: boris-nefedov@mail.ru

же императором и Швецией с их союзниками), подписанных 24 октября 1648 года¹. По причине взаимообусловленности этих договоров и пересечения их ключевых положений² начиная со времени заключения их принято рассматривать в совокупности и называть как единый документ – «Вестфальский мирный договор», «Вестфальский договор», «Вестфальский трактат», «Вестфальский мир»³. Так же поступаю и я в отношении этих документов в настоящей статье.

До недавнего времени в политологии, истории международных отношений и науке международного права Вестфальский договор рассматривался в качестве значимой вехи, фундаментальной основы построения современного мирового порядка. Считалось общепризнанным, что Вестфальский мир был отправной точкой формирования современной системы международных отношений (см. подробнее: [Morgenthau 1948]), основанной на принципах государственного суверенитета, суверенного равенства государств⁴, общего согласия на невмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию государств.

Кроме того, с Вестфальским конгрессом и заключёнными на нём договорами связывалось появление классического международного права, то есть международного права как правовой системы, закрепление за государствами роли основных субъектов

международного права [Саямов 2018: 98] и создание новых видов источников международного права. Мало того, считалось, что в своём тексте Вестфальский договор «сформулировал декларативную теорию признания, предусмотрел применение коллективных санкций против агрессоров, мирные средства разрешения споров, внёс изменения в правовой режим рек, трансформировал статус консулов» [Левин 1992: 53]. Эту позицию долгое время разделяло абсолютное большинство учёных (как отечественных, так и зарубежных), а для нашего государства в советское время её вообще можно признать традиционной [Фархутдинов 2019: 21].

С 2000-х годов указанные подходы к значению Вестфальских соглашений для политологии, международных отношений и истории (а также общей теории) международного права были подвергнуты сомнению. В рамках развернувшейся дискуссии сторонники переосмысления сложившихся представлений о Вестфальском мире, опираясь на тщательное изучение текстов составляющих его договоров, не без оснований стали говорить о том, что их оппоненты идеализируют имеющиеся формулировки, придают им значение, которое в них прямо не содержится, а иногда и просто приписывают им содержание, которое в них отсутствует, и потому важность этих договоров сомнительна, роль закрепленных в них положений для развития

¹ Текст договоров на латыни см.: Acta Pacis Westphalicae. URL: <http://www.pax-westphalica.de/> (дата обращения: 25.12.2021). Иногда в доктрине к этим договорам добавляют Мюнстерский мир, подписанный между Нидерландами и Испанией в январе 1648 г. и ратифицированный в Мюнстере 15 мая 1648 года, но в этом вопросе мы будем придерживаться классического подхода.

² Они даже получили название двух «инструментов» мира – Instrumentum Pacis Osnabrugensis и Instrumentum Pacis Monasterensis.

³ Указанные договоры были приняты на Вестфальском конгрессе, название которого также имеет собирательный характер, так как он организационно проходил одновременно в двух разных (хотя и расположенных недалеко друг от друга) городках немецкой области Вестфалия – католическом Мюнстере и протестантском Оснабрюке (откуда и название договоров). Тем не менее деятельность прибывших на конгресс представителей европейских государств и государствовподобных образований (как в Мюнстере, так и в Оснабрюке) рассматривалась и в 1648 г. как совместная работа в рамках единого съезда, и такой подход остаётся доминирующим и в настоящее время как в отечественной [см., например: Поршневу 1970: 76–105; Беляев 2000; Прокопьев 2002; Мартенс 2008: 25], так и в зарубежной [см., например: Whaley 2012; Croxton 2013; Patton 2019] научной литературе.

⁴ Киссинджер Г. писал, что «устанавливалось “коренное” равенство суверенных государств» [Киссинджер 2014: 24].

международных отношений и международного права несоразмерно завышена, а концептуальность содержания по неизвестной причине просто мифологизирована (см.: [Osiander 2001: 251–287; Куприянов 2019. №3: 37–50; Куприянов 2019. №4: 11–23; Фархутдинов 2019. № 6: 21–31; Фархутдинов 2019. № 7: 23–39]).

Изменение оценок Вестфальского мира

Для целей нашей работы кратко остановлюсь на генезисе появления в науке самой точки зрения о необходимости пересмотра значения Вестфальского мира. Её сторонники «основоположником базового Вестфальского мифа» [Куприянов 2019. №3: 40; Фархутдинов 2019. № 6: 21] признают американского юриста-международника Л. Гросса, который в далёком 1948 г. опубликовал в американском журнале международного права статью, посвящённую 300-летию Вестфальского договора [Gross 1948: 20–41]. В ней он рассматривает Вестфальский мир в качестве отправной точки современной мировой системы и международного права, называет его «величественным порталом, ведущим из старого мира в новый», знаменующим собой «конец одной эпохи и начало другой». Этот подход в дальнейшем и оказался подвергнут критике, а поскольку Л. Гросс был не политологом, а юристом-международником [Osiander 2001: 253], то и в отношении его самого был сделан вывод, что «отсутствие достаточных исторических познаний привело его к спекулятивным выводам без должной доказательной базы» [Куприянов 2019. №3: 40].

Первым, кто усомнился в выводах Л. Гросса, стал американский международник Стивен Краснер [Krasner 1993: 235–264]. Тем не менее активное внимание к этой проблеме привлекла не его работа, а вышедшая в 1999 году (то есть спустя 6 лет) статья Д. Кростона «Вестфальский мир

1648 г. и истоки суверенитета» [Croxtton 1999: 569–591], а затем – опубликованная в 2001 г. программная работа А. Осиандера «Суверенитет, международные отношения и Вестфальский миф» [Osiander 2001: 251–287]. Вторая волна интереса к проблеме обозначилась в 2009–2011 годах (см. подробнее: [Куприянов 2019. №3: 40–41]).

Несмотря на то что отдельные работы зарубежных критиков Вестфальского мира были опубликованы в России ещё в начале второго десятилетия XXI века (например: [Тешке 2011]), господствующие представления о нём они никак не поколебали, и только обстоятельные статьи А.В. Куприянова, вышедшие в 2019 году, наконец вызвали интерес к этой теме со стороны отечественных учёных, среди части которых (что, впрочем, бывало и раньше) довольно ярко стал проявляться «эффект внезапного прозрения»⁵.

В обоснование своей позиции приверженцы «развенчания Вестфальского мифа» стали обращать внимание на то, что в самом тексте рассматриваемых договоров отсутствует упоминание приводившихся выше принципов межгосударственных отношений (как и вообще о каких бы то ни было принципах), ничего не говорится о государственном суверенитете, об установлении формального равенства государств, о формировании некоего баланса сил, о признании не монархов, а государств субъектами международного права, а также отсутствуют ссылки к новым источникам международного права. По их мнению, Вестфальские соглашения привели ещё только «к созданию политических и религиозных условий, которые позволили европейским державам выстраивать новый международный правовой порядок» [Lesaffer 2004: 10] в будущем. Между тем первым договором, установившим этот новый порядок, был на самом деле не Вестфальский мирный договор, а Утрехтский

⁵ В качестве наиболее последовательного ниспровергателя «Вестфальского мифа» среди юристов-международников сегодня стоит выделить известного учёного И.З. Фархутдинова, который во многом попал под влияние «революционной новизны» аргументов критиков значения Вестфальского мира.

мир, заключённый в 1713 году [Lesaffer 2014; Фархутдинов 2019. № 7].

По итогам проведённого анализа критики пришли к выводу, что в договорах Вестфальского мира речь идёт исключительно об урегулировании ряда религиозных вопросов⁶, закреплении послевоенных территориальных изменений⁷ и о договорной фиксации отдельных положений, не оказавших существенного влияния ни на международные отношения, ни на международное право⁸. При этом в основной массе его норм только «скучно до безобразия описывается порядок реституций и подтверждаются древние привилегии графов, епископов и городов Римской империи» [Фархутдинов 2019. № 6: 27]. С точки зрения сторонников этой концепции, ни в практику, ни в теорию международных отношений и их международно-правового регулирования этот мирный договор не привнёс ничего нового. Следовательно, вся его ценность для истории сводится лишь к тому, что он прекратил Тридцатилетнюю войну.

Таким образом, тезис о том, что Вестфальский мир 1648 г. открыл новую страницу в истории международных отношений и их международно-правового регулирования, был объявлен «не соответствующим исторической действительности», а утверждение, что он лёг в основу Вестфальской модели мирового порядка, — «историческим мифотворчеством» [Фархутдинов 2019. № 6: 27].

Аргументы «за» и «против» значения Вестфальского мира

Учёное сообщество оказалось расколото на два лагеря применительно к определению значимости Вестфальского мирного договора 1648 г. для теории и практики международных отношений и их международно-правового регулирования. Между тем ни одна из двух доминирующих и взаимоисключающих друг друга концепций не отражает действительного положения вещей: истина лежит между этими крайностями⁹.

В первую очередь, высокая оценка Вестфальского мирного договора и его значения для развития международных отношений и международного права была дана задолго до Л. Гросса, который вовсе не был основоположником «Вестфальского мифа». В частности, российский юрист-международник, признанный учёный мирового уровня Ф.Ф. Мартенс в двухтомном труде «Современное международное право цивилизованных народов» (опубликованного ещё в 1882 году) рассматривал Вестфальский мирный конгресс 1648 г. в качестве одной из фундаментальных вех становления и развития международного права [Мартенс 2008: 24]. Мало того, «Вестфальский трактат, — писал он, — определил начала, на основании которых должна была устроиться новая международная жизнь», то есть те самые начала, которые, по его мнению, были положены «в основание нового порядка международных отношений» [Мартенс 2008: 56].

⁶ Вестфальские договоры формально признали право католиков жить и исповедовать свою религию в протестантских землях и наоборот (см. п. 28 ст. 5 Оснабрюкского договора), в них была закреплена свобода перехода из одной религии в другую для имперских сословий и гарантировалась свобода вероисповедания для ряда религиозных меньшинств (см. ст. V, § 1 и ст. VII, § 1 Оснабрюкского договора). Такой подход не мог быть одобрен Папой, и в дальнейшем его отношение проявилось в несколько запоздалом принятии особой буллы, в которой Вестфальские соглашения объявлялись «в прошлом, настоящем и будущем навечно ничтожными, возмутительными, недействительными, несправедливыми, незаконными, подлежащими осуждению и порицанию, вредоносными, лишёнными всякой силы и значения» (цит. по: [Алексеев 1961: 211–212]).

⁷ Договор в основном закреплял территориальные уступки со стороны Священной Римской империи германской нации в пользу Франции и Швеции.

⁸ Они относят к таковым всеобщую амнистию, нейтрализацию ряда территорий, реституцию собственности, отказ от долгов, восстановление торгового сообщения, разрешение вопросов наследования в некоторых княжествах и др. (см., например: [Куприянов 2019. №3: 39]).

⁹ Выражение впервые появилось в 1512 г. в стихотворной сатире немецкого писателя Томаса Мурнера под названием «Narrenbeschwörung» («Заклятие дураков»).

А вот что писал о Вестфальском мире в Курсе международного права (выдержавшем три издания ещё до Второй мировой войны) крупнейший итальянский юрист-международник Д. Анцилотти: «знаменитые Мюнстерский и Оснабрюкский международные трактаты 1648 года, известные под названием Вестфальских мирных договоров... с полным основанием рассматриваются в качестве отправной точки исторического развития современного международного права» [Анцилотти 1961: 21].

Продолжить подобное цитирование мешают только размеры нашей статьи. *Так что же увидели классики международного права в Вестфальском мирном договоре такого, чего не увидели его критики?* Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов об историческом (историко-генетическом) методе исследования, который обязателен для верной оценки Вестфальского конгресса и принятых на нём соглашений.

Он абсолютно незаменим в тех случаях, когда «при анализе трансформации институтов, явлений и процессов важно установить причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса» [Теория и методология истории 2014: 388]. В этом качестве он широко применяется не только историками, но и, например, юристами, которые «используют исторический метод для исследования формирования системы права, той или иной совокупности законов и правил» [Теория и методология истории 2014: 388]. В международном праве он часто выступает в качестве одного из способов (приёмов) толкования договоров, особенно в тех случаях, когда с момента их заключения проходит значительное время, в связи с чем неизбежно возникают трудности в уяснении его действительного содержания. Для этого исследователю приходится прибегать к изучению обстановки принятия договоров и соответствующей дипломатической практики, сравнению с содержанием норм иных правовых актов этого периода [Международное право 2021: 235]. Кроме того, именно этот метод явля-

ется незаменимым при создании периодизации, «которая заключается в условном делении исторического процесса на определённые хронологические периоды» [Теория и методология истории 2014: 391]. При этом «важно учитывать, что периодизация имеет дело с исключительно сложными процессами и поэтому неизбежно огрубляет и упрощает историческую реальность» [Теория и методология истории 2014: 388].

Получается, что оценка значения Вестфальского мира как раз и связана с периодизацией процессов формирования и современной системы международных отношений, и международного права как системы, в рамках которых и та и другая в ходе становления прошли ряд этапов. Выделение этих этапов потребовало обозначения их временных границ в виде привязок к тем или иным вехам, что в силу эволюционного характера соответствующих процессов носило (и носит) достаточно условный характер. В рамках эволюции социальных общественных отношений и их регулирования, в недрах каждого предшествующего этапа развития зарождаются характеристики этапа последующего, а новый этап ещё долго носит в себе характеристики этапа предыдущего. По этой причине сам момент перехода от одного такого этапа к другому, хотя и привязывается, как правило, к какому-либо событию, принятию национального или международного акта, на самом деле остаётся датой достаточно символической.

Один из крупных исторических этапов начался на рубеже Средних веков и Нового времени, и важно понять, почему же эти процессы так долго и неизменно связывали именно с Вестфальским миром. Проблема в том, что при рассмотрении многих аргументов исследователей, говорящих о «мифологизации» Вестфальского мира, неизбежно приходишь к выводу, что практически все они позиционируют себя в качестве приверженцев исторического (историко-генетического) метода исследования (приводя даже многочисленные сведения), но на самом деле ими не являются. Для обоснования своих выводов они берут «голый»

текст договоров, вырывают его из тех условий, в которых они были приняты, да ещё и толкуют его с точки зрения современных подходов. В результате получаются «спекулятивные выводы». Такой подход приводит к сомнительным и даже ошибочным выводам и суждениям.

Приведу ряд аргументов в пользу высказанной позиции.

Во-первых, практически все «ниспровергатели значения Вестфальского мифа» игнорируют то обстоятельство, что Вестфальский мир явился результатом **первого в человеческой истории** дипломатического конгресса, имевшего общеевропейский (то есть **единый для целой части света**)¹⁰ характер. Если же об этом и упоминается, то только вскользь и как о чём-то второстепенном [Фархутдинов 2019: 24]. В работе над договорами приняли участие все европейские государства и государствовподобные образования, за исключением Англии (в которой шла гражданская война), Португалии, России и Османской империи. При этом Англия в дальнейшем без возражений приняла к сведению условия Вестфальского мира, Португалия же, в силу наличия личной унии с Испанией, фактически присутствовала на конгрессе, а Россия (точнее Великий князь Московский), как союзник Швеции, даже была указана в тексте самого договора¹¹ в качестве одного из гарантов его соблюдения¹². Что же касается Османской империи, то с учётом столь представительного характера участников Вестфальских соглашений, в случае возражений против принятых в них решений она могла бы в той

или иной степени оспорить их, но от неё никаких протестов не поступило.

«В предшествующей жизни европейских народов, — писал по этому поводу тот же Ф.Ф. Мартенс, — ни в средние века, ни в древности не было ни одного прецедента, чтобы представители разных государств сообща обсуждали свои дела и устанавливали порядки, обязательные для всех народов». И далее: «Непосредственное его значение состояло в небывалом в прежнее время факте соединения европейских государств в одно международное общество, которое настолько сознаёт солидарность своих интересов, что считает нужным не только совещаться об общих своих делах, но даже определять внутренний порядок в государствах, входящих в состав этого общества» [Мартенс 2008: 56].

Таким образом, человечество получило не очередной локальный «междусобойчик», а первый опыт формирования того, что сегодня мы называем *международным сообществом* (правда, на тот момент в рамках ещё только европейского мира).

С практикой проведения Вестфальского конгресса связаны и другие значимые изменения. Например, в самих подписанных договорах действительно нет слов о *суверенном равенстве государств*. Тем не менее протокольные порядки, предшествовавшие их подписанию, прямо свидетельствовали о становлении этого института (довольно быстрого в силу особенностей Вестфальского конгресса и условий его проведения)¹³ на основе пусть и регионального (в современном понимании)¹⁴, но

¹⁰ Можно даже сказать — для всего христианского мира.

¹¹ См. ст. XVII, § 11 Оснабрюкского мирного договора. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5673437f-62fa3eda-d2993ae9-74722d776562/https/de.wikisource.org/wiki/Westf%C3%A4lischer_Friede_%E2%80%93_Vertrag_von_Osnabr%C3%BCck (дата обращения: 25.12.2021).

¹² Тем самым Россия (по настоянию шведской королевы Кристины) вошла в число 50 европейских государств, которые прямо указаны в договорах Вестфальского мира [Rembault 1890: 104].

¹³ Мало того, тем самым был создан прецедент формирования международных обычаев в значительно более сжатые сроки, чем они существовали до этого.

¹⁴ Необходимо помнить, что этот период истории характеризовался агрессивной экспансией европейской цивилизации в другие регионы земного шара, основанной на убеждённости в существовании европоцентристской модели мира, и что это в дальнейшем с неизбежностью привело к распространению теории и практики европейского регулирования международных отношений в глобальном измерении. В результате правила Вестфальского мира постепенно распространились по всему миру.

международно-правового обычая, который является одним из источников международного права.

В частности, по общей договорённости всех монархов (независимо от их фактического неравенства) именовали «величествами», всех послов — «превосходительствами»¹⁵. Стремление к равенству «зашло так далеко, что делегации, добиваясь абсолютного равенства, придумали входить на место переговоров каждая через отдельную дверь (что потребовало прорубания дверей по числу участников) и идти к своим местам одинаковым шагом, чтобы ничья гордость не пострадала — ведь иначе тому, кто идёт быстрее, пришлось бы ждать другого, который перемещается неспешнее» [Киссинджер 2014: 24.].

При этом понятие суверенного равенства государств вовсе не является синонимом их фактического равенства, которое не может быть установлено, как и фактическое равноправие между людьми (в отличие от юридического равенства перед законом). Фактического равенства государств не существовало ни до Вестфальского мира, ни после. Его не существует и сегодня: государства неравны ни по своему политическому (достаточно посмотреть на полномочия постоянных членов Совета Безопасности ООН), ни по экономическому, ни по военному статусу. В то же время существовавшая (и существующая) иерархия государств вовсе не мешает им быть независимыми в своих решениях как во внутренней, так и во внешней политике.

Вестфальский конгресс также в значительной степени повлиял на формирование дипломатического права и практики размещения постоянных посольств в столицах других государств [Patton 2019]. В частности, опыт его проведения и примеры решений по многим вопросам процедуры были в дальнейшем положены в ос-

нову конгрессов, собираемых во исполнение Венского мирного договора 1815 года, а затем (когда периодически собираемые конгрессы уже не отвечали требованиям организации международной жизни) — образования такой международной организации, как Лига Наций. Важно, что в самом Вестфальском договоре была сделана попытка установления трёхлетнего периода для мирного разрешения возникающих международных споров (что так и не было реализовано на практике)¹⁶.

Во-вторых, критики значимости Вестфальского мира не учитывают тот факт, что он впервые закрепил **нормы общего международного права** в форме договорных норм. Дискуссии о Вестфальском мире касаются не только этапов становления и развития системы международных отношений, но и вопроса о науке и практике международного права. Возможно, Л. Гроссу действительно не хватило знаний по истории международных отношений. Вместе с тем исследователям, утверждавшим, что роль Вестфальского мира преувеличена, не хватило познаний в области истории международного права (то есть истории той самой правовой системы, которая была специально создана для регулирования международных отношений).

Для начала обращу внимание на то, как оценивают юридическую природу Вестфальских соглашений критики фундаментальной роли Вестфальского мира: они полагают, что поскольку Оснабрюкский договор был заключён, с одной стороны, Швецией и её союзниками, с другой стороны, Священной Римской империей германской нации и её союзниками, а Мюнстерский договор, с одной стороны, Францией и её союзниками, а с другой — с той же империей и её союзниками, то «эти соглашения были двусторонними по своему характеру, что отражает практику того

¹⁵ Следует согласиться с тем, что сам процесс формального уравнивания статуса европейских монархов начался ещё до Тридцатилетней войны (см.: [Куприянов 2019. №4: 17]). Тем не менее в этом вопросе важен и переломный момент.

¹⁶ См. ст. CXXIV Мюнстерского соглашения, заключённого 24 октября 1648 года. URL: https://translated.tur-bopages.org/proxy_u/en-ru.ru.347f7a90-62fa33b6-344778ac-74722d776562/https/ava-lon.law.yale.edu/17th_century-ry/westphal.asp (дата обращения: 25.12.2021).

времени, которое ещё не перешло к заключению многосторонних договоров» [Фархутдинов 2019. № 6: 23].

Подобные выводы являются крайне уязвимыми в силу своей некорректности. Получается, что Вестфальский мир подписан не полусотней государств и государствоподобных образований, а только тремя государствами. Следуя этой логике, даже Устав ООН (разработанный победителями во Второй мировой войне и долгое время не включавший в качестве участников этого договора их главных противников) должен рассматриваться не как многосторонний договор, а как односторонняя декларация, скажем, СССР и его союзников. Очевидная ошибочность подобного умозаключения указывает, что точка зрения оппонентов «Вестфальского мифа» в данном случае не выдерживает критики.

Вестфальский мир — это *первый в истории общеевропейский договор*. Этот факт имеет существенное значение для международного права (и как следствие — для регулирования международных отношений).

К 1648 г. уже все многочисленные условия, которые содействуют возникновению международного права, причём не в виде отдельных локальных и хаотично закреплённых международно-правовых норм¹⁷, а в виде правовой системы, уже существовали [Камаровский 1892: 10, 17; Оппенгейм 1948: 85–86; Таубе 1894: 8–9]. В то же время для возникновения международного права в этом его новом качестве требовались *нормы общего международного права* (то есть нормы, обязательные для всех государств), без которых создание международной правовой системы просто невозможно, поскольку именно эти нормы служат её основой. Не случайно такие нормы международного права (а не все международно-правовые нормы) многими отцами-основателями науки международного права как раз и рассматривались в качестве «права народов». Вот что по этому поводу, например, писал общепризнанный основатель

науки международного права Гуго Гроций: «Известные права могут возникать в силу взаимного соглашения как между всеми государствами, так и между большинством их. И оказывается даже, что подобного рода права возникли в интересах не каждого сообщества людей в отдельности, а в интересах обширной совокупности всех таких сообществ. Это и есть право, которое называется правом народов, поскольку это название мы отличаем от естественного права» [Гроций 1994: 44].

Между тем до Вестфальского мира такие нормы общего международного права существовали исключительно в форме международно-правовых обычаев. Их наличие доказывалось только с помощью трудов средневековых учёных. Более того, постоянно сталкиваясь с устоявшейся практикой заключения исключительно локальных международных договоров, многие из них с неизбежностью стали считать, что такие нормы могут существовать единственно в виде международно-правовых обычаев. Э. Ваттель, например, по этому поводу писал следующее: «Различные обязательства, которые нации могут брать на себя, образуют новый вид права народов, которое называют конвенционным или договорным. Поскольку очевидно, что договор обязывает только договаривающиеся стороны, конвенционное право народов является не всеобщим, а особым правом» [Ваттель 1960: 33]. При этом он уточнял, что обычное право народов «обязывает только именно те нации, которые его приняли, и не является всеобщим или является всеобщим не в большей мере, чем конвенционное право» [Ваттель 1960: 33].

В то же время Г. Гроций считал, что христианские государства должны строить свои отношения на основе международных трактатов (то есть договоров) и обычаев, образующих право, но никогда не противопоставлял их как источники международно-правовых норм. Он только отмечал, что «почти не встречается право, которое было

¹⁷ Локальные международные договоры к тому времени уже имели многовековую практику своего заключения.

бы общее всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной» [Гроций 1994: 74]. Уже в XIX веке И.К. Блунчли указывал, что «иногда в договорах между отдельными государствами встречаются условия, которые по своему содержанию могут быть названы не статьями трактата, а международными законами, не простым соглашением отдельных государств, а основными положениями справедливого порядка международных отношений» [Блунчли 1867: 8].

Тем не менее подход, отрицающий возможность закрепления норм общего международного права в договорах, оставался популярным и в первой половине XX века. В частности, по мнению Д. Анцилотти, «...наиболее общие принципы правопорядка вытекают именно из обычаев, тогда как международные договоры касаются определённых предметов...» [Анцилотти 1961: 84–85] и «общее международное право есть исключительно обычное право» [Анцилотти 1961: 97]. Основатель одной из теорий происхождения права Г. Кельзен по этому поводу высказывался следующим образом: «Общее международное право является фактически обычным правом. Поскольку договоры в принципе обязательны только для договаривающихся сторон и поскольку до настоящего времени не существует международного договора, который был бы заключён всеми государ-

ствами или к которому присоединились бы все государства мира, существует только обычное, а не договорное общее международное право» [Kelsen 1967: 288].

Рассмотрение в качестве источника общих международно-правовых норм исключительно международно-правового обычая, характерное для эпохи начала формирования международного права как правовой системы (и даже позднее) было обусловлено тем, что в условиях господства практики заключения только локальных международных договоров международные соглашения с участием большого количества государств, закрепляющие нормы общего (регионального или мирового) международного права, то есть устанавливающие общепризнанные правила регулирования международных отношений, вплоть до окончания Второй мировой войны были крайне редкими¹⁸. Тем не менее они были¹⁹. К ним, в частности, можно смело отнести Заключительный акт Венского конгресса 1815 года²⁰, Версальский мирный договор 1919 года²¹ и соглашения, заключённые на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов²², закреплявшие итоги Первой мировой войны, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана—Келлога) 1928 года²³, а также Устав Организации Объединённых Наций²⁴. Первым же в мире таким договором стали менно Вестфальский мирный договор 1648 года.

¹⁸ Но количественно соотношение между нормами, закреплёнными в таких договорах, и нормами, закреплёнными исключительно в обычаях, на разных этапах развития международных отношений (и международного права) существенно различалось.

¹⁹ По этой причине подход, отрицающий возможность закрепления норм общего международного права в международном договоре, давно следует признать устаревшим.

²⁰ Заключительный акт Венского конгресса 1815 г. // Ф.Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 220–330.

²¹ Версальский мирный договор: Полный пер. с фр. подлинника / Под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Литиздат НКВД, 1925. С. 1–174.

²² Вашингтонская конференция (1921–1922): Полный пер. актов и документов. М.: Литиздат НКВД, 1924. — 139 с.

²³ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами. Вып. V. М.: НКВД, 1930. С. 8–10. К концу 1928 г. к Договору присоединились 63 государства, то есть почти все, что существовали в то время.

²⁴ Устав Организации Объединённых Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

Что же касается отсутствия в международной практике международных договоров, которые были бы заключены «всеми государствами или к которому присоединились бы все государства мира», то ведь и международных обычаев с такими характеристиками тоже не существует.

Удивительно, но даже до настоящего времени в доктрине ведутся споры о том, в каких же источниках международного права могут содержаться нормы общего международного права. Одни авторы по-прежнему полагают, что *единственным таким источником является международно-правовой обычай* [Ильинская 2012: 114; Thierry 1990: 59; Thirlway 1972: 97]. Например, О'Коннелл прямо утверждает, что «международное право традиционно является обычным правом» [O'Connell 1965: 4] и что «совершенно неправильно говорить о договорах как об источниках международного права... они не больше, чем контракты между сторонами» [O'Connell 1965: 22].

Другая группа авторов считает, что источником таких норм может быть *исключительно международный договор* [Schwarzenberger 1957: 427]. При этом они ссылаются на то, что «после Второй мировой войны международный обычай всё более утрачивает свою почву» [Cassese 1986: 181], что в результате кодификации международного права и стремительного увеличения количества универсальных международных договоров произошло резкое сокращение места и роли обычных международно-правовых норм в регулировании международных межгосударственных отношений вообще и случаев закрепления норм общего международного права в подобных источниках в частности. Отсюда делается вывод о том, что тезис о закреплении норм общего международного права исключительно в международно-правовых обычаях перестал находить практическое подтверждение [Синякин, Скуратова 2018: 531]. Сторонники этого подхода (совершенно корректно) отмечают, что в значительной степени сложившаяся ситуация связана с тем, что «традиционный процесс выработки обычно-правовых норм в силу его

медлительности оказывается в недостаточной степени совместимым с потребностями быстрорастущей взаимозависимости участников международных отношений» [Ильинская 2012: 114].

Ещё Г. Гроций отмечал, что, как правило, срок образования обычая «очевидно, не равняется в точности столетию, хотя они зачастую недалеко отклоняются от этого» [Гроций 1994: 233]. В наше динамичное время такие сроки создания международно-правовых общих правил поведения государств (и других субъектов международного права) никак не соответствуют мировым потребностям. Кроме того, нельзя не согласиться с тем, что договорный способ создания норм общего международного права обладает преимуществами по сравнению с их созданием в виде правового обычая: он обеспечивает большую определённости норм, даёт возможность государствам в процессе создания норм международного права совместно обсуждать затрагиваемые проблемы, сознательно, постепенно согласовывать позиции и находить баланс интересов [Тункин 1989: 198].

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с авторами из этой группы в том, что современное «международное обычное право находится в состоянии кризиса» [Condorelli 1991: 183], что сегодня «не лишены основания предвидения некоторых учёных об отмирании международного обычая» [Курс международного права 1967: 186]. Международный обычай вовсе не утратил актуальности в качестве одного из основных источников международного права как такового и как источника его общих международно-правовых норм, хотя в этой части в последние десятилетия он действительно во многом был потеснён международным договором.

Наконец, третья группа авторов, как нам представляется, наиболее верно оценивает ситуацию и относит к источникам норм общего международного права как международный договор, так и международно-правовой обычай (исключая или не исключая при этом ещё и общие принципы права [Kolb 1998: 72–73]). Критикуя

позицию авторов первой группы, они справедливо указывают на то, что концепция, согласно которой международные договоры не могут вносить изменения в общее международное право, полностью оторвана от действительности. Ведь, по существу, из этой концепции следует, что Устав ООН, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. и другие международные договоры, содержащие общие нормы международного права, — это всего лишь *de lege ferenda* (т. е. только нормативные предположения о формулировках и содержании будущих таких норм). Для того чтобы эти предположения стали нормами общего международного права, они, оказывается (по этой концепции), должны превратиться из договорных норм в нормы обычного права, т. е. получить доказательства всеобщей практики своего применения и признание в качестве правовой нормы [см.: Тункин 1989: 204].

В то же время эти авторы не отрицают, что и в настоящее время международные обычаи могут быть источниками международно-правовых норм общего международного права. Некоторые из них (не без оснований) даже полагают, что в ходе договорной кодификации международного права образуется новый тип международно-правовых норм [Колосов 2006: 19], когда для государств-участников таких договоров «его нормы обязательны, поскольку они являются участниками договора, а для государств, не участвующих в нём, но признающих его нормы обычным путём, они обязательны в соответствии с нормами об образовании обычных норм международного права. Такого рода нормы можно назвать смешанными, договорно-обычными нормами» [Тункин 1989: 204]. При этом, как оказалось, такой тандем источников общего международного права стал фор-

мироваться вовсе не во второй половине XX века.

Дело не в источнике общей международно-правовой нормы, а в её **обязательности для всех государств**. Следовательно, при разрешении вопроса о том, являются ли нормы соглашений Вестфальского мира нормами общего международного права, важно не столько то, в каком (по типу) источнике международного права они закреплены, сколько то, относятся или не относятся данные международно-правовые нормы к правилам поведения, согласованным сообществом государств в качестве обязательных для всех субъектов международного права, вступающих в соответствующие международные отношения.

Приведу определение норм *jus cogens* общего международного права, содержащееся в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года: «Договор является ничтожным, если в момент заключения он противоречит императивной норме общего международного права. Поскольку это касается настоящей Конвенции, императивная норма общего международного права является нормой, которая принимается и признаётся международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такой же характер»²⁵. Выделю здесь два очень важных для моего исследования обстоятельства: 1) эти нормы принимаются и признаются *международным сообществом государств в целом*; 2) в определении *ничего не говорится о тех источниках*, в которых эта воля международного сообщества должна быть выражена.

В договорах Вестфальского мира как раз и нашло первое письменное закрепление договорных²⁶ *общих для всех государств Европы* международно-правовых норм

²⁵ Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР от 10 сентября 1986 г. № 37. Ст. 772.

²⁶ Поскольку в Вестфальском мирном договоре нашла своё первое воплощение сама возможность формирования норм общего международного права с помощью такого источника, как международный договор, то в этом смысле он действительно дал миру новый вид международных договоров.

(то есть правил поведения в международных отношениях). Эти нормы были приняты и признаны всеми европейскими государствами, т. е. всем европейским *сообществом государств*. Они *обязывали все государства*, входящие в это сообщество, *исполнять* принятые решения и соблюдать установленные правила поведения, даже если напрямую в договоре они их не касались.

Именно первое договорное создание Вестфальским миром общих норм международного права позволяет рассматривать его в качестве определяющего в деле формирования *международного права как правовой системы*²⁷. При этом следует согласиться с критиками значения Вестфальского мира в том, что непосредственно в его договорах обо всём этом действительно ничего не говорилось.

Здесь нельзя обойти стороной ещё одно обстоятельство. И.З. Фархутдинов полагает, что не Вестфальский мир 1648 года, а Утрехтский мирный договор 1713 г. заслуживает большего признания в части значения для истории международных отношений и истории международного права [Фархутдинов 2019]. Позволю себе в этом с ним также не согласиться.

В истории эволюции систем международных отношений и международного права можно выделить несколько этапов их становления и развития. Переход от одного такого этапа к другому, так же как и развитие цивилизации, происходил толчками и был тесно связан с эволюцией общественных отношений, изменением уровня потребности общества в их урегулировании, а также с трансформацией общественного сознания и правосознания. При этом представления о новых подходах к регулированию международных отношений не снижались на людей откуда-то с заоблачных высот, они зарождались в недрах предшествующего периода и, достигнув «критиче-

ской массы», создавали прорыв в виде соответствующих перемен в общественном сознании (и правосознании), изменении представлений о субъектах международного права, о принципах, формах и способах регулирования международных межгосударственных отношений. Эти процессы носили эволюционный характер, то есть происходили достаточно медленно, а по этой причине действительно иногда возникала (и возникает) проблема привязки начала очередного такого этапа к конкретному международному договору соответствующего периода истории²⁸.

Вместе с тем сравнивать Вестфальский мир с Утрехтским мирным договором, который состоял как раз из не составлявших единого договора двусторонних соглашений между всего шестью государствами (Францией и Испанией, с одной стороны, и Великобританией, Голландией, Бранденбургом и Савойей — с другой), по меньшей мере представляется некорректным.

И ещё одно: Вестфальский мир содержит ряд положений, которым исследователи, стремящиеся показать его «мифологизацию», часто не придают то значение, которое они в действительности имеют. Приведу несколько примеров. Мы уже ранее упоминали о том, что Франция и Швеция (с некоторыми своими союзниками) были объявлены гарантами его выполнения. Иными словами, опять же впервые в европейской истории в общеевропейском международном договоре трём наиболее авторитетным в военном, экономическом и политическом смысле государствам были предоставлены *особые полномочия*, не предоставленные Вестфальским миром никаким другим государствам.

Что это означает? Считаю, что с объявлением международным актом подобного уровня группы государств гарантами договоров было положено начало формирова-

²⁷ Хотя, повторимся, речь шла о региональном международном праве, но именно Вестфальский мир продемонстрировал реальные перспективы возникновения в дальнейшем и общего международного права для всей планеты, без которого было бы невозможно создание международного права как всемирной правовой системы.

²⁸ В этом смысле абсолютное большинство вех в истории — сплошная «мифология».

нию понятия «великая держава». Кроме того, тем самым было юридически закреплено (и обосновано) сосуществование нескольких «центров силы», а не доминирования одной страны. Наконец, здесь имело место фактическое *создание первой системы европейского равновесия*²⁹. Хотя вновь следует признать, что ни о каком европейском равновесии в самом договоре действительно ничего не говорилось³⁰.

Опыт борьбы с могущественной династией Габсбургов подсказывал переговорщикам, что если в будущем возникла бы угроза повторения ситуации, когда одна политическая сила оказалась настолько сильной, что могла бы претендовать на подчинение себе всей Европы, то следовало прибегать к дипломатическим демаршам. В случае их недостаточности не стоило дожидаться, пока такое государство ещё более усилится, а надо было создавать для противодействия его возвышению либо условия, препятствующие этому³¹, либо не менее сильные коалиции европейских государств, которые смогли бы вернуть противника на его прежние позиции.

Центрами таких коалиций и должны были стать гаранты соблюдения Вестфальского мира. Впоследствии эта система действовала, хотя и не всегда успешно. Например, в рамках борьбы за Балтику зимой 1657/58 г. шведы смогли по льду вторгнуться на остров Зеландия, принадлежавший Дании и на котором была расположена её столица — Копенгаген. По условиям заключённого мира Дания передала Швеции остров Борнхольм и норвежскую область Тронхейм, но шведский король Карл X Густав вскоре решил расши-

рить свои завоевания и снова напал на Данию. Увидев, что Швеция значительно усилилась, Англия и Франция фактически поставили ей ультиматум, и по Копенгагенскому миру 1660 г. шведам пришлось вернуть Дании и Борнхольм, и Тронхейм [Ревякин, Васильева 2018: 83–84]. Другой пример: при Людовике XIV рост влияния Франции вынудил другие государства объединиться, чтобы противостоять ей. На этот раз ситуация дошла и до военного столкновения, по результатам которого Франции пришлось остановить экспансию [Ревякин, Васильева 2018: 93–94].

Между тем критики значимости Вестфальского мирного договора берут только его «голый» текст. По этой причине они и приходят к выводу о том, что он «не подразумевал создания баланса сил» [Куприянов 2019. №4: 50]. В этом вопросе следует согласиться с Л. Оппенгеймом, который прямо отмечал, что именно «со времени Вестфальского мира 1648 г. принцип равновесия держав в истории Европы играл преобладающую роль. Он нашёл прямое признание в 1713 г. в Утрехтском мирном договоре и был путеводной звездой на Венском конгрессе 1815 года, когда была перекроена карта Европы, на Парижском конгрессе 1856 года, на Лондонской конференции 1867 года, на Берлинском конгрессе 1878 г. и при окончании Балканской войны в 1913 году» [Оппенгейм 1948: 283]. Опять же он соблюдался «со времён Вестфальского мира».

Другой пример спорной интерпретации текста Вестфальского договора связан с закреплением в нём независимости Республики Соединённых провинций (Нидерландов)³² и Швейцарской конфедерации³³.

²⁹ Теория баланса сил в международных отношениях предполагает, что государства могут обеспечить своё существование, не позволяя какому-то государству (небольшой группе государств) получить достаточное военное могущество, чтобы доминировать над всеми остальными.

³⁰ Только через 65 лет, в статье 2 англо-испанского мирного договора, подписанного в рамках Утрехтского мира 1713 года, было закреплено, что его целью, в частности, является «установление мира и спокойствия в христианском мире с помощью равного баланса сил».

³¹ В частности, Ф.Ф. Мартенс писал, что «признание политической автономии множества немецких владений надолго обеспечивало бессилие, государственное и международное, Германской империи» [Мартенс 2008: 56].

³² Если быть точным, то фактически независимость Нидерландов была признана Испанией ещё по Мюнстерскому миру, заключённому в январе 1648 года, но в статье LIII Мюнстерского договора, являющегося частью Вестфальского мира, она была подтверждена.

Здесь я абстрагируюсь от того, что одни скептики в части оценок Вестфальского мира считают это признание ничего не значащим событием, поскольку указанные государства и без того уже были к тому времени длительное время фактически независимыми (и даже частично признанными в основном своими союзниками), в то время как другие полагают, что эти республики после заключения Вестфальского договора вообще никакой независимости не получили (см. подробнее: [Куприянов 2019. № 4: 20]), а третьи — утверждают, что Республика Соединённых провинций сразу интерпретировала формулировку Вестфальского договора как свою независимость, а вот Швейцария, используя некоторые особенности касающихся её формулировок этого договора, ещё несколько десятков лет в зависимости от ситуации то заявляла о своём суверенитете, то говорила, что речь идёт только о том, что на её территории не действуют имперские законы (см. подробнее: [Фолькер 2013: 34]). Несмотря на такие расхождения, все критики «Вестфальского мифа» согласны в том, что для развития международного права и международных отношений эти события никакого значения не имели.

Этот вывод представляется мне не вполне корректным. Вопрос даже не в том, что независимость фактическая (или признанная только союзниками) и независимость, признанная юридически в столь значимом общеевропейском международном договоре, — вещи разные³³, и даже не в том, как воспринимали это признание сами республики, а в том, что означало это признание в те времена для остальных европейских участников международных отношений. Полагаю, что существенными здесь являются даже не один, а два аспекта.

Во-первых, признание со стороны европейских *монархий* в качестве самостоятельных и независимых субъектов международ-

ных межгосударственных отношений двух *республик*, возникших не в порядке разрешения династических проблем или «дара сверху», а в результате восстаний и длительной борьбы за свою независимость, *создало прецедент реализации народами права на самоопределение*, а следовательно, и его фактическое признание [Ревякин, Васильева 2018: 79]. Хотя в договоре о таком праве народов ничего не сказано, тут дело не в формулировках, а в факте. Оценивать значение тех или иных фактов истории следует не так, как их оценивали современники, а так, как их оценивают ближние и дальние их потомки.

Во-вторых, на момент признания независимости Республики Соединённых провинций и Швейцарии другие *республики* в Европе уже существовали (но только в виде нескольких городов в Италии), но обладали они (даже включая Венецию) более низким статусом, чем монархические государства. Достаточно сказать, что в иерархии и правовом положении они уступали любой, «даже самой слабой и захудалой монархии» [Ревякин, Васильева 2018: 79]. Одна из причин подобного отношения к республикам заключалась в общепринятых в то время представлениях, что субъектами международных отношений были не государства, а главы государств, то есть монархи (короли, герцоги и др.). Признание в общеевропейском договоре двух республик равноправными участниками международных отношений не только фактически уравнило их с наследственными монархиями, но и ознаменовало начало коренных изменений в представлениях о субъектах международных отношений (а в дальнейшем и о *субъектах международного права*) в силу осознания самой возможности признания в качестве таковых не монархов (физических лиц, «владеющих» государствами), а *самих государств* (юридических лиц).

³³ Об этом говорят ст. 6 Оснабрюкского договора и параграф LXI Мюнстерского договора Вестфальского мира.

³⁴ На это указывает и современная практика попыток реализовать свою международную правосубъектность со стороны непризнанных и частично признанных государств.

Нельзя оставить без внимания и некоторые аспекты вопроса о *суверенитете*. Для начала следует согласиться с критиками значения Вестфальского мира в том, что термин «суверенитет» в его договорах действительно не встречается³⁵. Тем не менее отсутствие в них слов «суверенитет» или «суверенный» не свидетельствует о том, что эти понятия не были известны их авторам и что о соответствующих явлениях в самих договорах ничего не говорится.

Для уточнения этого вопроса необходимо концептуализировать понятие «государственный суверенитет». Начну с того, что это — неотчуждаемое юридическое качество независимого государства, символизирующее его политико-правовую самостоятельность. В общей теории права за его классическое определение взята следующая позиция: государственный суверенитет представляет собой независимость государственной власти от какой-либо иной власти как внутри, так и вне границ страны [Алексеев 1985: 41; Козлова, Кутафин 1995: 120]. В международном праве эти принципиальные подходы к определению понятия суверенитета полностью сохранились (см., например: [Оппенгейм 1948: 260]). Иногда к этим двум составляющим добавляют ещё одну качественную характеристику — верховенство государственной власти, но чаще всего термин «верховенство» только заменяет термин «независимость» применительно к внутригосударственным отношениям. Например, Г.И. Тункин отмечал, что «государственный суверенитет — это присущее государству верховенство на своей территории, независимость — в международных отношениях» [Тункин 1956: 15]. Полагаю, что для рассматриваемого вопроса разница в этих подходах является не принципиальной. Главное здесь заключается в том, что определяющим признаком суверенитета является не власть и не пре-

делы её распространения, а независимость государственной власти. По этой причине утверждать о том, что в Вестфальском мирном договоре ничего не говорилось о суверенитете, а говорилось только о независимости и самостоятельности тех или иных политико-территориальных образований, есть то же самое, что отрицать существование явления только на том основании, что, несмотря на присутствие всех его признаков, оно не получило своего отражения в виде индивидуального наименования.

Другое дело, что содержание понятия суверенитета на протяжении веков существенно изменялось³⁶. Представления о нём в XVII веке отличались от представлений XIX века, а те, в свою очередь, — от представлений современных [Barkin, Cronin 1994; Bartelson 1995; Weber 1995; Krasner 1999], поскольку (здесь следует согласиться с В.Д. Зорькиным) «суверенитет не помещён в “политический холодильник”». Он эволюционирует вместе с развитием государства и общества³⁷. Абсолютной независимости государств (как и абсолютной свободы человека в обществе) не существует. Например, вступая в международные организации или принимая на себя обязательства по международному договору, они ограничивают свою свободу в ведении международных дел.

Эти ограничения могут на разных этапах истории рассматриваться с точки зрения наличия или отсутствия суверенитета совершенно по-разному. Например, карликовые государства Европы на протяжении почти всего XX века, в силу наличия у них (по международным договорам) «особых отношений» со своими соседями, рассматривались не иначе как находящиеся в одной из форм зависимости — протекторате [Оппенгейм 1948: 328]. В связи с этим у них возникали проблемы с принятием в члены международных межправитель-

³⁵ Прежде всего потому, что латыни, на которой были составлены их тексты, он просто не был известен.

³⁶ По этой причине современные концепции суверенитета в политологии и особенно в науке международного права не всегда применимы к явлениям далёкого прошлого.

³⁷ Зорькин В.Д. Апология Вестфальской системы // Российская газета. 2004. 13 июля. № 3525.

ственных организаций и участием в межгосударственных отношениях. Тем не менее в 1964 г. Мальта была принята в ООН, а затем членами ООН в начале 1990-х годов стали и остальные европейские карликовые государства. Между тем членами этой организации могут стать только суверенные государства. Вместе с принятием в ООН карликовых государств содержание понятия суверенитета претерпевает изменения: теперь считается, что если одно государство передаёт по заключённому договору, который по каким-либо причинам изначально не является ничтожным, другому государству свои суверенные права (вплоть до тех или иных собственных функций), то это — суверенное право государства, и такие «самоограничения» не создают угроз его суверенитету. Принятие этой концепции суверенитета не позволяет говорить о протекторате в отношении этих государств (при фактическом сохранении их прежних международных договорённостей).

Глубоко ошибочным является и распространённое среди сторонников «деканонизации» Вестфальского мира мнение о том, что само понятие суверенитета было сформулировано только в XVIII веке Эмером де Ваттелем в книге, изданной в 1758 году [Ваттель 1960], и по этой причине было неизвестно авторам Вестфальских договоров. Основоположителем концепции государственного суверенитета был вовсе не Э. Ваттель, а французский политик и учёный XVI века Жан Боден (1530–1596), который этому вопросу уделил много внимания в своей работе «Шесть книг о государстве», вышедшей в свет в 1576 году. Он, в частности, писал: «Суверенитет — это абсолютная и постоянная власть государства (*“La souverainete est la puissance absolue et perpetuelle d’une Republique...”*), а «первый

признак суверенитета является» создание законов, «не подвергаясь команды или попечительства» со стороны кого бы то ни было [Bodin 1986]³⁸.

Мало того, в 1625 г. был опубликован труд Г. Гроция «О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права» [Гроций 1994]. Хотя он и не использует термин «суверенитет», но много рассуждает о верховной власти, то есть власти, осуществляемой сувереном³⁹. Г. Гроций, например, пишет: «Верховной же властью называется такая власть, действия которой не подчинены иной власти и не могут быть отменены чужой властью по её усмотрению... Такова сущность верховной власти; а теперь следует выяснить, кто же является её носителем. Носитель может быть или в общем, или же в собственном смысле; подобно тому, как общий носитель зрения есть тело, собственный же — есть глаз, так общим носителем верховной власти является государство, названное выше “совершенным союзом”» [Гроций 1994: 127].

К этому следует добавить, что в ранее уже упоминавшемся Мюнстерском договоре, заключённом в январе 1648 года (то есть до Вестфальского мира) между Испанией и Республикой Соединённых провинций, неоднократно использовался термин *«souverain»*⁴⁰. Так что участникам Вестфальского конгресса понятие «суверенитет» просто не могло быть неизвестно.

Уже после заключения Вестфальского мира, но ещё до Э. Ваттеля вопросы суверенитета исследовали английский философ Томас Гоббс (1588–1679), немецкий юрист-международник Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694), английский мыслитель Джон Локк (1632–1704) и многие другие, кто своими научными трудами существенно изме-

³⁸ Ж. Боден упоминает и о суверенном равенстве: «маленький король столь же суверенен, как и величайший монарх на земле».

³⁹ Правда, такая верховная власть им понималась, прежде всего, как недопущение распространения на неё внешнего влияния.

⁴⁰ См. ст. 1, 3, 49 Мюнстерского мирного договора между Республикой Соединённых провинций Нидерландов и Королевством Испания 1648 года. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5f661da2-62fa3c32-63e6cb0d-74722d776562/https/nl.wikisource.org/wiki/Vrede_van_M%C3%BCnster (дата обращения: 25.12.2021).

нил общественное правосознание по отношению к государственному и национальному суверенитету и в значительной степени повлиял на формирование содержания этих понятий. Да и после Э. Ваттеля работ о суверенитете было немало.

Если вернуться к Э. Ваттелю, то он дал следующее определение понятия «суверенитет»: «Ей [нации. — Б. Н.] необходимо установить публичную власть, чтобы распоряжаться и указывать, что каждый должен делать для осуществления целей общества. Эта политическая власть общества есть суверенитет, и тот, кто обладает ею, является сувереном» [Ваттель 1960: 39]. И далее: «Всякая нация, которая сама управляет собою, в какой бы форме это ни осуществлялось, без какой-либо иностранной зависимости, представляет собой суверенное государство» [Ваттель 1960: 40]. При этом он считал, что «нации, или суверенные государства, должны рассматриваться как свободные личности, которые живут в естественном состоянии» [Ваттель 1960: 26]. И далее: «Для того чтобы нация имела право непосредственно состоять в этом великом обществе, достаточно, чтобы она была действительно суверенной и независимой, то есть чтобы она сама управляла собою посредством собственной власти и своих законов» [Ваттель 1960: 40–41]. В то же время, по мнению Э. Ваттеля, «дань, выплачиваемая какой-либо иностранной державе, хотя и задевает несколько достоинство этих государств, являясь признанием их слабости, но оставляет полностью нетронутым их суверенитет» [Ваттель 1960: 41]. Получается, представление о том, что Э. Ваттель дал определение понятия суверенитета, близкое по содержанию современному, вытекает только из толкования того, что он написал, а не непосредственно из текста его работы⁴¹.

* * *

Низведение Вестфальского мира до уровня малозначительного локального международного договора не соответствует его фактическому статусу среди событий прошлого человечества. Он выступает не только в качестве документа, завершившего Тридцатилетнюю войну, но и в качестве значительной ступени как формирования современной системы международных отношений, так и создания (классического) международного права как соответствующей системы.

Непосредственно в тексте Вестфальского мирного договора действительно не нашли своего закрепления такие принципы регулирования международных отношений и международного права, как суверенное равенство государств, закрепление именно за ними, а не за монархами международной правосубъектности, в договоре не было сформулировано понятие суверенитета государства. Характеризуя его, исследователи слишком часто вынуждены говорить о том, что он «был истоком», «положил основу», «создал базу для становления», «ознаменовал начало коренных изменений». Тем не менее это не умаляет его достоинств. Отмечу главные из них.

Именно Вестфальский конгресс стал первым в мировой истории общеевропейским конгрессом. Его представительный характер, длительность проведения, содержание подписанных в ходе него договоров и обязательность их положений для всех участников, а также протокольные правила позволяют говорить об осознании государствами Европы себя как единого (общеевропейского) международного сообщества. Кроме того, в ходе работы Вестфальского конгресса в относительно короткие сроки были созданы не только договорные, но и общие международно-правовые обычные нормы, имевшие принципиальное значе-

⁴¹ Когда читаешь то, что написано о трудах Э. Ваттеля в специальной литературе по политологии, истории международных отношений, да и международному праву, а потом читаешь работы самого Э. Ваттеля, то постоянно возникает ощущение, что все выводы о том, что именно он написал, покоятся исключительно на толковании его трудов и на толковании их толкований. Невольно возникает мысль, что скоро кто-нибудь обязательно займётся (по примеру Вестфальского мира) развенчанием «мифологизации» этого автора. Впрочем, это справедливо не только по отношению к Э. Ваттелю.

ние для формирования новой системы международных отношений.

Несмотря на то что большая часть положений Вестфальского мира 1648 г. действительно носит прикладной характер, он представляет собой образец первого в мировой истории общеевропейского международного договора, в котором был сфор-

мулирован ряд норм, обязательных для всех государств Европы. В результате был совершён прорыв в вопросе создания договорных норм общего международного права, и потому этот мирный договор следует рассматривать как фундаментальную веху в формировании системы международного права.

Список литературы

- Алексеев В.А. Тридцатилетняя война. Л.: Учпедгиз, 1961. 237 с.
- Алексеев С.С. Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1985. 480 с.
- Анцилотти Д. Курс международного права: Введение—общая часть. Т. 1. М.: Иностр. лит., 1961. 447 с.
- Беляев М.П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса. М.: ИВИ РАН, 2000. 111 с.
- Блунчли И.К. Основы международного права // О значении и успехах новейшего международного права. Петербург: Изд. Н.И. Ламанского, 1867. 90 с.
- Ваттель Э. Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 720 с.
- Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
- Ильинская О.И. Вопросы применения международных обычно-правовых норм // Журнал российского права. 2012. № 11. С. 114—125.
- Камаровский Л.А. Основные вопросы науки международного права. М.: Унив. Типография, 1892. 92 с.
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2014. 512 с.
- Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право Российской Федерации. М.: Юристъ, 1996. 480 с.
- Колосов Ю.М. Виды международно-правовых обычных норм в международном гуманитарном праве // Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск. 2005. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2006. С. 17—21.
- Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37—50.
- Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11—23.
- Курс международного права: Понятие и сущность современного международного права: В 6 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. 284 с.
- Левин Д.Б. История международного права. М.: Изд-во ИМО, 1962. 136 с.
- Лукашук И.И. Нормы международного права в международной нормативной системе. М.: Спарк, 1997. 322 с.
- Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: В 2 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2008. 368 с.
- Международное право: В 2 ч. / Под ред. А.Н. Вылегжанина, Е.Т. Загайнова, А.Я. Капустина, Б.И. Нефёдова. Ч. 1. М.: Юрайт, 2021. 329 с.
- Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. Полутом 1. Пер. с 6-го англ. изд. М.: Иностр. лит., 1948. 407 с.
- Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 436 с.
- Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555—1648. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2002. 384 с.
- Ревякин А.В., Васильева Н.Ю. История международных отношений: В 3 т. Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны / Под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2018. 400 с.
- Сафонов В.Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 110—117.
- Саямов Ю.Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3 (27). С. 95—105.
- Синякин И.И., Скуратова А.Ю. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 41. С. 526—545.

- Таубе М.* История зарождения современного международного права (средние века). Т. 1. Введение и Часть Общая. СПб.: Типо-Литография П. И. Шмидта, 1894. 370 с.
- Теория и методология истории / Под ред. В.В. Алексеева, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Л.Е. Гринина. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.
- Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. 416 с.
- Тункин Г.И.* Особенности создания обычных норм международного права // Баскин Ю.А., Крылов Н.Б., Левин Д.Б., Мовчан А.П., Мюллерсон Р.А., Тункин Г.И., Усенко Е.Т., Ушаков Н.А., Фельдман Д.И. Курс международного права: В 7 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 189–220.
- Фархутдинов И.З.* Утрехтский мирный договор: начало или конец Вестфалья? Опыт доктринального исследования проблем формирования современной модели международных отношений в контексте развития международного права // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 23–39.
- Фархутдинов И.З.* Доктрина о вестфальской мирной системе: мифы и реалии // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 21–31.
- Фельдман Д., Барабанов О.* Если Вестфаль и болен, то этот болевой скорее жив, чем мёртв... // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 104–113.
- Фолькер Р.* История Швейцарии. М.: Весь Мир. 2013. 144 с.
- Barkin J.S., Cronin B.* The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations // International organization. 1994. Vol. 48. No. 1. P. 107–130.
- Bartelson J.* A genealogy of sovereignty. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 317 p.
- Bodin J.* Les six livres de la Republique, liv. I–III. Paris: Fayard, 1986. 861 p.
- Cassese A.* International Law in a Divided World. Oxford: Clarendon Press, 1986. 429 p.
- Condorelli L.* Custom // International Law: Achievements and Prospects / Ed. by Bedjaoui M. Dordrecht: Nijhoff. 1991. P. 179–212.
- Croxton C.D.* Westphalia: The Last Christian Peace. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 452 p.
- Croxton D.* The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. Vol. 21. No. 3. P. 569–591.
- Gross L.* The Peace of Westphalia, 1648–1948 // The American Journal of International Law. 1948. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Kelsen H.* Principles of international law / Rev. and ed. by R. Tucker. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966. 602 p.
- Kolb R.* The formal source of jus cogens in public international law // Zeitschrift für öffentliches Recht. 1998. Vol. 53. P. 69–105.
- Krasner S.D.* Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / ed. by Goldstein J., Keohane R. Series: Cornell Studies in Political Economy. London: Cornell University Press, 1993. P. 235–264.
- Krasner S.D.* Sovereignty: organized hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 248 p.
- Lesaffer R.* Peace treaties from Lodi to Westphalia // Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One / Ed. by R. Lesaffer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 9–44.
- Lesaffer R.* The non-Westphalian Peace. Oxford Public International Law (OPIL). 2014. Available at: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwest-phalian-peace> (accessed: 25.12.2021).
- Morgenthau H.J.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred Knopf, 1948. 489 p.
- O'Connell D.P.* International Law. Two vol. Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd., 1965. 651 p.
- Osiander A.* Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.
- Patton S.* The Peace of Westphalia and it Affects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy // The Histories. 2019. Vol. 10. No. 1. Article 5. P. 91–99.
- Rembault A.* Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, v. Russie, livre premier. Paris: Felix Alcan Editeur, 1890. 576 p.
- Schwarzenberger G.* International Law as Applied by International Courts and Tribunals. London: Stevens & Sons Ltd, 1968. 881 p.
- Thierry H.* L'évolution du droit international: cours général de droit international public // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 222. Boston, 1990. P. 9–186.
- Thirlway H.W.* International Customary Law and Codification. Leiden: Brill, 1972. 170 p.
- Weber C.* Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, xiv, 147 p.
- Whaley J.* Germany and the Holy Roman Empire. Vol. I: Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648. New York: Oxford University Press, 2012. 637 p.

THE CRITIQUE OF THE WESTPHALIAN PEACE NARRATIVE

BORIS NEFEDOV

HSE University, Moscow, 101000, Russia

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article studies perceptions of the Peace of Westphalia that were formed in the fields of international relations history and the general theory of international law as a result of conflicting doctrines, with some claiming the Westphalian treaties of 1648 are of universal significance for these scientific fields, and others, conversely, denying that these treaties had any sort of influence on the formation of a modern system of international relations and the formation of international law as a legal system. The article concludes that the treaties of the Peace of Westphalia does not actually contain many of the provisions attributed to them. These norms often arise only from their interpretation. However, the critics of the treaties' significance for the history of international relations and their international legal regulation who focused their attention only on the verbatim text of these documents while ignoring the historical conditions surrounding their development and adoption, failed to properly assess their impact. The Westphalian Congress was the first congress in world history that was pan-European in character. Its widely representative nature, the lengthy period of time during which it was held, the content of the treaties and the universally binding nature of their provisions, as well as the protocol rules, allow us to claim that the states of this world region started to identify themselves as part of a single pan-European international community. Moreover, the Congress also saw the creation, in a relatively short time, not only of treaties, but also of customary norms of general international law that were of fundamental importance for the formation of a new system of international relations. Despite the fact that most of the provisions of the Peace Treaty of Westphalia of 1648 have an applied nature, it is by no means an insignificant medieval treaty, the only virtue of which lies in it ending the Thirty Years' War. The Peace of Westphalia is an example of the first pan-European international treaty in world history which formulated a number of binding norms for all states of this part of the world. To sum up, the Westphalian Peace Treaty was, a historic breakthrough the creation of treaty norms of general international law, and therefore it should be deemed a historical milestone in the creation of international law as a legal system.

Keywords:

The Peace of Westphalia; the Congress of Westphalia; general international law; sources of general international law; interpretation of international treaties.

References

- (1967). *Kurs mezhdunarodnogo prava: Ponyatie i sushhnost sovremennogo mezhdunarodnogo prava*. [International Law Course: The concept and essence of modern international law]. V 6-ti tomakh. Vol. 1. Moscow: Nauka. 284 p.
- Alekseev S.S. (1985). *Teoriya gosudarstva i prava*. [Theory of State and law]. Moscow: Yurid. Lit. 480 p.
- Alekseev V. A. (1961). *Tridsatiletnyaya vojna*. [The Thirty Years' War] Leningrad: Uchpedgiz. 237 p.
- Alekseev V.V., Kradin N.N., Korotaev A.V., Grinin L.E. (eds) (2014). *Teoriya i metodologiya istorii*. [Theory and methodology of history]. Volgograd: Uchitel. 504 p.
- Ancilotti D. (1961). *Kurs mezhdunarodnogo prava: Vvedenie — obshchaya chast'*. [Course in international law: an Introduction—General part]. Vol. 1. Moscow: Inostrannaya literatura. 447 p.
- Barkin J.S., Cronin B. (1994). The state and the nation: changing norms and the rules of sovereignty in international relations // *International organization*. Vol. 48. No. 1. P. 107–130.
- Bartelson J. (1995). *A genealogy of sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press. 317 p.

- Beljaev M.P. (2000). *Frantsuzskaja i imperskaja diplomatija v poiskah mira: iz istorii Vestfal'skogo mirnogo kongressa* [The French and Imperial Diplomacy in Search of Peace: from the History of the Westphalia Congress]. Moscow: IVI RAN. 111 p.
- Blunchii I.K. (1867). *O znachenii i uspekhax novejshego mezhdunarodnogo prava* [On the Significance and Successes of Modern International Law]. Petersburg: Izd. N.I. Lamanskogo. 90 p.
- Bodin J. (1986). *Les six livres de la Republique, liv. I–III*. [The six books of the Republic, books I–III.] Paris: Fayard. 861 p.
- Cassese A. (1986). *International Law in a Divided World*. Oxford: Clarendon Press. 429 p.
- Condorelli L. (1991). Custom. In: Bedjaoui M. (ed.) *International Law: Achievements and Prospects*. Dordrecht: Nijhoff. P. 179–212.
- Croxtan C.D. (2013). *Westphalia: The Last Christian Peace*. New York: Palgrave Macmillan. 452 p.
- Croxtan D. (1999). The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty. *The International History Review*. Vol. 21. No. 3. P. 569–591.
- Farkhutdinov I.Z. (2019). Utrekhtskij mirnyj dogovor: nachalo ili konec Vestfalya? Opyt doktrinalnogo issledovaniya problem formirovaniya sovremennoj modeli mezhdunarodnykh otnoshenij v kontekste razvitiya mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Utrecht: the beginning or the end of Westphalia? The experience of doctrinal study of the problems of the formation of a modern model of international relations in the context of the development of international law]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. No. 7 (134). P. 23–39.
- Farkhutdinov I.Z. (2019). Doktrina o vestfal'skoj mirnoj sisteme: mify i realii. [The doctrine of the Westphalian peace system: Myths and realities]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*. No. 6 (133). P. 21–31.
- Feldman D., Barabanov O. (2007). Esli Vestfal i bolen, to etot bolnoj skoree zhiv, chem mertv... [If Westphal is ill, then this patient is more alive than dead...]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 5. No. 3. P. 104–113.
- Folker R. (2013). *Istoriya Shvejtsarii*. [The history of Switzerland]. Moscow: Ves mir. 144 p.
- Grotsij G. (1994). *O prave vojny i mira: Tri knigi v kotorykh ob`yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava* [On the Law of War and Peace: Three books explaining the natural law and the law of nations, as well as the principles of public law.]. Moscow: Ladimir. 868 p.
- Gross L. (1948). The Peace of Westphalia, 1648–1948. *The American Journal of International Law*. Vol. 42. No. 1. P. 20–41.
- Ilyinskaya O.I. (2012). Voprosy primeneniya mezhdunarodnykh obychno-pravovykh norm [Issues of application of international customary law norms]. *Zhurnal rossijskogo prava*. No. 11. P. 114–125.
- Kamarovskij L.A. (1892). *Osnovnyye voprosy nauki mezhdunarodnogo prava* [The main issues of the science of international law]. Moscow: Univ. Tipografiya. 92 p.
- Kelsen H., Tucker R. (ed.) (1966). *Principles of international law*. New York: Holt, Rinehart and Winston. 602 p.
- Kissindzher G. (2014). *Mirovoj poryadok*. [World order]. Moscow: AST. 512 p.
- Kolb R. (1998). The formal source of jus cogens in public international law. *Zeitschrift für öffentliches Recht*. Vol. 53. P. 69–105.
- Kolosov Yu.M. (2006). Vidy mezhdunarodno-pravovykh obychnykh norm v mezhdunarodnom gumanitarnom prave. [Types of customary international law norms in international humanitarian law] In: *Rossijskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Specialnyj vypusk. 2005*. Saint Petersburg: Rossiya-Neva. P. 17–21.
- Kozlova E.I., Kutafin O.E. (1996). *Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurist. 480 p.
- Krasner S.D. (1993). Westphalia and All That. In: Goldstein J., Keohane R. (eds.) *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change*. London: Cornell University Press. P. 235–264.
- Krasner S.D. (1999). *Sovereignty: organized hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press. 248 p.
- Kupriyanov A.V. (2019a). "Vestfal'skij mif" i "vestfal'skij" suverenitet. [The "Westphalian myth" and "Westphalian" sovereignty]. *Analiz i prognozirovanie. Zhurnal IMEMO*. No. 4. P. 11–23.
- Kupriyanov A.V. (2019b). "Vestfal'skij mif": istoriya i kritika. [The "Westphalian Myth": history and criticism]. *Analiz i prognozirovanie. Zhurnal IMEMO*. No. 3. P. 37–50.
- Lesaffer R. (2004). Peace treaties from Lodi to Westphalia. In: Lesaffer R. (ed.) *Peace Treaties and International Law in European History: From the Late Middle Ages to World War One*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 9–44.
- Lesaffer R. (2014). The non-Westphalian Peace. *Oxford Public International Law (OPIL)*. Available at: <https://opil.ouplaw.com/page/non-westphalian-peace/the-nonwest-phalian-peace> (accessed: 25.12.2021).
- Levin D.B. (1962). *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow: IMO. 136 p.

- Lukashuk I.I. (1997). *Normy mezhdunarodnogo prava v mezhdunarodnoj normativnoj sisteme* [Norms of international law in the international regulatory system]. Moscow: Spark. 322 p.
- Martens F.F. (2008). *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannykh narodov* [Modern international law of civilized peoples]. V 2-x tomakh. Vol. 1. Moscow: Zertsalo. 368 p.
- Morgenthau H.J. (1948). *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred Knopf. 489 p.
- O'Connell D.P. (1965). *International Law. Two vol.* Vol. I. London: Stevens and Sons Ltd. 651 p.
- Oppenheim L. (1948). *Mezhdunarodnoe pravo. T. 1. Polutom 1. Perevod s anglijskogo* [International Law. Vol.1. Semi-half 1. Translated from English] Moscow: Inostrannaya literatura. 407 p.
- Osiander A. (2001). Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. *International Organization*. Vol. 55. No. 2. P. 251–287.
- Patton S. (2019). The Peace of Westphalia and its Effects on International Relations, Diplomacy and Foreign Policy. *The Histories*. Vol. 10. No. 1. P. 91–99.
- Porshnev B. F. (1970). *Frantsiya, Anglijskaja revoliutsiya i evropejskaja politika v seredine XVII v.* [France, the English Revolution and European Politics in the Middle of the XVIIth Century]. Moscow: Nauka. 436 p.
- Prokopjev A.Ju. (2002). *Germanija v epokhu religioznogo raskola. 1555–1648* [Germany in the Age of the Religious Divisions. 1555–1648]. St. Petersburg: IC Gumanitarnaja Akademija. 384 p.
- Rembault A. (1890). *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France: depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française, v. Russie, livre premier*. Paris: Felix Alcan Editeur. 576 p.
- Revyakin A.V., Vasil'eva N.Yu. (2018). *Istoriya mezhdunarodnyx otnoshenij: v 3 tomakh. T. 1: Ot Vestfal'skogo mira do okonchaniya Pervoj mirovoj vojny*. [History of International Relations: in 3 volumes. Vol. 1: From the Peace of Westphalia to the end of the First World War] / Pod red. A.V. Torkunova, M.M. Narinskogo. 3-e izdanie. M.: Aspekt Press. 400 p.
- Safonov V. E. (2021). Vestfalskij traktat 1648 goda i ego vliyanie na formirovanie printsipov mezhdunarodnogo prava [The Treaty of Westphalia of 1648 and its influence on the formation of the principles of international law]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. Vol. 2. P. 110–117.
- Sayamov Yu.N. (2018). Vestfalskij mir i ego principy vchera i segodnya [The Peace of Westphalia and its principles yesterday and today]. *Vek globalizatsii*. No. 3 (27). P. 95–105.
- Schwarzenberger G. (1968). *International Law as Applied by International Courts and Tribunals*. London: Stevens & Sons Ltd. 881 p.
- Sinyakin I. I., Skuratova A. Yu. (2018). Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: The Historical Aspect and Contemporary Value for International Law]. *Vestnik Permskogo Universiteta: Yuridicheskie nauki*. No. 41. P. 526–545.
- Taube M. (1894). *Istoriya zarozhdeniya sovremennogo mezhdunarodnogo prava. (srednie veka). T. 1. Vvedenie i Chast Obshchaya* [The history of the origin of modern international law (Middle Ages). Vol.1. Introduction and General Part]. Saint Petersburg: Tipo-Litografiya P. I. Shmidta. 370 p.
- Teshke B. (2011). *Mif o 1648 gode: klass, geopolitika i sozdanie sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenij* [The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Creation of Modern International Relations]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly ekonomiki. 416 p.
- Thierry H. (1990). L'évolution du droit international: cours général de droit international public. In: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 222. Boston. P. 9–186.
- Thirlway H.W. (1972). *International Customary Law and Codification*. Leiden: Brill. 170 p.
- Tunkin G.I. (1989). Osobennosti sozdaniya obychnykh norm mezhdunarodnogo prava [Features of the creation of customary norms of international law]. In: Baskin Yu.A., Krylov N.B., Levin D.B., Movchan A.P., Mullerson R.A., Tunkin G.I., Usenko E.T., Ushakov N.A., Feldman D.I. *Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 tomakh. T. 1*. Moscow: Nauka. P. 189–220.
- Vattel E. (1960). *Pravo narodov ili principy estestvennogo prava, primenyaemye k povedeniyu i delam natsij i suverenov* [The law of peoples or the principles of natural law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow: Gosyurizdat. 720 p.
- Vylegzhanin A.N., Zagajnov E.T., Kapustin A.Ya, Nefedov B.I. (eds.) (2021). *Mezhdunarodnoe pravo v 2 ch. Chast 1* [International law in two parts. Part 1]. Moscow: Yurajt. 329 p.
- Weber C. (1995). *Simulating Sovereignty: Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995, xiv, 147 p.
- Whaley J. (2012). *Germany and the Holy Roman Empire, Volume I: Maximilian I to the Peace of Westphalia 1493–1648*. New York: Oxford University Press. 637 p.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КИНОКОММУНИКАЦИИ

МИХАИЛ ЖАБСКИЙ

ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», Москва, Россия

КИРИЛЛ ТАРАСОВ

МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Резюме

Глобализация межкультурной кинокоммуникации в формате американизации рассматривается в аспекте остро стоящей проблемы — сохранения культурного разнообразия в мире. Глобализационный процесс осмыслен как результат исторической смены форм рынка: от свободной конкуренции в киноиндустрии США — к олигополии, а от неё — к национальной и международной монополии. В период полиполии русло глобализации прокладывала родоначальница синематографа — Франция. Соединённые Штаты, где в 1908 г. доля французских фильмов составляла 70%, бросили ей решительный вызов. Рассматриваются три фактора — институциональный, геополитический и творческий — утраты французами в период олигополии доминирующих позиций на американском, а затем и на собственном рынке. На «мягкую силу» американского кинематографа французское государство ответило квотированием кинопоказа, мотивируя это, в частности, необходимостью обеспечения внутренней и внешней безопасности, охраны обычаев и национальных традиций. К квотированию как средству ограничения «мягкой силы» со стороны США прибегли и другие страны. Большие — прежде всего по экономическим соображениям, малые — по культурным. Глобализационная мощь американской киноиндустрии объясняется рациональным выбором магистрального пути её стилистического развития и мастерством создателей фильмов, профессионализмом акторов менеджмента и маркетинга, инвестициями крупного капитала и поддержкой правительства в его стремлении к «культурной гегемонии» США. Крупные кинофирмы, возникшие в период олигополии (1909–1929), конкуренцию на рынке США вели согласованно. Непосильной для малых фирм инвестиционной суперзатратной конкуренцией они установили на внутреннем рынке режим национальной монополии (1930–1946). На мировом рынке избранный способ конкуренции позволил американской киноиндустрии обрести во второй половине 1940-х годов статус международного монополиста. Важную роль при этом сыграла созданная в 1945 г. Американская ассоциация экспортёров фильмов — своего рода «дипломатическая служба», функционирующая с позволения и при поддержке правительства США. В статусе глобального монополиста американская киноиндустрия стремится не только доминировать в межкультурной кинокоммуникации, но и в качестве средства популярной геополитики контролировать её путём лоббирования, экспорта капитала и товаров. Трансграничное движение продуктов национальных кинематографий и культурное разнообразие в сфере кинематографа в значительной мере стало жертвой глобализационного процесса. На обширном фактическом материале воссоздаётся картина дисбаланса в межкультурной кинокоммуникации. Когда в социально-функциональном плане импорт фильмов в конкретной стране в основном заменяет их собственное производство, социум в значительной мере лишается возможности воспроизводить свою культуру и, следовательно,

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.01.2022

Дата принятия к публикации: 27.07.2022

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: m.zhabsky@gmail.com

k.tarasov@inno.mgimo.ru

идентичность изображением собственного имиджа и его освоением. Создание национальной кинематографической картины мира и её успешное включение в коммуникативный процесс становится актуальной задачей обеспечения культурного разнообразия.

Ключевые слова:

межкультурная коммуникация; популярная геополитика; киноиндустрия; Голливуд; «мягкая сила»; рынок; глобализация; культурное разнообразие; государство; квотирование.

Творения Духа не являются всего лишь товарами; элементы культуры не являются чистым бизнесом. На карте культурная идентичность всех наших наций... Это вопрос о свободе создавать и выбирать наши собственные имиджи. Общество, которое лишится средств изображения себя, будет порабощённым обществом.

Франсуа Миттеран

В последней четверти XIX века на повестку цивилизационно-культурного дискурса была вынесена проблема, которая по мере развития научно-технического прогресса и урбанизации обретала всё большую общественную значимость. Её возникновение отражало разделение истории человечества на две части: «Первая — борьба за то, чтобы иметь досуг; вторая борьба сводится к вопросу: что мы будем делать с нашим досугом, когда его получим?» [Fowles 2007: 190–191].

В этой сентенции имеется в виду прежде всего досуг широких слоёв населения. Многообещающий ответ на цивилизационно-культурный вызов истории дала синергетическая практика научно-технического и художественного творчества на рубеже XIX и XX столетий. Из искры первого платного публичного кинопоказа во Франции, состоявшегося 28 декабря 1895 года, быстро разгорелось пламя характерного для XX века массового кинозрелища и связанного с ним межкультурного коммуникативного процесса — взаимозависимой кинематографической жизни народов мира.

В 1914 г. писатель Леонид Андреев высказал мысль о глобальном коммуникативном потенциале немого в ту пору кинематографа: «*Не имеющий языка*, одинаково понятный дикарям Петербурга и дикарям Калькутты, — он воистину становится гением интернационального общения, сближает концы земли и края душ, включает

в единый ток вздрагивающее человечество» [Андреев 2011: 39–40]. Писатель, по сути, констатировал рождение нового международного процесса — межкультурной кинокоммуникации.

Л. Андреев не мог предвидеть, какие драматические экономические и политические, социальные и культурологические процессы международного характера повлечёт за собой развитие кинокоммуникации. Спустя многие десятилетия немецкий философ Оскар Негт, несколько преувеличивая, заметил, что в возведении барьеров, отделяющих человеческие существа друг от друга, кино уже не уступает самолётам и пушкам [Negt 1973: XXVIII]. В начале XX века лишь начиналось формирование крупных кинокомпаний в США, конкурентная борьба между которыми за бюджет зрителей в дальнейшем привела к монополизации мирового кинорынка и поставила многие кинематографии на грань утраты национально-культурной специфики, а государства и ЮНЕСКО — перед необходимостью защиты этой специфики и сохранения культурного разнообразия в мире.

В поиске ответов национальных кинематографий на возникшие вызовы важно понимать и практически учитывать реальные механизмы, с помощью которых Голливуд обрёл статус международного монополиста. С 1990-х годов в зоне его доминирования оказалось также кинопространство России. На заседании круглого стола в Гос-

думе, состоявшемся в 2004 году, А. Кончаловский справедливо констатировал, что российское кино теряет своего зрителя: на современном поколении кинозрителей «уже сегодня всё более и более заметны результаты глобализации. Это поколение уже колонизировано»¹. Исследуя столь остро вставшую проблему глобализации межкультурной кинокоммуникации, авторы пытаются взглянуть на неё комплексно. Осуществляемый дискурс опирается на имеющиеся в мировой литературе теоретические и конкретно-аналитические материалы по экономическим и социологическим, политологическим и эстетическим аспектам кинематографической жизни человечества в разные периоды его истории. Привлекаются также фактологические данные статистики и социологии межкультурной кинокоммуникации.

Киноиндустрия США как средство популярной геополитики

В пространстве межгосударственных отношений культура, наряду с политическими ценностями и внешней политикой, выступает важным носителем «мягкой силы» [Нье 2004: 10]. Значительную роль играет при этом продукт киноиндустрии как транснациональный консенсусный нарратив [Campbell, Martin, Fabos 2016: 255], способствующий формированию общего культурного опыта человечества. Киноиндустрия, помимо прочего, доносит до зарубежной публики образ конкретного государства и, будучи носителем его «мягкой силы», становится средством популярной геополитики.

За более чем сто лет с момента появления кинематографа в результате проката продуктов киноиндустрии на разных медийных платформах значительно расширено, интенсифицировано и унифицировано пространство транснациональной — взаимообогащающей, но и весьма неоднознач-

ной по своим последствиям — культурной коммуникации. Опасения правительств многих стран и их интеллектуальных элит вызывает, в частности, Голливуд, распространяющийся «по земному шару, словно спрут со щупальцами... в последние годы зарубежные рынки, особенно в Китае и России, стали в возрастающей степени важными... Ежегодный доход голливудских студий почти на 70% состоит из кассовых сборов на международных рынках»².

Противоречивость межкультурной коммуникации вопросами распределения доходов не исчерпывается: «Голливудские фильмы, адресованные международной аудитории, являются формой мягкой дипломатии, посредством которой Америка рассказывает о себе остальному миру. Повествуя об индивидуальном триумфе при столкновении с трудными обстоятельствами, предлагая сказки об искуплении и фантастических схватках добра со злом, фильмы распространяют американские понятия об успехе, романтике и героизме. Нередко отражена в них и тёмная сторона современной американской жизни с её насилием и тревогами повседневности»³.

В 1940-х — 1950-х годах, когда для населения большинства стран американские фильмы были главным источником информации о Соединённых Штатах, в США одни критиковали киноиндустрию за показываемую на экране тёмную сторону американской жизни, другие, возражая им, утверждали, что кино — всего лишь развлечение. Голливуд оказался в центре идеологической схватки между коммунизмом и западной демократией. «В борьбу включался даже Государственный департамент, полагая, что американские фильмы не доносят до иностранцев наилучший образ страны» [Jowett 1976: 384]. У Голливуда были свои защитники, видевшие в нём «агента демократии». Подводя итог развернувшимся дискуссиям, в середине 1970-х годов

¹ Интересная экономика // Кинопроцесс. 2004. № 1–2. С. 41–42.

² How the global box office is changing Hollywood. 2021. 03.05. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/culture/story/20130620-is-china-hollywoods-future>

³ Ibid.

Гарт Джоувит высказал мнение, что кинофильмы сделали многое для ознакомления мира с материальной культурой Америки. Несмотря на вызываемые ими ошибочные представления о масштабах в США преступности, насилия и др., они на протяжении более 50 лет идентифицировались с Соединёнными Штатами, несли зрителям мысль об этой стране как «наиболее быстрорастущем носителе политической и экономической мощи мира» [Jowett 1976: 385]. С 1990-х годов в сферу популярной геополитики средствами американской киноиндустрии активно была вовлечена и Россия.

В междоународной кинокоммуникации «донорские» и «реципиентные» отношения, как правило, сочетаются в асимметричной пропорции. Донор — главным образом киноиндустрия США. Кинематографии других стран — в основном реципиенты. И не только в части фильмов. Кинематографии мира по-разному имитировали, трансформировали и варьировали американскую модель — либо сопротивлялись ей, отвергали её [Film Policy 1996: 7]. В практическом обиходе за киноиндустрией США закрепился статус *международной киноиндустрии* [Guback 1979: 21, 37].

В пределах «прокатного кино» Россия — преимущественно реципиент. Киноаудитория страны, репрезентирующая российское общество в акте кинопотребления [Жабский 2020: 9, 251, 258] и в этом качестве выступающая объектом приложения внешней «мягкой силы», находится в положении сконструированной Голливудом «мировой кинодеревни». В стремлении установить контакт с американизированной зрительской массой, национальное кинопроизводство натурализует Голливуд в своих продуктах [Жабский 2015: 83–85, 385–386], невольно подвергает национальные фильмы культурной эрозии. Как, с помощью каких социальных технологий исторически сформировался потенциал глобального влияния киноиндустрии США, сделавший её доминирующей силой также в пространстве некогда славного российского кинематографа?

Факторы утраты Францией доминирующих позиций на мировом кинорынке

Нынешний характер и уровень глобализации мировой межкультурной кинокоммуникации — продукт исторической эволюции форм рынка в американской киноиндустрии. Самая ранняя форма — свободная конкуренция, полиполия. На этом этапе фильмопроизводство осуществлялось мелкими и средними кинокомпаниями. Союзов между собой они не заключали. Царило соперничество множества игроков [Prokop 1982: 25–35]. Многополярный производственный ландшафт способствовал развитию свободной межкультурной кинокоммуникации.

В период полиполии Франция как зачинательница синематографа преуспела в создании технических и творческих предпосылок обретения статуса международного монополиста. Французские кинематографисты наладили производство техники съёмки и проекции фильмов, выстроили систему студийного производства картин. Ими была создана, по сути, глобальная сеть проката фильмов, о чём, среди прочего, свидетельствует присутствие представительств киностудий «Пате» и «Гомон» в дореволюционной России. «К 1908 году, когда киноиндустрии было всего 13 лет, доля распространяемых фирмой “Пате” французских фильмов на американском рынке достигала 70%» [Grantham 1998: 61]. Большинство фильмов, находившихся в мировом прокате до 1910 года, были сняты во Франции [Jäckel 2003: 4].

Транснациональный прокат французских фильмов способствовал распространению в мире интереса к новому зрелищу, а вместе с тем и его производству в других странах — сначала в Италии и США, затем в Дании, Великобритании и Германии. В первом десятилетии XX века субъектом межкультурной кинокоммуникации стала и Россия. Создавался «самобытный, чисто национальный стиль»: «Русское кино было близко к тому, чтобы завоевать важные позиции на международном рынке, когда война, отрезав Россию от остального мира, совершенно прервала распространение русских фильмов...» [Садуль 1958: 298, 299].

Международная торговля фильмами поначалу развивалась в направлении мультилатерализма. Предвосхищая возможность институционализации глобального фильма, Э. Альтенло подчёркивала, что «о каком-либо интернациональном кинопроизведении — по меньшей мере, сегодня — не может быть и речи. Похоже, развитие и не происходит в этом направлении. Напротив, в каждом фильме отчётливо видны следы его происхождения. В целом определённые особенности национального происхождения проявляются столь сильно и массово, что можно говорить о количестве типов фильмов, равном числу стран, участвующих в мировом производстве» [Altenloh 1914: 11].

В период полиполии модель французского фильма оказывала значительное влияние на кинопроизводство в других странах: «Полностью освободиться от ... французских образцов смогли только американцы, создавшие кинодраматургию всецело по своему вкусу. Их фильмам больше, чем другим, свойственны характерные особенности массового производства. Драма и комедия постоянно создаются по одному и тому же рецепту» [Altenloh 1914: 11]. В этих суждениях обозначена логика исторического движения к глобальному фильму современного образца: его *национально-культурная индивидуализация и интернациональная схематизация*.

Полиполия как рамочное социально-организационное условие фильмопроизводства давала значительный простор для развития в разных странах своего кинематографа. Вместе с тем, как показал Дитер Прокоп, со временем в кинохозяйстве США набирали силу процессы концентрации капитала у отдельных производителей фильмов, происходила горизонтальная и вертикальная интеграция. Рынок кино обрёл форму олигополии в 1909–1929 годах. Небольшое количество образовавшихся крупных кинофирм («Парамаунт», «Фокс», «Уорнер бразерс» и др.) стали занимать доминирующее положение. В борьбе за раздел и передел рынков сбыта они прибегали к инвестиционной конкуренции — ставка делалась на производство особенно доро-

гих картин. Исход конкуренции зависел от размера капиталов у олигополистов.

К концу 1930-х годов крупные кинофирмы оказались в подчинении финансовых групп Моргана и Рокфеллера, подвергших их деятельность рационализации [Prokop 1982: 82]. Кинопроизводство разделилось на существующие поныне потоки: дорогостоящие картины категории «А» и дешёвые категории «Б». Конкурентам, не обладавшим крупным капиталом, институционализация дорогостоящего фильмопроизводства грозила банкротством.

Зрительский рынок США оказался территорией, на которой в конкурентной борьбе сошлись две самые амбициозные национальные кинематографии — американская и французская. Устоять под давлением Америки, кинорынок которой до 1907 г. почти полностью обеспечивался из-за рубежа [Altenloh 1914: 16], Франции не удалось. Она не выдержала напора американской киноиндустрии даже на собственной территории. Кинематограф стал здесь пространством проявления «культурной враждебности», возникшей задолго до его появления: «С 1908 года примерно каждые 20 лет возникали вспышки франко-американской кинематографической враждебности. Единственным исключением в этом постоянном цикле является 1968 год» — по причине проведения 21-го Каннского кинофестиваля [Grantham 1998: 58].

В поражении французов на рынке киноиндустрии существенную роль сыграли три фактора: институциональный, геополитический и творческий. Объединившиеся в тресты «первые американские фирмы всеми возможными средствами вытесняли из страны зарубежных конкурентов» [Gomery 2005: 16]. Гегемония французов американскими промышленниками воспринималась как афронт. Французские фирмы стали объектом происходивших в американском кино «патентных войн» [Grantham 1998: 60]. За два месяца 1908 г. доля в прокате иностранных фильмов сократилась на 25%.

Геополитический фактор связан с влиянием Первой мировой войны, по оконча-

нии которой разразился экономический кризис. Связь французской кинематографии с зарубежными рынками сбыта разрушилась. Франция утратила мировую гегемонию, её кинопромышленность далеко отстала от американской и немецкой: «Задавленное иностранными фильмами французское кино практически не имело никакого выхода на американский, английский, немецкий или русский рынок. Его экспорт ограничивался лишь малыми странами» [Садуль 1982: 9].

Потерей французской кинематографией зарубежных рынков сбыта тотчас воспользовалась американская киноиндустрия, опиравшаяся на поддержку правительства США. Как раз в послевоенный период в вопросах международной торговли между киноиндустрией и государственными ведомствами начали устанавливаться активные связи. Показательно, что в 1916 г. консулам США за рубежом было поручено готовить для правительства справки о рынках американских фильмов. Собранная информация доводилась до киноиндустрии [Lee 2008: 379].

Творческий фактор поражения французского кинематографа на собственном и мировом рынке был связан с выбранным магистральным направлением развития. Заложенное в продукте киноиндустрии противоречие между его духовно-культурной потребительной стоимостью и товарной формой производства и обращения в практическом плане допускало три опции модельного развития межкультурной кинокоммуникации — *акцентированно экономическую (коммерческое кино), самоцельную эстетическую (авангард, арт-хаус) и интерактивно-социокультурную, серединную между первыми двумя (народное кино)*. В кинематографе, сочетающем в себе культуру и индустрию, Голливуд сделал акцент на второй ипостаси (индустрия) и предпочел первую модель развития — экономическую. В французском выборе на переднем плане оказалась первая ипостась (культура) и вторая модель развития — эстетиче-

ская. Исход борьбы двух кинематографий зависел от масштабов лояльной им зрительской массы и поддержки их покупкой кинобилетов. Поскольку коммерческая отдача кино зависит от его магии, сообщаемой художественными средствами, эстетика кино тоже выступила полем конкурентной борьбы. Её исход решал не профессиональный кинокритик, а зрительская масса фактами потребления фильмов.

Конкурентную борьбу двух кинематографий убедительно выиграла Америка. В 1924–1927 годах среди фильмов, одобренных для показа на французском экране, американские составляли три четверти. Для картин производства других стран места не оказалось [Guback 1979: 24]. По решению французского правительства в 1928 г. импорт фильмов подвергся регулированию с помощью квотирования кинопоказа. Прибегая к терминологии Джозефа Ная, можно сказать, что на притягательную «мягкую силу» зарубежного кино государство ответило административным отталкиванием.

Франция не первой страной мира ввела квотирование кинопоказа. «Отход от принципов свободной торговли в период между двумя войнами» и дезорганизация системы международных платежей привели к широкому распространению этого метода контроля за импортом» [Бернар, Колли 1997: 451]. Начало положила Германия в 1921 году, её примеру последовали другие страны⁴. Венгрия и Италия к квотированию прибегли в 1925-м, Австрия, Австралия, Венгрия, Великобритания и Португалия — в 1927-м. Дания воздержалась, Финляндия квотирование кинопоказа никогда не практиковала. В ряде других стран система квотирования была введена позже: Бразилия — 1932, Мексика — 1949, Республика Корея — 1967, Аргентина — 2004, Малайзия — 2005. Практику квотирования одни страны объясняли преимущественно экономическими аргументами, другие — значимостью культурной составляющей киноиндустрии. Вместе с тем культурологи-

⁴ Quotas and Levies. 10.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.terramedia.co.uk/media/film/quotas_and_levies.htm

ческий аспект важен для всех стран. Как отмечали исследователи: «Сохранять свободный поток информации и одновременно обладать национальной культурой чрезвычайно трудно для страны, если, конечно, это не сами Соединённые Штаты» [Smith 1980: 53]. Вместе с тем свободен ли поток информации в направлении США?

Основы глобального доминирования Голливуда

Возвращаясь к вопросу об исторической эволюции форм рынка в американском кинематографе, давшей мощные импульсы глобализации, обратим внимание на такой факт. Возникшие крупные кинофирмы, имея некоторые общие интересы, были склонны в чём-то договариваться и действовать на началах сотрудничества. В период олигополии этому способствовала остро вставшая перед ними проблема рентабельности в связи со спадом посещаемости кино и насыщением рынка фильмов [Prokor 1982: 73]. Заклучив ряд договоров и соглашений, олигополисты образовали в 1922 г. торговую организацию «Продюсеры и дистрибьюторы американского кинематографа» (MPPDA), с 1945 г. переименованную в «Ассоциацию американских кинопромышленников» (МРАА). Взаимодействие оказалось настолько согласованным, что в итоге на американском рынке возникла монополистическая структура. В 1930–1946 годах олигополию в американском кинематографе сменила *национальная монополия* (переходный период – 1926–1929) [Prokor 1982: 73].

Договоры и соглашения между участниками ассоциации позволили им солидарно контролировать рынок в США. К примеру, кинотеатры, принадлежавшие разным крупным фирмам, располагались в разных территориальных зонах. Олигополисты, ставшие коллективным монополистом, соперничали между собой как подразделения одной корпорации. Реально конкурировало с ними Общество независимых производителей фильмов [Prokor 1982: 77–81], но кинотеатры первого показа, от успеха в которых зависели общие сборы фильма, принадлежали крупным фирмам.

Антимонопольным решением федерального суда в 1948 г. крупные кинофирмы были лишены этого конкурентного преимущества [Lee 2008: 373], что обострило проблему рентабельности монополистического фильмопроизводства. Значимость зарубежных рынков, соответственно, выросла, что дало толчок развитию рынка кино в форме *международной монополии*. В новом рыночном контексте крупные американские фирмы овладевали международным прокатом фильмов, перемещали голливудское кинопроизводство в Европу, покупали здесь или создавали новые производственные и прокатные фирмы. Комплексом этих и других мер укреплялся их статус международного монополиста. В 1960-х годах доля зарубежных рынков в общих доходах Голливуда составляла примерно половину [Lee 2008: 374].

Спустя два десятилетия Кэрен Стэбинер указала на ряд особенностей международного монополиста, когда констатировала: «Ни одна другая страна в мире так регулярно не экспортирует большинство создаваемых фильмов, ни одна национальная кинематография, кроме американской, не находится в постоянном ожидании высоких доходов от проката и не стремится обеспечить зрителей на всём земном шаре самым дешёвым развлечением» [Stabinar 1983: 135]. Надо заметить, что это стремление США наталкивалось на идеологические барьеры в СССР и ряде других стран, до 1990-х годов значительно ограничивавших проявление коммуникативного потенциала Голливуда.

Развитию мировой межкультурной кинокоммуникации в проложенном Голливудом глобальном русле способствовали внутренние и внешние условия его функционирования. В 1947 г. в США было продано 4,7 млрд билетов в кино, через 10 лет – на 2,5 млрд меньше. Коммерческая значимость национальной кинопублики резко ослабла. Усилилась конкурентоспособность независимых американских киностудий. Экономически целесообразным становилось производство более дорогостоящих, непосильных для конкурентов картин [Prokor 1982: 139–140].

Со стороны внешних влияний снова дал о себе знать геополитический фактор. Вторая мировая война обрушила экспорт американских фильмов в Европу. Если в 1930-х доходы большинства кинокомпаний на внешних рынках не влияли на их корпоративный статус, поскольку составляли лишь дополнительную прибыль, то в новом десятилетии ситуация изменилась. Внутренний рынок не мог полностью обеспечить рентабельное функционирование киноиндустрии, ежегодно производившей около 400 фильмов и имевшей обширный штат работников [Guback 1979: 23]. Остро встал вопрос о восстановлении прежних позиций в Европе.

В поисках путей возвращения на европейские рынки и активизации киноторговли за рубежом в 1945 г. в системе МРАА была создана своего рода «дипломатическая служба» — Американская ассоциация экспортёров фильмов (МРЕА, позже — МРА). Она стремилась устранять барьеры на пути голливудских картин к национальным кинорынкам, добиваться для американских фильмов такого же доступа к киноэкрану, как и для местных. Неправительственной организации удавалось, с одной стороны, успешно противодействовать принятию национальных законов, ограничивавших свободу движения американских картин, а с другой — стимулировать создание правовых условий, позволяющих американским студиям использовать существующие в конкретной стране меры государственной поддержки национального кино. В результате экспортную службу Голливуда нарекли «малым Государственным департаментом» [Lee 2008: 376]. МРАА заключала сделки так, «как если бы она была автономным государством, которое полностью контролирует политические и экономические стороны зарубежной киноторговли, культурные последствия чего трудно переоценить» [Guback 1979: 23–24].

Такая практика, естественно, была возможна лишь с согласия американского правительства. Во время Второй мировой войны и последующей «холодной войны» между Голливудом и правительством США

установилось тесное сотрудничество. Кино принимало участие в связанных с военными действиями информационных кампаниях государства. После войны правительство оказывало поддержку Голливуду, рассчитывая, что экспорт фильмов будет содействовать распространению американских идеалов в зонах нестабильности, противодействовать коммунистическому влиянию. Гарри Трумэн тайно поддерживал проекты пропаганды, предусматривавшие экспорт американских фильмов. Для особых сообщений ассоциация кинопромышленников могла воспользоваться надёжными каналами связи Государственного департамента [Lee 2008: 379–340].

МРАА стремилась не только доминировать на зарубежных кинорынках, но и контролировать их путём лоббирования за рубежом (самостоятельно или совместно с правительством США) экспорта капитала и товаров [Prokop 1982: 250]. 1970-е годы стали поворотным пунктом в понимании индустриальных механизмов регулирования производства и распространения аудиовизуальных продуктов, «дисбаланса в международном культурном обмене». Заслуга в этом принадлежала ЮНЕСКО, вынесшей на повестку дня вопрос об односторонней коммуникации между развивающимися и остальными странами мира [Mattelart 1998: 480].

Крупные американские фирмы заключали соглашения с зарубежными фирмами, что позволяло им обходить существовавшие в отдельных странах меры по защите национального кино [Разлогов 2011: 75]. Более того, инвестируя в национальное кино Европы доход, полученный на его рынке, американские фирмы получали право воспользоваться правительственными субсидиями в процессе совместного производства. К середине 1960-х годов американские студии в Великобритании осваивали 80% средств, выделенных для поддержки местного фильмопроизводства. В итоге национальное кино страны стало придатком Голливуда [Guback 1979: 26].

Благодаря помощи властей США зарубежные представительства американской

киноиндустрии имели доступ к высшим правительственным кругам в Европе. Приостановкой экспорта фильмов Голливуд мог угрожать и реально угрожал выживанию местных кинематографий. Ему удавалось даже оказывать влияние на национальное законодательство в области кино [Prokop 1982: 146].

Гегемония американской киноиндустрии на внешних рынках на рубеже 1960-х — 1970-х годов не убергла её от жестокого экономического кризиса из-за длительного спада посещаемости кино. В США от былых 85 млн кинопосещений за неделю в 1970 г. осталось 17,7 млн [Austin 1989: 36]. Дж. Гьюбек, оглядываясь в 1980 г. назад и характеризуя бытовавшее в тот период представление о состоянии киноиндустрии, отмечал, что фильмы проваливались с художественной и коммерческой точек зрения, что «реальностью стала перспектива превращения Голливуда в дорогую память о прошлом». Аналитики задавались вопросами о практичности самой системы крупных кинокомпаний. Озабочилось этим вопросом и правительство США. В 1971 г. при обсуждении законодательного акта о производстве фильмов член палаты представителей Джеймс Гордон заявил: «Спасение этой жизненно важной отрасли промышленности мы должны рассматривать как дело нашей национальной политики. Кинематография, в конце концов, “продавая Америку” в её наглядном изображении всему миру, демонстрирует деятельность свободно конкурирующего предприятия» [цит. по: Guback 1979: 37].

В итоге были внесены изменения в федеральные законы о налогах, позволившие «создать систему капиталовложений с налоговым покрытием в производстве и прокате — косвенную форму государственного субсидирования частного предприятия» [Guback 1980: 65]. Старый Голливуд уступил место новому [Jowett 1976: 434], инкорпорированному в мультинациональные

конгломераты, имеющие бизнес-интересы в табачной, сахарной, авиационной и других сферах деятельности. Преследуя корпоративные интересы, менеджеры конгломерата стали передвигать трудовые, материальные и финансовые ресурсы из страны в страну, «совершенно пренебрегая интересами экономической стабильности иностранных киноиндустрий или культурных нужд тех стран, промышленность которых они якобы стараются обслуживать» [Guback 1979: 31].

Новый Голливуд сумел преодолеть кризис. В 1980 г. Т. Гьюбек констатировал: «Сегодня американская киноиндустрия экономически сильнее, чем 30 лет назад, и нет никаких причин считать, что Голливуд гибнет» [Guback 1980: 86]. Вектор межкультурной кинокоммуникации сохранил и упрочил одностороннюю направленность. Американский массовый зритель, десятилетиями воспитывавшийся продуктами студийной системы, которая располагала собственными кинотеатрами и исключала саму возможность привития ему альтернативного вкуса показом иностранных фильмов, популярные зарубежные картины почти не смотрел.

Современное состояние глобальной межкультурной коммуникации среди прочего примечательно тем, что американский рынок относительно закрыт для европейской киноиндустрии, а западные рынки, вместе взятые, — для остального мира⁵. В начале XXI века на рынке США доля импортных фильмов заключалась в пределах 5%, в Европейском Союзе, если не считать продукцию производства разных его стран и США, — 1–3,6%. «Остальной мир» на самом деле был представлен лишь несколькими промышленно развитыми странами (Япония, Австралия, Канада), Гонконгом и Тайванем. Отсюда был сделан обескураживающий вывод: фильмам третьего участника мирового кинорынка, куда, заметим, входит и современная Россия, места на киноэкранах США и Европейского

⁵ Focus 2002. World Film Market Trends. Strasbourg, France: European Audiovisual Observatory, 2002.

Союза практически нет. К началу 2020-х годов мало что изменилось.

Препятствия, существующие ныне в межкультурной кинокоммуникации, настолько значительны, что напрашивается понятие «железного занавеса», традиционно адресовавшееся советскому кинематографу. Между тем в дискурсивной традиции административное блокирование трансграничного движения фильмов по идеологическим соображениями квалифицируется как «железный занавес», а маркетинговое блокирование по коммерческим соображениям — как естественный результат конкурентной борьбы.

Заметим, что коммерчески мотивированное маркетинговое блокирование межкультурной коммуникации в США оказалось куда более эффективным, чем административно-политическое в СССР. Статистика показывает, что в первые годы 1970-х и 1980-х вниманию широкой публики советский кинопрокат ежегодно предлагал 6–8 американских фильмов. Нередко они оказывались среди лидеров проката, опережая остальные иностранные картины с внушительным отрывом по количеству собранных зрителей [Жабский 2009: 665–675]. Массовая киноаудитория СССР хотя и дозировано, но всё-таки знакомилась с американским кинематографом. Вместе с тем советское кино для народа США, по сути, оставалось некой неведомой территорией.

Ломка советской системы социального управления в 1990-х годах кардинально изменила парадигму межкультурной кинокоммуникации между Россией и США. Государство, десятилетиями административно-политическими средствами защищавшее культурный суверенитет в сфере кинокоммуникации, открыло широкую дорогу для проявления коммуникативного потенциала Голливуда. Начало положила «перестройка». В 1988 г. Американская ассоциация кинопромышленников заключила с Госкино СССР договор о показе в стране

американских фильмов на основе взаимной коммерческой выгоды, строительстве и лизинге кинотеатров [Lee 2008: 388]. Советской стороной, как полагали в США, условия договора должным образом не выполнялись. На экспорт фильмов в СССР было наложено эмбарго. Когда Советский Союз распался, эмбарго сохранялось в ожидании принятия закона об авторских правах. «В 1990-е годы российская киноиндустрия развалилась и совсем пришла в упадок в результате наплыва американских фильмов — ежегодно в среднем 80 релизов. Хотя в 2000-х — 2010-х годах России удалось восстановить киноиндустрию, на местном рынке по-прежнему доминируют голливудские картины» [Lee 2008: 388]. В порядке статистического подтверждения и конкретизации последнего тезиса заметим, что в 2003 г. доля национальных фильмов в общих кассовых сборах составила лишь 4,8%. Вместе с тем в 2004 и 2005 годах она поднялась соответственно до уровня 13,4 и 29,5%⁶, затем началась полоса подъёмов и падений.

В 2010 г. доля национальной кинопродукции в суммарных кассовых сборах на кинотеатральном рынке Европы составила 25,3%. Вклад отдельных стран в этот уровень самодостаточности различен: доля Франции — 9,4%, Италии — 4,1, Германии — 3,1, Великобритании — 2,7, Испании — 1,4%⁷. На рынках европейских стран основным, но, как правило, поверженным конкурентом Голливуда было местное фильмопроизводство.

В 2018 г. доля европейского кино на рынке поднялась до 29,4%. Как и прежде, европейские кинематографии можно разделить на три группы. Первая — относительно успешные, с долей национальных фильмов на внутреннем рынке свыше 30%; вторая — середняки (15–30%); третья — арьергардные кинематографии (менее 15%). Первую группу составили кинематографии трёх стран — Турции (62,9%), Франции (39,5%) и Польши (35,5%). Россия находи-

⁶ Киностатистика — 2007: Статистический сборник. М., 2008. С. 33.

⁷ Kanzler M. The European Cinema Markets 2010 in Figures. 02.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.obs.coe.int/online_publication/expert/europeancinemamarkets2010.pdf

лась в ряду середняков (27,4%). В арьергарде оказались в основном малые страны, в семи из них доля национального кино на рынке была менее 2%⁸.

Свои фильмы Европа смотрит в основном постольку, поскольку они привлекают публику в странах их производства. В 2019 г. в европейском прокате находились 6400 фильмов собственного производства (включая показанные хотя бы в одной стране). В процессе их проката было продано 257 млн киновидео, 72% из них — в самих странах производства. За их пределами в огромной Европе продан всего 71 млн билетов⁹.

В России по бокс-офису доля национальных фильмов в предпандемный период 2009–2018 была заключена в интервале 15,3–27,5%, в среднем — 18,9%¹⁰. Как и на Западе, важным стимулом межкультурной кинокоммуникации стала демонстрация тёмных сторон повседневности. Зрителям широко предлагают развлечься восприятием охоты на человека, насладиться удовольствием от зрелища крови, убийств и др. В фильмах мейнстрима «насилие, жестокость и эротика, приправленная тем же насилием, стали едва ли не основным содержанием расхожих сюжетов» [Тарасов 2005: 91]. Проведённые исследования дают серьёзный повод к обеспокоенности наличием группы риска в среде юных зрителей [Тарасов 2005: 202–276; 2016: 84–86; Жабский, Тарасов 2018: 76–85; Тарасов 2018: 65–73; Тарасов, Жабский 2021: 230–272; Тарасов 2021: 168–186]. Имеются и другие свидетельства культурного однообразия в пространстве кинокоммуникации.

Межкультурная кинокоммуникация в проложенном Голливудом глобальном русле

Преломляясь через экономические, социальные, политические, культурные и про-

чие особенности конкретного общества, заряд «мягкой силы», заключённый в продуктах американской киноиндустрии, в разных странах проявляет себя по-разному. При этом наблюдается почти повсеместное доминирование Голливуда, с периода олигополии нацеливающего производство фильмов на эмоциональные запросы среднего класса. Практикой потребления фильмов его запросы культивируются также в других странах социума.

При погружении в образный мир кино у человека автоматически переключается регистр функционирования психики. Она переводится в режим регрессии и, в зависимости от характера фильма, также эмпатии, идентификации и проекции. Голливуд расчётливо создаёт внутри фильмов эффективные структурно-эстетические механизмы стимулирования данных процессов. Вызвав их и перенеся тем самым человека в виртуальный мир, фильм осуществляет универсальную для зрительской массы функцию — развлекает её. Производство развлекательного зрелища Голливуд ставит во главу угла своей деятельности.

До начала 1970-х годов Голливуд одолевал своих конкурентов на мировом кинорынке с помощью фильмов, привлекательность которых обеспечивалась в парадигме так называемого нулевого классического стиля. В снятом виде этот эстетический стандарт даёт о себе знать и в продуктах современного голливудского производства. Возникшие в разные годы организационно-производственные, технические и эстетические новации были подчинены двум главным нарративным практикам: рассказу интересных историй и исключению из фильмов признаков технологии их производства [Sobchak, Sobchak 1987: 6].

Согласно исследованию крупного искусствоведа Дэвида Бордвелла и его коллег, нулевой классический стиль предполагает

⁸ Annual Report 2019. Key Trends in European Cinema. P. 8. 06.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unic-ininemas.org/fileadmin/UNIC_AR19_online.pdf

⁹ Yearbook 2020–2021. Key Trends. P. 40. 06.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://rm.coe.int/yearbook-key-trends-2020-2021-en/1680a26056>

¹⁰ Доля за 2019 год — 19,7%. Пандемия в 2020–2021 годах нарушила и завуалировала естественную динамику этого показателя.

творческую работу в русле жанрового кино. По своей потребительной стоимости фильм предстаёт как история, интересно рассказанная языком кино. Глядя на экран, зритель должен испытывать иллюзию восприятия реальных событий, способных захватить и удерживать его внимание. Художественные новации допускаются дозированно и только при условии, что они не противоречат установившимся в кинопроцессе коммуникативным конвенциям. Рассказываемая зрителям история должна восприниматься как вполне правдоподобная, развиваться линейно, иметь начало, середину и конец. Вымышленность истории и художественная технология её создания должны быть скрыты от зрителя. Рассказываемая история должна быть понятной, обладать основательной эмоциональной привлекательностью и способностью при её восприятии эффективно приводить в действие психологические процессы регрессии сознания, эмпатии, идентификации и проекции американской и шире — мировой зрительской массы. Главное — возникновение у зрителя иллюзии реальной действительности. Он должен ощущать себя в роли человека, наблюдающего за интересными и, возможно, опасными событиями, находясь при этом в безопасном месте [Jowett, Linton 1989: 100–101].

Посредством этих и других особенностей образной системы фильма Голливуд подчинил эстетику производимого продукта его товарной функции и обрёл на рынке массовой кинокультуры конкурентное художественное преимущество. Эстетика и экономика кино сочетаются таким образом, что, несмотря на существующие культурные различия стран, продукт Голливуда оказывается повсеместно потребляемым благодаря общему знаменателю привлекательности.

«Мягкую силу» американское кино проявляет и во многом практически реализует

через привлекательность героев фильма. Социологи зафиксировали комплекс его личностных особенностей, привлекающих российских зрителей [Рондели 2013: 145–146]. В первую очередь, это оптимизм и сила воли, независимость и самостоятельность, уверенность в своих силах, стремление к успеху, предприимчивость. Этот стереотипный набор позитивных личностных характеристик в зрительском сознании «постепенно утверждается в качестве образа — и образа! — идеального киногероя» [Рондели 2013: 146].

В США впервые была обнаружена и системно использована магия кинозвезды, рождающаяся из привлекательности героя фильма и в дальнейшем сверкающая в кинозалах красками своего персонажа. Популярность кинозвезды, соединившись с привлекательностью героев экрана, стала мощным синергетическим фактором трансграничной «мягкой силы» американского кинематографа. Герой воплощает в себе ценности конкретного общества. Актер-звезда благодаря возникающему к нему парасоциальному отношению множества поклонников особенно активно продвигает эти ценности в массовое сознание различных социумов.

В России, согласно социологическому опросу в Кирове, в 2016 г. рейтинг кинозвёзд возглавили американские мастера: Джонни Депп — 60% зрительских голосов, Леонардо Ди Каприо — 58, Анджелина Джоли — 56%. Спустя два года, по данным аналогичного исследования в Екатеринбурге, на передний план вышла обновлённая троица американских звёзд: Ди Каприо — 58%, Депп — 56, Джеки Чан — 54% (в Кирове — 45%). Заметим, что среди твёрдых приверженцев российского кино их рейтинг гораздо ниже — соответственно 37, 33 и 42%. Возглавили рейтинг Светлана Ходченкова и Данила Козловский — по 52%, Константин Хабенский — 42%¹¹.

¹¹ Оба исследования проведены авторами в рамках НИР НИИ киноискусства (ВГИК). Объект исследований — кинозрители в возрасте от 11 лет. Выборка в Кирове — комбинированная — составлена методом направленного и вероятностного отбора. Из шести кинотеатров города отобраны три — два центральных, один окраинный. Метод сбора информации — письменный опрос. На протяжении

Производство привлекательного голливудского продукта рационализировано. Создателям фильма оказываются серьёзные исследовательские и консалтинговые услуги. На потенциальных зрителях тестируются замысел фильма, его синопсис, сценарий, вероятные названия, актёрские имена. Осуществляется пробный показ фильма как способ обратной связи с публикой для выявления возможностей повышения его привлекательности в окончательном варианте.

Доминирование Голливуда на мировом кинорынке не исключает наличия в конкретных странах его противников и приверженцев национального кинопродукта. Пример тому — Россия. В переходный период 1990-х годов в стране образовались три новых сегмента. Различаясь по степени коммуникативно-мотивационной приверженности к национальному кинематографу, они с некоторой долей условности могут быть названы как «верная» аудитория (по душевной наклонности зрителей российского кино дороже зарубежного), «утраченная» (приоритетно зарубежное кинозрелище) и «нейтральная» (в ситуации выбора не важно, чьи фильмы; главное, чтобы они были интересны).

В 2000-х годах, когда российский кинематограф активно развивался, в ряде социологических опросов в очередной раз было зафиксировано количественное представительство названных зрительских сегментов среди кинопосетителей в возрасте от 11 лет¹². Верная аудитория — 22%, потерянная — 39, нейтральная — 39%. Упомянутое выше социологическое исследование, проведённое НИИ киноискусства в 2016 г. в Кирове, выявило несколько изменившуюся картину: верная аудитория —

15%, потерянная — 58, нейтральная — 27%. Данные о сегментации кинотеатральной аудитории Екатеринбурга (замеры НИИ киноискусства в предпандемийном 2018 году) подтвердили достоверность этих показателей: верная аудитория — 19%, потерянная — 55, нейтральная — 26%. Как видим, примерно каждый пятый кинопосетитель России отдаёт предпочтение национальным фильмам. Примечательны ответы кинопосетителей Екатеринбурга на вопрос: «Хотели бы Вы или нет, чтобы наши кинемастера создавали фильмы по образцу американских картин?» Полученные ответы: да — 25%, нет — 27%. Остальные не смогли дать определённый ответ.

В сегменте верной аудитории за подражание американскому кинематографу голосовали 9% зрителей, против — 48, в условно названной потерянной аудитории — соответственно 26 и 32% голосов. Примечательно, что во втором сегменте каждый третий зритель засвидетельствовал потребность в национальном кинопродукте, причём противников подражания американскому кинематографу здесь больше, чем сторонников.

О том, кому американские фильмы кажутся более привлекательными, нежели российские, можно судить по данным социологического исследования в Екатеринбурге. Интерес представляет состав сегмента потерянной аудитории, доля которого среди всех сидящих в кинозалах составляет 55%. Гендерные различия в этом сегменте отсутствуют. Кинопосетителей в возрасте 19–29 лет — 47%. Более молодых зрителей (11–18 лет) — 23%. Остальные — в возрасте 30 лет и старше. Учащихся различных учебных заведений — 40%, рабочих и инженерно-технических работников — по 9, предпринимателей — 13%. Соци-

одной недели каждый четвёртый зритель, купивший кинобилет и переступивший порог кинотеатра, перед началом 117 сеансов 12 фильмов заполнил анкету. Опрошен 461 зритель. По сходной методике в Екатеринбурге непосредственно перед показом 34 фильмов (367 сеансов в пяти кинотеатрах) опрашивался каждый третий кинопосетитель. В выборке оказалось 477 зрителей.

¹² Опрос проведён при участии авторов в 2008 г. совместными усилиями Российского агентства «Информкино» и НИИ киноискусства при поддержке Министерства культуры РФ в ряде городов России (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Челябинск, Курск, Владивосток, Чита, Магнитогорск, Троицк, Снежинск). Города отобраны по критериям репрезентации в выборке географического фактора, их величины и уровня посещаемости кино в них.

ально-демографический состав тех, кому американское кино кажется привлекательнее, как видим, весьма широк¹³.

* * *

Мировая кинокоммуникация характеризуется бросающимися в глаза противоречием. Национальных кинематографий — великое множество, но продукты лишь немногих из них обладают способностью к трансграничному движению. В большинстве стран потребляются в основном фильмы американского производства в первую очередь, и собственного — во вторую. Спектр межкультурной кинокоммуникации чрезвычайно узок.

Апеллируя к положению ЮНЕСКО о ценности культурного разнообразия¹⁴, столь же необходимого, как и разнообразие биологическое, национальные кинематографии мира стремятся увеличить долю своего культурно-

го продукта на внутреннем рынке. Голливуд, позиционирующий кинофильм как ординарный товар, оказывает им мощное сопротивление. Исход борьбы в логике фильма как товара и как культуры определяется с участием зрительской массы. Предпочтение она отдаёт голливудской продукции.

Возникают тревожные вопросы. «Для чего нужно национальное кино, если у него нет национальной аудитории?» [Higson 1989: 46]. Каковы у национального кино перспективы в межкультурной коммуникации, если от него отворачивается внутренняя публика? Ответы на них целесообразно искать в практической деятельности, строящейся на глубоком понимании логики и механизмов глобализации межкультурной кинокоммуникации, в научном познании и рациональном использовании имеющегося горизонта возможностей.

Список литературы

- Андреев Л. Письма о театре (Фрагменты) // История отечественного кино: Хрестоматия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 39–40.
- Бернар И., Колли Ж.-К. Толковый экономический и финансовый словарь: В 2 т. М.: Международные отношения, 1997. Т. 1. 784 с.
- Жабский М. Социокультурная драма кинематографа. Аналитическая летопись (1969–2005 гг.). М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 775 с.
- Жабский М. Социодинамика кинематографической жизни общества. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 496 с.
- Жабский М. Социология кино. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2020. 512 с.
- Жабский М., Тарасов К. Кино — свобода от цензуры... М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. 320 с.
- Жабский М., Тарасов К. Развлекательное насилие в кинодосуге учащейся молодёжи // Высшее образование в России. 2018. № 4. С. 76–85.
- Разлогов К. Парадоксы глобализации: кино на пересечении промышленности и искусства // Культура и искусство. 2011. № 2 (2). С. 72–87.
- Рондели Л.Д. Кино и его аудитория. Аналитическая летопись взаимоотношений (1969–2010 гг.). М., 2013. 441 с.
- Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 2: Кино становится искусством. М.: Искусство, 1958. 523 с.
- Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 4: 1. Послевоенные годы в странах Европы. 1919–1929. М.: Искусство, 1982. 528 с.
- Тарасов К. Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры. М.: Белый берег, 2005. 384 с.
- Тарасов К. Аудиовизуальная культура и образование // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 90–96.
- Тарасов К. Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия // Вестник ВГИК. 2016. № 2(28). С. 84–96.
- Тарасов К. Репрезентация насилия в киноиндустрии // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 65–73.

¹³ Исследование охарактеризовано выше.

¹⁴ «Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения». [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Konventsia_ob_ohrane_i_pooschrenii_raznoobrazia_form_kul_turnogo_samovyrazheniya.pdf

- Tarasov K.* Мотив социального насилия в пространстве кинокоммуникации // Вестник Московского ун-та. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 3. Т. 27. С. 167–186.
- Altenloh E.* Zur Soziologie des Kino. Die Kino-Unternehmung und die sozialen Schichten ihrer Besucher. Jena, 1914. 102 S.
- Austin B.* Immediate Seating: A Look at Movie Audiences. Belmont, Calif.: Wadsworth, 1989. 194 p.
- Campbell R., Martin Ch., Fabos B.* Media & Culture. Mass Communication in a Digital Age. Tenth Edition. Boston, New York: Bedford/St. Martins' Macmillan Learning, 2016. 574 p.
- Film Policy: International and Regional Perspectives* / Ed. by A. Moran. N.Y.: Routledge, 1996. P. 1–19.
- Fowles J.* Mass Media and Star System / Communication in History. Technology, Culture, Society. Ed. by David Crowley, Paul Heyer. 5th ed. Boston: Karon Bowers, 2007. P. 190–196.
- Gomery D.* The Hollywood Studio System. A History. London: British Film Institute, 2005. 333 p.
- Grantham B.* America the Menace: France's feud with Hollywood // World Policy Journal. Vol. 15. No. 2. Summer 1998. P. 58–65.
- Guback T.* The International Film Industry / Mass Media Polices in Changing Cultures. Ed. By G. Gerbner. London–Toronto: T. Wiley & Sons, 1979. P. 21–38.
- Guback Th.* Hollywood 1969–1979 / Immagini, piacere, dominio. Venezia. Editore: Marsilio, 1980. P. 78–115.
- Higson A.* The Concept of National Cinema // Screen. 1989. No. 4. P. 36–46.
- Lee K.* «The Little State Department»: Hollywood and the MPAA's influence on U.S. trade relations» // Northwestern Journal of International Law and Business. 2008. Vol. 28. Issue 2. Winter. P. 379–397.
- Jäckel A.* European Film Industries. London, 2003. 168 p.
- Jowett G.* Film: The Democratic Art. Boston–Toronto, 1976. 518 p.
- Jowett G., Linton J.M.* Movies as Mass Communication. 2nd edition. Newbury Park, Calif.: Sage, 1989. 160 p.
- Mattelart A.* European film policy and the response to Hollywood / The Oxford Guide to Film Studies. Oxford, 1998. P. 478–485.
- Negt O.* Massenmedien: Herrschaftsmittel oder Instrumente der Befreiung? / Kritische Sozialforschung / Hrsg. von Dieter Prokop. München, 1973. S. I–XXVIII.
- Nye J.* Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 191 p.
- Prokop D.* Soziologie des Films. Frankfurt am Main, 1982. 374 S.
- Smith A.* The Geopolitics of Information. How Western Culture Dominates the World. London–Boston: Farber & Farber, 1980. 192 p.
- Sobchak T., Sobchak V.C.* Introduction to Film. 2nd edition. Boston: Allen and Unwin, 1987. 514 p.
- Stabinar K.* Selling American Films Abroad // New York Times Magazine. New York. 30 November. 1983. P. 126–135.

GLOBALIZATION OF CINEMATOGRAPHIC COMMUNICATION

MICHAIL ZHABSKIY

Academy of Media Industry, Moscow, 127521, Russia

KIRYLL TARASOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

Abstract

The article examines the globalization – in its Americanization format – of the international cinematic communication within the perspective of the cultural diversity issue. The globalization process is comprehended as a result of the historical succession of market formations: from free competition in American cinema to an oligopoly and on to a national and an international monopoly. During the period

of polipoly, the trail for globalization was blazed by the grande dame of the cinematographe: France. The United States, where in 1908 the market share of French films equaled 70%, mounted a resolute challenge. Under consideration are three factors – institutional, geopolitical, and creative – of the loss by the French of their domination over the American and, then, their own market. To the soft power of American cinema, the French state responded with the quota stimulation for the exhibition of national films, motivating it, among other things, by the necessity of providing for the external and internal security of the state, by the guardianship of customs and national traditions. To the quotas as a means of mitigating the soft power of the United States did recourse some other countries too: larger ones, for economic considerations; smaller ones, for cultural. The globalizational might of the American film industry is explained through the rational choice of the main line for its stylistic development and the filmmakers' masterfulness, as well as through the professionalism of managerial and marketing actors, investment from big capital, and through support from government in its push for the «cultural hegemony» of the United States. The major studios that emerged during the period of oligopoly (1909–1929) competed with one another on the terms of a certain accord. With the means of competing by supercostly investments, far beyond the capabilities of smaller studios, the majors established for the domestic market a regime of national monopoly (1930–1946). On the world market the elected method of competition enabled the American film industry, in the second half of the 1940s, to gain the position of the international monopolist. An important role in the process was played by Motion Picture Export Association, established in 1945: a sort of «a diplomatic service» that functioned with permission from and under the support of the U.S. government. From its position of the global monopolist the American film industry strives not only to dominate in the intercultural cinematic communication, but, in this status and as a means of the popular geopolitics, to control it through lobbying and by exporting capital and goods. The transborder circulation of products by various national cinemas and cultural diversity of cinematography have largely fallen prey the globalization process. On the basis of vast factual research is recreated the state of the art for the imbalance in the intercultural film communication. When, in a social-functional respect, the importing of films mainly supplants their production in a certain country, the socium, by a large magnitude, is deprived of the chance to reproduce its culture and, accordingly, its identity with the means of depicting its own image and of mastering it. The making of national cinematic picture of the world and its integration into the communicative process becomes a topical task of providing for cultural diversity.

Keywords:

intercultural communication; popular geopolitics; film industry; Hollywood; soft power; market; globalization; cultural diversity; state; quota system.

References

- Altenloh E. (1914). *Zur Soziologie des Kino*. Die Kino-Unternehmung und die sozialen Schichten ihrer Besucher. Jena. 102 S.
- Austin B. (1989). *Immediate Seating: A Look at Movie Audiences*. Belmont, Calif.: Wadsworth. 194 p.
- Campbell R., Martin Ch., Fabos B. (2016). Media & Culture. *Mass Communication in a Digital Age*. Tenth Edition. Boston, New York: Bedford/St.martins' Macmillan Learning. 574 p.
- Fowles J. (2007). Mass Media and Star System. In: Crowley D., Heyer P. (eds) *Communication in History. Technology, Culture, Society*. 5th ed. Boston: Karon Bowers. P. 190–196.
- Gomery D. (2005). *The Hollywood Studio System. A History*. London: British Film Institute. 333 p.
- Grantham B. (1998). America the Menace: France's feud with Hollywood. *World Policy Journal*. Vol. 15. No. 2. P. 58–65.
- Guback T. (1979). The International Film Industry. In: Gerbner G. (ed.) *Mass Media Policies in Changing Cultures*. London–Toronto: T. Wiley & Sons. P. 21–38.
- Guback Th. (1980). Hollywood 1969–1979. In: *Immagini, piacere, dominio*. Venezia. Editore: Marsilio. P. 78–115.
- Higson A. (1989). The Concept of National Cinema. *Screen*. No. 4. P. 36–46.
- Lee K. (2008). The Little State Department»: Hollywood and the MPAA's influence on U.S. trade relations. *Northwestern Journal of International Law and Business*. Vol. 28. No. 2. P. 379–397.
- Jäckel A. (2003). *European Film Industries*. London. 168 p.
- Jowett G. (1976). *Film: The Democratic Art*. Boston–Toronto. 518 p.
- Jowett G., Linton J.M. (1989). *Movies as Mass Communication*. 2nd edition. Newbury Park, Calif.: Sage. 160 p.

- Mattelart A. (1998). European film policy and the response to Hollywood. *The Oxford Guide to Film Studies*. Oxford. P. 478–485.
- Moran A. (ed.) (1996). *Film Policy: International and Regional Perspectives*. NY.: Routledge. 285 p.
- Negt O. (1973). Massenmedien: Herrschaftsmittel oder Instrumente der Befreiung? In: von Dieter Prokop (ed.) *Kritische Sozialforschung*. München. S. I–XXIX.
- Nye J. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. 191 p.
- Prokop D. (1982). *Soziologie des Films*. Frankfurt am Main. 374 S.
- Razlogov K.E. (2011). Paradoxi globalizatsii: kino na peresechenii promishlennosti i iskusstva [Paradoxes of globalization: cinema at the crossroads of industry and art]. *Kultura i iskusstvo*. No. 2. P. 72–87.
- Rondely L.D. (2013). *Kino i ego auditoriya. Analiticheskaya letopis vzaimootnoshenij (1969–2010 gg.)*. [Cinema and its Audience. Analytical Annals of Interrelations (1969–2010 gg.)]. M.: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. 441 p.
- Sobchak T., Sobchak V.C. (1987). Introduction to Film. 2nd edition. Boston: Allen and Unwin. 514 p.
- Smith A. (1980). *The Geopolitics of Information*. How Western Culture Dominate the World. London–Boston: Farber & Farber. 192 p.
- Stabinar K. (1983). Selling American Films Abroad. *New York Times Magazine*. New York. 30 November. P. 126–135.
- Tarasov K. (2005). Audiovisual'naya kultura i obrazovaniye [Audiovisual culture and education]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2005. No. 5. P. 90–96.
- Tarasov K. (2005). *Nasilie v zerkale audiovisualnoj kulturi* [Violence in the Mirror of Audiovisual Culture]. M.: Belij bereg. 380 p.
- Tarasov K. (2016). Nasiliye v fil'makh: tri usloviya mimeticheskogo vozdejstviya [Violence in films: three preconditions for the mimetic effect]. *Vestnik VGIK*. 2016. No. 2(28). P. 84–96.
- Tarasov K. (2018). Reprezentatsiya nasiliya v kinoindustrii [Representing violence in cinema industry]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 8. P. 65–63.
- Tarasov K. (2021). Motiv sozial'nogo nasiliya v prostranstve kinokommunikatsyi [The Motif of Social Violence in the Space of Cinematic Communication]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serya 18. Sotsiologiya i politologiya*. No. 3. T. 27. P. 167–186.
- Zhabskiy M. (2009). *Sotsiokulturnaya drama kinematografa. Analiticheskaya letopis (1969-2005 gg.)* [Sociocultural drama of cinematography. Analytical annals (1969–2005)]. M.: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. 774 p.
- Zhabskiy M. (2015). *Sotsiodinamika kinematograficheskoy zhizny obshchestva* [Dynamics of Society's Cinematic Life]. M.: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. 496 p.
- Zhabskiy M., Tarasov K. (2021). *Kino – svoboda ot tsenzuri* [Cinema – The Freedom from Censorship...]. M.: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. 320 p.
- Zhabskiy M., Tarasov K. (2018). Razvlekatel'noye nasiliye v kinodosuge uchashcheysya molodezhy. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. No. 4. P. 76–85.
- Zhabskiy M. (2020). *Sotsiologiya kino* [The Sociology of Cinema]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya. 511 p.

PARSING CHINA'S GEOSTRATEGIC DESIGNS IN THE POST-WAR AFGHANISTAN

FAN YAO-TIAN

Renmin University, Beijing, 100872, China

WANG LI

SIPA, Jilin University, Changchun, 130013, China

Abstract

China boasts prolonged history of relations with Afghanistan. Throughout the 2010s, China has seen Afghanistan as a key part of what can be described the dynamically transnational “Belt-Road-Initiative”. Now with the Taliban takeover of the country, the question arises how China would be able to play a premier role in the post-war Afghanistan while trying to shun itself to be embroiled into the geopolitical mire as the superpowers did in history? The current study addresses two questions through an analytical-empirical approach to how China will realize its geostrategic design in Afghanistan. First, what are China’s objectives which are supposed to differ from those of the USSR and the USA? Second, why would China likely succeed in the country where the superpowers had failed before? Over the past decades, China has geared up its strategic ties with Russia, Pakistan, Iran, known as the Eurasian partners on the Afghan issue, and Central Asian states which are either the neighbors of Afghanistan or the member states of the SCO. Since Beijing endorses multilateralism and inclusive partnership in foreign affairs, it will unlikely act alone on the issue of Afghanistan. Rather, China is supposed to work on it through triple-level platforms—the Eurasian partners, SCO member states with border proximity of Afghanistan and the multilateral organizations such as the U.N. and the G-20—to fulfill its geostrategic designs in Afghanistan.

Keywords:

China; Afghanistan; Eurasia; geopolitics; SCO; multilateralism.

Since the end of the Cold War, the United States has pursued the Pax Americana in the new century. Now with the rise of China and a resurgent Russia in sight, the U.S. has spurred the AUKUS pact, the Quad security dialogue and the Partnership of Blue Pacific (PBP) in the Asian-Pacific to contain China while deliberately trespassing the Russian security interest in Europe. Like all the previous U.S. govern-

ments in history, the Biden administration is preoccupied with the unilateral world resulted from the so-called “victory without war” [Nixon 2013; Bender 2003].

Yet, since 2021, the changing tides in Afghanistan have grabbed the world’s attention to how Beijing would respond to the geopolitical void left by the U.S. For China has further enhanced strategic coordination with Russia,

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.03.2022

Дата принятия к публикации: 22.08.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: wlchangchun@jlu.edu.cn

Pakistan and Iran, known as the Eurasian strategic partners on the Afghan issue. To the strategists in Washington, such a grouping would have the capacity to outstrip the United States economically and, in the end, militarily. As Henry Kissinger argued in the 1990s that strategic danger for America—the domination of Eurasia by a single power from either Europe or Asia—would be resisted even were the dominant power apparently benevolent or cooperative [Kissinger 1994]. To that end, the United States has mastered its economic and high-tech advantages to buttress its military supremacy globally. This is the fundamental reason why the United States has increasingly treated China, Russia and Iran as strategic competitors and systemic rivals in Eurasia due to its geostrategic dimensions and tremendous resources available in the upcoming competitions of the major powers.

For the similar reason, China's transnational projects like the Belt & Road Initiative (BRI) and the Eurasian Economic Union (EEU) led by Russia are seen by the U.S. and its allies as the Sino-Russian joint efforts to remove the West out of Eurasia. Since the Afghan Taliban returned to power in August 2021, the world has further questioned how China would play a seminal role in the post-war Afghanistan where the U.S. had faltered during the two-decade military occupation. On 16 September, the Foreign Ministers of Russia, China, Pakistan and Iran held talks in Dushanbe and presented a five-point formula on national reconstruction in line with the "Afghan-led and Afghan-owned" principle proposed by China¹. One month later, Moscow hosted a round of talks on the issues concerned with Afghanistan and the region among the member states of the

SCO plus Iran and Turkmenistan. It indicates that since Afghanistan links the BRI straightly to the heart of Eurasia and also likely acts a new haven to all the terrorists once again as it did before, the future of the country would affect all the neighboring countries including China if the chaos surges again². The Moscow meeting reaffirmed the SCO support to rebuild the war-torn Afghanistan in line with universally accepted principles and norms of international law, primarily the UN Charter. What China wants to see is a peaceful and friendly Afghanistan as the neighbor. Yet, the issue remains how China would work with its strategic partners and friendly countries to help the Taliban, now the ruling body of Afghanistan, to attain political stability, enact economic recovery and receive diplomatic recognition from the international community.

China's official line on the Afghanistan issue is essentially consistent: first, the Taliban needs to make a clean break with all the terrorist groups under UN Resolutions. Second, the SCO and the Eurasian partners would take part in the post-war reconstruction from humanitarian aid, security to diplomacy. Third, the Taliban now in charge of the country should be recognized as the de jure government of Afghanistan. Doing this can help the restructuring a modest and inclusive governance in the already impoverished country³. Historically, China was cautious to avoid taking part in directly the Afghan politics, e.g. during the previous foreign occupation of the country. But now China has not only exuded its moral and pragmatic support to the Taliban government, but also advanced multi-level cooperation and direct dialogues with it through the SCO, the G-20 and the U.N. on the Afghanistan question.

¹ Joint Statement on the Results of the Meeting of Russia, China, Pakistan and Iran on the Margins of the SCO and CSTO Summit in Dushanbe. *MOFA*. 2021. 17 September. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202109/t20210917_9889875.html (accessed: 25.09.2022).

² Li W. China's role in post-U.S. withdrawal from Afghanistan. *CGTN*. 2021. May 14. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-05-14/China-s-role-in-post-U-S-withdrawal-from-Afghanistan-10fWHYORehQ/index.html> (accessed: 25.09.2022).

³ United Nations Security Council Resolution 2615, December 22, 2021. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions-adopted-security-council-2021> (accessed: 25.09.2022); Joint Statement of the Foreign Ministers' Meeting on the Afghan Issue among the Neighboring Countries of Afghanistan. *MOFA*. 2021. 09 September.

This study then addresses two questions through an analytical-empirical approach to how China will realize its geostrategic design in Afghanistan. First, what are China's objectives which are supposed to differ from those of the USSR and the USA? Second, why would China likely succeed in the country where the superpowers had failed before? To make a sound inquiry into the issues, this study applies the classic realism as it defines national security in terms of power and diplomacy to test China's geostrategic design and approaches to Afghanistan. Looking into this strategic trajectory, China will likely bet to outmatch the U.S. in the case of Afghanistan. This is what this study tries to verify as follows.

Historic evolution of Chinese engagement with Afghanistan

During the first decade of the People's Republic of China (1949-1959), Beijing was eager to receive recognition from foreign governments for the sake of legitimacy, economics and security. In 1955, the Zahir Shah government of Afghanistan came to recognize Beijing as the legitimate government of China regardless of the different social-economy and ideology. Since then, the two countries have kept the bilateral relations in line with the Five Principles of Peaceful Co-existence that served to conclude the treaty of friendship and mutual non-aggression as a milestone to assure the good-neighborhood relations for six decades. Even during the Soviet invasion of the country and the Islamic Emirate ruled by the Taliban, Beijing still had its consular and trade businesses in Kabul according to the international laws and diplomatic norms.

However, the September 11 attacks on the United States led to a massive bombing campaign of Afghanistan by the Bush administration with a view to changing the regime in Kabul. The Taliban fled to the mountain areas

bordering Pakistan but continued fighting against the U.S.-led coalition for two decades. Soon afterwards, Hamid Karzai was installed to act the head of an interim regime in the post-Taliban era⁴. It is self-evident that China is regarded as a good-neighbor country as the bilateral relations between the two countries were restored in 2004 when President Karzai made a visit to Beijing where a package of economic and technical assistances was signed. As one of the major powers of the world and also the largest neighbor to Afghanistan, China contributed in a practical way to the reconstruction of the country which eventually led to a strategic partnership in 2013 and paved the way for Afghanistan to be admitted as a SCO observer state⁵. Yet, considering that Afghanistan was under the full control by the U.S. forces, China had kept a low profile until 2014 and declined the requests from the U.S. to send military personnel to the spot and to reopen the Wakhan Corridor—the only pass connecting China and Afghanistan.

In the legal and political terms, the Kabul government was not only the protégé of the U.S. military authorities, but also formally recognized by the United Nations. Given this, Chinese Foreign Minister Wang Yi made his *debut* visit to Kabul in 2014 and met with the Afghani leaders. Wang reiterated that China hoped to see a politically moderate and socially stable Afghanistan as a good neighbor. This visit to Kabul ushered in a new phase in the bilateral relations as China began to play the role of a mediator in the Afghan politics, yet it is by no means to depart from its previous non-intervention policy [Hirono 2019]. In May, the Obama administration announced a scheduled withdrawal of the partial U.S. troops from Afghanistan by next year and the peace talks would be inclusive of the Afghan Taliban⁶. As the geostrategic value of the country is important to all the neighboring states and also to the U.S., the EU, India and

⁴ The Aurora in Afghanistan: UN Talks on Afghanistan in Bonn. *China Daily*. 2001. December 3. URL: <https://news.sohu.com/43/07/news147340743.shtml> (accessed: 21.01.2022).

⁵ Karzai H. Chinese leaders' wisdom contribute to strong China-Afghanistan ties. Taiwan.cn. 2014. February 12. URL: http://eng.taiwan.cn/opinion/201309/t20130929_4956104.htm (accessed: 21.01.2022).

⁶ Obama approves fresh guidelines for U.S. military in Afghanistan. *Finance*. 2014. November 23. URL: <https://finance.qq.com/a/20141123/002859.htm> (accessed: 21.01.2022).

Turkey, the challenge remains how to make a peaceful and neutral Afghanistan integrated in the regional collective security structure.

China has endorsed the multi-level forums and inclusive dialogues on the Afghanistan issue. As the first move, Beijing hosted the 4th session of the Istanbul Process on the Afghanistan reconciliation among the warring parties. According to “The Beijing Declaration”, China acted to mediate the civil war in accordance with the Afghan-governing initiative highlighting all Afghan people together to solve common problems and preserve the Islamic values of unity, equity and justice. This can be defined as the domestic peace guidelines for Afghanistan: all political forces in the country were invited to work for domestic peace and stability, and all Afghan ethnic groups were assured to participate in an inclusive governance in the post-war era. To achieve these goals, it required China to make all efforts to remove mutual suspicion between Islamabad and Kabul through its good offices and then move to end the civil war between the Kabul government and the Afghan Taliban forces.

In compared with other countries which are also concerned with the future of Afghanistan, China has a few advantages to allow it to mediate the Afghan-Pakistan rows. Historically, China has never intervened in Afghan internal affairs through open or clandestine support of its political groups. Meanwhile, other neighbors including some major power in or out of the region were more or less involved in the clashes among the different Afghan ethnic or religious tribes. Due to this, China is seen as a trustable neighboring country by the ruling elite in Kabul as they looked to China to speak for them at the world’s forum in terms of their fundamental rights and security concerns. Moreover, what is described the “ironclad brotherhood” between China and Pakistan has greatly enhanced Beijing’s leverage in Afghanistan. Since 2014, China proceeded with mediating the rifts between Kabul and Islamabad which had sided with the Afghan

Taliban. As a result, China and Pakistan are able to jointly advance the direct talks between Kabul and the Taliban [Zhao 2012].

It is noted that in 2014, a new security concept of “NEWS” was adopted by the Central Foreign Affairs Leading Group of the CPC. It reads that strategic partnership between China and Russia or in Xi’s words of “back-to-back strategic coordination” was defined as the bulwark to deal with the adverse scenarios on the East Sea and the South China Seas. Thus, China could divert its geostrategic and economic connectivity into the ASEAN and Eurasia [Xi 2017]. Geopolitically, Eurasia is what can be described by Hans Morgenthau as the “heartland” stretching from the Volga to the Yangtze and from the Himalayas to the Arctic Ocean [Morgenthau, Thompson 1985: 127, 179]. It is under the jurisdiction of China and Russia in term of geography. In realpolitik, geography is seen as the most stable factor on which the power of a state depends because national security concerns are related to its specific living space. Accordingly, it often turns into the thorny issue when geography leads to a dilemma, e.g. the ruling power has pretentiously ignored the legitimate security concerns of the rising powers, such as China and Russia of today. They are logically sensitive to the geostrategic circumstances surrounding them since the U.S.-led allies have aimed to hinder China’s ascendance to a peer power in the Asian-Pacific and intentionally provoke Russia in Europe and arrogantly reject Iran’s legitimate rights in the Middle East. Given this, China, Russia, Iran and, to a lesser extent, Pakistan have no choice but coordinate their common interests and shared security concerns with the future of Afghanistan and the Eurasian continent as well⁷.

The Role of SCO in China’s policy

In addition to keeping strategic coordination with the Eurasian partners on the issue of Afghanistan, the leadership in Beijing is aware

⁷ President Xi. Jinping Had a Virtual Meeting with Russian President Vladimir Putin. *MOFA*. 2021. 15 December. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202112/t20211215_10470186.html (accessed: 21.01.2022).

of the major role of the (SCO). As one of the dual-drivers of the SCO, China has endorsed the multi-level security structure and inclusive cooperation in foreign affairs⁸. Since 2001, the SCO had eyed on the vicissitudes in Afghanistan: first acting on the Bonn Agreement and then abiding by the UN Security Council Resolutions. It defined the mission of anti-drug security belts along the Afghanistan borders and in 2012 created the SCO-Afghan liaison group which in turn helped Afghanistan to become an observer status. Now the SCO has grown up to the largest permanent inter-governmental organization in Eurasia and one of the most dynamic multilateral platforms in the world. Given that Afghanistan is a land bridge linking China's westernmost frontier to Central Asia, the Middle East and beyond, China has hoped the post-war Afghanistan to be "a neutral, independent and peaceful nation free of terrorism and drug-related crime"⁹.

Firstly, it required a series of trilateral or multilateral ministerial-level talks among China, Pakistan and Afghanistan (or other players) to spur the process of political reconciliation in the war-torn country. Secondly, it necessitates inclusion of Afghanistan into the SCO to insure the successes of the CPEC and the BRI as the transnational frameworks of trade and infrastructure networks through it to the heartland of Eurasia¹⁰. These projects will help to recover the war-torn economy in Afghanistan as it is a pre-requisite of peace and stability of any country. For sure, the poverty and lack of economic opportunities are always the main factors to nourish the growth of terrorism and other militant mafias.

The turning point came out in early 2021 when the U.S. announced that it would with-

draw its troops from Afghanistan prior to September 11, the 20th anniversary of the terrorist attacks that drew America into the longest war in its history. With unrest rapidly engulfing Afghanistan, China insisted that any foreign military withdrawal be in line with the Doha agreements to guarantee the peaceful transition in Afghanistan. Geopolitically, China is obviously sensitive to the U.S. military bases in the country close to its own territory but also not in favor of the chaos due to its rapid retreat from Afghanistan. In essence, *realpolitik* requires China to act in concert with the SCO and particularly with the Eurasian partners to tackle the worst symptoms in the fragile social-economic scenario in Afghanistan. Accordingly, China decided to take another step towards the direct talks with the Afghan Taliban and to facilitate peaceful talks among all Afghan political groups.

On July 28, a senior delegation headed by Mullah Ghani Baradar was invited to China where he met with Chinese high-ranking officials who presented a three-point proposal. First, the Afghan people had rights to decide the future development. Second, the Taliban was regarded as an important military and political force in Afghanistan and, therefore, it should play a responsible role in advancing the "Afghan-led and Afghan-owned" principle in the post-war era. Third, under the UN Resolutions, the Taliban needed to make a clean break with all terrorist organizations for restoring the stability, security and development which are badly needed in the country¹¹.

On behalf of the Afghan Taliban, Baradar appreciated China's policy towards Afghanistan which had seen China not only a reliable good-neighbor over the past decades but also a

⁸ Joint Statement by the Ministers of Foreign Affairs of the Member States of the SCO. SCO. 2002. 27 January. URL: <http://eng.sectsc.org/documents/> (accessed: 21.01.2022).

⁹ Meeting of the Council of Ministers of Foreign Affairs of the Member States of SCO. SCO. 2012. 6 January.

¹⁰ Trilateral diplomacy prevails at China-Pakistan-Afghanistan meeting. *China Daily*. 2019. 10 September. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201909/10/WS5d770511a310cf3e3556ab43.html> (accessed: 21.01.2022).

¹¹ Wang Yi Meets with Head of the Afghan Taliban Political Commission Mullah Abdul Ghani Baradar. MOFA. 2021. 28 July. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202107/t20210729_9168328.html (accessed: 21.01.2022).

major player in the world affairs. He vowed that once the country was fully under control, the Taliban stood ready to work with all other parties concerned to prohibit any groups from using the Afghan territory to engage in acts detrimental to China's security. This meeting marked a new phase of China's direct involvement in the Afghan politics [Valori 2021].

Two weeks later or that is to say on August 15, the Taliban's quick victory once again raised the concerns with where the country would move towards in the post-war era. During the phone talks next day, the U.S. Secretary of State Blinken and his Chinese counterpart Wang Yi discussed the scenario emerged out of Afghanistan. They agreed that the Taliban must make a clean break with extremism, opt for an orderly transfer of power and establish an inclusive government while ensuring the safety of all those who wish to leave Afghanistan¹². Yet, China also called for "a soft landing" necessarily with regards to the unrest in Afghanistan and the future of the country should be decided by its people, not by the powerful war lords or external forces. To facilitate this end, China and its strategic partners and the SCO member states have worked closely not only to eliminate terrorism and drug trafficking in Afghanistan and the adjacent areas, but also defend the legitimate rights of all Afghan ethno-political groups¹³.

Now it is clear that China's stakes and leverage in Afghanistan have shown a substantive increase. On the one hand, the Taliban has regarded Pakistan, China, Russia and some states in the Middle East as friendly countries. On the other hand, China has called for the collective security structure in the post-war Afghanistan. As the Secretary-General of the SCO Vladimir Norov put it in 2021, "With the complete withdrawal of foreign troops from

Afghanistan, the SCO member states believed it significant to responsibly restore the legitimacy of state power in Kabul through an inclusive peaceful dialogue, to deliberately work out a plan of practical measures to promote the socio-economic reconstruction of the country"¹⁴. This is what China has advanced the geostrategic objectives in Afghanistan even though numerous challenges loom now or later.

Accommodation of Afghanistan under Taliban

Historically, whenever the change of the regime was completed by the non-peaceful way, the main dilemma was how to minimize the adverse situations. Afghanistan is no exception. In the wake of the sea-changes there, it was imperative for all the political parties in Afghanistan to seek for a legitimate political order which meant the acceptance of the framework of peace and security by all major powers concerned. China has made diplomatic efforts to appeal to peace, stability and normalcy through a series of the summits and the ministerial-level talks or virtual meetings with all major countries (except Japan) and international or inter-governmental organizations including the UN, the EU, the NATO, the G-20 and particularly the SCO.

Since the changes that swept Afghanistan, China have held foreign ministers' meetings among the neighboring states of Afghanistan, such as Pakistan, China, Iran and three Central Asian states in September. They held that a durable peace in Afghanistan must be made through dialogue between all parties in light of the legitimate interests and political rights. Later, more countries declared their supports to political reconciliation, economic recovery and diplomatic engagement in Afghanistan regardless of the previous rifts and wars. As a

¹² Wang Yi Speaks with U.S. Secretary of State Antony Blinken on the Phone at Request. *MOFA*. 2021. 16 August. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202108/t20210817_9168346.html (accessed: 21.01.2022).

¹³ The Meeting of Russia, China, Pakistan and Iran on the Margins of the SCO and CSTO Summits in Dushanbe. *MOFA*. 2021. September 17. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202109/t20210917_9889875.html (accessed: 21.01.2022).

¹⁴ Norov V. The SCO is entering its third decade. *Islamabad Post*. 2021. September 13. URL: <http://eng.sectsc.org/news/20210913/778271.html> (accessed: 21.01.2022).

joint statement issued in October argued, "The neighboring states of Afghanistan have a vital stake in the country where the radical changes should be guided to serve transit trade, people-to-people exchanges and common security concerns in the region"¹⁵.

Moreover, China has been engaged with the plural organizations to discuss the issue. In September, Chinese Foreign Minister spoke at the UN Security Council meeting on the Afghan reconstruction and declared that China stood ready to work with the United Nations in the most effective ways possible; yet, the destiny of Afghanistan should ultimately be decided by its people. Given Afghanistan under the looming pressures such as humanitarian crises, counter-terrorism, economic recovery and political legitimacy, the UN was supposed to play a major role in the post-war years¹⁶. Then in October, China appealed to the G-20 special session that the fundamental way out for this impoverished country was that the international community needed to restore the peace and stability in Afghanistan. Otherwise, unilateral sanctions on it would further retard the recovery of its social-economy¹⁷. China is among the few countries to have kept trade and business in Kabul under the Taliban control. Yet, if the Western sanctions against it were not lifted soon, the politico-social situation will be further strained and lead to much severe humanitarian miseries.

In the domain of diplomacy, China is also one of the few major powers to keep its embassy in Kabul for regular communications with the

Taliban, now the new rulers of the country. Two months after they took power, China called for the international community to extend recognition to the Taliban as the *de facto* government of Afghanistan. During his visit to Doha in October, Chinese Foreign Minister Wang Yi met with Acting Deputy Prime Minister Mullah Baradar and Acting Foreign Minister Amir Muttaqi of the Taliban interim government. He reiterated that with the Taliban nearly stabilizing the country, "the U.S.-led allies should lift sanctions and to engage the Taliban-led caretaker government in a rational and responsible manner to help them to take on a path of nation-rebuilding"¹⁸. To accomplish domestic recovery and diplomatic recognition of the new government in Kabul, the Taliban leaders to look to the friendly countries including China to play the constructive role.

Yet, the United States has continued playing a very harmful role, an unacceptable role in the ongoing humanitarian crisis in Afghanistan. So the question remains if China will be able to outmatch the United States in the case of Afghanistan? This question should be treated through a balanced probe into China's relative leverages in terms of the geopolitics. First, since China and Russia see each other as the largest geostrategic asset in Eurasia and the world affairs, Beijing has tried to make sure their joint efforts to address common risks and challenges. Russia opines that it is unwise to turn China into a geopolitical adversary in view of the radical policy of the NATO and the EU against it [Trenin 2021]¹⁹. This scenario will

¹⁵ Joint Ministerial Statement of the Second Meeting of Foreign Ministers of Afghanistan's Neighboring Countries. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, 2021. 28 October. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202110/t20211030_10404009.html (accessed: 21.01.2022).

¹⁶ Wang Yi. All Parties Should Help Afghanistan Tackle the "Four Challenges. *MOFA*. 2021. September 23. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202109/t20210923_9580053.html (accessed: 21.01.2022).

¹⁷ Wang Yi. Attends the G20 Extraordinary Leaders' Meeting on Afghanistan. *MOFA*. 2021. October 12. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202110/t20211013_9550690.html (accessed: 21.01.2022).

¹⁸ Wang Yi. Meets with Acting Foreign Minister of the Afghan Taliban's Interim Government Amir Khan Muttaqi. Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 2021. October 27. URL https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202110/t20211027_10230148.html (accessed: 21.01.2022).

¹⁹ Wang Yi. Enduring friendship and win-win cooperation between the two countries. *MOFA*. 2021. December 31. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202201/t20220101_10478334.html (accessed: 21.01.2022).

continue for decade or longer than expected since Russia launched its special military operation in Ukraine in early 2022.

Second, Russia's seminal role is indispensable in terms of consolidating and expanding the SCO while making all efforts to bridge the rows between China and India, which are the two principal strategic partners of Russia. In 2020, it chaired the trilateral Russia-India-China (RIC) consultative format to advance high-level meetings between Indian and Chinese ministers in Moscow. China and India agreed to follow their ancient wisdom to empathize with each other's core interests and security concerns. In 2021, China held the virtual meeting among the RIC foreign ministers who called for the humanitarian aid and all pragmatic help to Afghanistan and prevent it from again becoming a haven for terrorists²⁰. Iran is another exemplary case where Russia has played a major role in creating strategic security and coordination dialogue. Since 2019, Russia, China and Iran have normalized the joint naval drill in the Gulf of Oman and the Indian Ocean with a view to displaying their strategic cooperation in foreign affairs. In the meantime, Russia and China did all efforts to facilitate Iran's full member status of the SCO in 2021.

As Kissinger argued on the nature of *realpolitik*, a sound strategy requires a clear, well-considered vision of the world which is combined with a balanced doctrine that focuses action on viable objectives and creates power and clarity amid uncertainty and complexity [Kissinger 2014: 75-76]. Echoing his insight, China has performed quite well in Afghanistan because the Eurasian partners and the majority of the SCO member states have endorsed China's geostrategic designs and approaches to Afghanistan. This fact infers that China has used multi-level and flexible partnership to cope with the present challenges while accu-

mulating more resources to pursue the long-term strategy in the new geopolitical competitions of the century. In this context, China will continue working with the Eurasian partners and the SCO member states on the Afghanistan issue.

In March 2022, acting foreign minister of the Taliban government Amir Muttaqi was invited to visit China where he lashed out the United States for not only undermining Afghanistan political and economic sovereignty for decades but also severely demolishing much infrastructure and facilities during its hasty withdrawal. Now while the Taliban government is committed to peaceful coexistence and cooperation with the neighboring countries, it expects its neighboring governments act first to recognize it as de jure authorities of Afghanistan²¹. Although it requires the legal procedures, there has been plural actions beyond words from its neighbors and apparently from the Eurasian partners because they are predisposed to peace, with no cynical or self-serving reasons.

* * *

Historically, three superpowers of the day suffered humiliating defeats or became mired in indecisive decades-long wars in Afghanistan owing to their strategic blunders. Now as a rising power bordering the same country, how can China avoid becoming yet another casualty in the so-called "Graveyard of Empires"? This article seems to verify that China's strategic partnership with Russia, Pakistan and Iran, along with SCO member states bordering Afghanistan, is the effective bulwark to China's participation in the post-war Afghanistan reconstruction. Having learned from the experience of the imperial power in history, China is not going to take unilateral action or any coercion in Afghanistan but through its soft

²⁰ Wang Yi. Attends Virtual Meeting of Russia-India-China Foreign Ministers. MOFA. 2021. November 26. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202111/t20211127_10454312.html (accessed: 21.01.2022); Renin D. How Russia must reinvent itself to defeat West's hybrid war. Russia Today. 2022. May 23. URL: <https://www.rt.com/russia/555916-russia-west-hybrid-war/> (accessed: 21.01.2022).

²¹ The First "Neighboring Countries of Afghanistan Plus Afghanistan" Foreign Ministers' Dialogue. MOFA. 2022. March 31. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/wjbz_663308/activities_663312/202204/t20220401_10663013.html (accessed: 21.01.2022).

power tools from mediation to reconciliation to negotiation among the diverse Afghan groups in line with the Afghan-led, Afghan-owned formula and social-economic development. All of these can be described to bring peace and stability to the war-torn country that would be supposed to act on its unique location as a land-bridge for regional interconnectivity and common security.

Suffice it to say, China's geostrategic design and its relevant approaches to Afghanistan are the principled and flexible under such adverse circumstances in the world today. The reward-

ing results for China would come out owing to the factors as discussed above: China's economic strength is seen as a key leverage on the issue of Afghanistan; its inclusive security structure further serves it to have strategic partners rather than acting alone in Afghanistan, and China's geography provides it the strategic advantages to compete effectively in Afghanistan with the geopolitical rivals nearby and far away alike.

Given this, China will likely have the cards in its hands to outmatch the ruling power and its allies in the case of Afghanistan.

References

- Bender P. (2003). *Weltmacht Amerika. Das Neue Rom*. Stuttgart: J. G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfolger GmbH. 295 p.
- Hirono M. (2019). China's Conflict Mediation & Durability of the Principle of Non-Interference: The Case of Post-2014 Afghanistan. *The China Quarterly*. Vol. 239. P. 614–634.
- Kissinger H. (1994). *Diplomacy*. NY: Simon & Schuster. 813 p.
- Kissinger H. (2014). *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. NY: Allen Lane. 432 p.
- Morgenthau H.J., Thompson K. (1985). *Politics among Nations – the struggle for power and peace*, 6th ed. New York: McGraw-Hill Publishing Company.
- Nixon R. (2013). *1999: Victory Without War*. New York: Simon & Schuster. 302 p.
- Trenin D. (2021). The Impact of Sino-American Rivalry on Russia's Relations with China. *Carnegie Moscow Center*. October 18. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85580> (accessed: 14.02.2022).
- Valori G.E. (2021). After Decades of War, Can China give Afghanistan a chance of stability. *Modern Diplomacy*. August 6.
- Xi J. (2017). China's Diplomacy as a Major Country. In *The Governance of China*. Beijing: Foreign Language Press. 619 p.
- Zhao H. (2012). China and Afghanistan: China's interests, position and outlook. *Russian Studies*. No. 5. P. 1–16.

ГЕОСТРАТЕГИЯ КИТАЯ В ПОСТВОЕННОМ АФГАНИСТАНЕ

ФАН ЯО-ТЯН

Китайский народный университет, Пекин, Китай

ВАН ЛИ

Цзилиньский университет, Чанчунь, Китай

Резюме

На протяжении 2010-х годов Китай рассматривал Афганистан в качестве одной из ключевых стран в рамках реализации транснациональной инициативы Пояса и пути. Вместе с тем после обретения талибами власти в стране встаёт вопрос о том, будет ли Китай играть главенствующую роль в поствоенном Афганистане. Ранее он старался не вовлекаться в геополитические игры

подобно тому, как это делали великие державы на протяжении истории. В последние десятилетия Китай занимался укреплением стратегических связей с такими евразийскими партнёрами по решению афганского вопроса, как Россия, Пакистан и Иран, а также со странами Центральной Азии, которые или являются соседями Афганистана, или являются государствами—членами ШОС. Пекин, выступающий за принцип многосторонности и инклюзивности в международных отношениях, избегает односторонних действий по вопросу Афганистана. Наоборот, он стремится действовать на различных уровнях, включая работу с евразийскими партнёрами, государствами—членами ШОС, непосредственно граничащими с Афганистаном, а также с такими многосторонними организациями, как ООН и «Группа двадцати», для реализации своих геостратегических интересов в Афганистане. Настоящая статья рассматривает исторический опыт и стратегический контекст политики Китая на афганском направлении, а также выстраивает прогноз её дальнейшей реализации.

Ключевые слова:

Китай; Афганистан; Евразия; геополитика; ШОС; многосторонность.

ФИНАНСЫ ДЛЯ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПОРЯДКА

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОНДОВ ФРГ И ФИЛАНТРОПИЧЕСКИХ ФОНДОВ США

ВЯЧЕСЛАВ СУТЫРИН

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия

Резюме

Статья нацелена на изучение инструментов влияния политических фондов на внешнюю и внутреннюю политику государств, определение их места и функций в международных отношениях. Мы анализируем развитие современных политических фондов США и Германии. Актуальность поставленной проблемы обусловлена расширением применения инструментов «полугофициальной дипломатии» во внешнеполитическом арсенале западных государств, в которых политические фонды играют важнейшую роль ресурсных центров. Проведён сравнительный анализ особенностей функционирования фондов, предложена классификация функций политических фондов в контексте международных отношений. Сделан вывод, что германские фонды спроектированы по образцу МИД с элементами политической партии, тогда как типичный американский фонд — по принципу бизнес-корпорации. Представители ФРГ стремятся присутствовать на местах, завязывать контакты и осуществлять непрерывный мониторинг, американцы ориентированы на проектный подход, создание НПО или партнёрств под конкретную задачу с претензией на международную легитимность. Различаясь по модели финансирования, степени участия государства, масштабам и методам работы, фонды в ФРГ и США служат проводниками и интерпретаторами идеологии правящего класса своих стран на глобальном уровне, содействуя решению задач внешней политики государств происхождения. За счёт дистанцирования от официальной дипломатии и формально-юридической автономии, при сохранении системы согласований между крупными фондами и государствами происхождения, фонды получают широкое пространство манёвра, проникая в общества зарубежных стран и оказывая влияние на чувствительные сферы — образование, внутреннюю политику, экспертное сообщество и медиа. Это формирует множество связей и точек воздействия на общество и власть целевой страны «изнутри», которые могут быть использованы для достижения целей внешней политики государства происхождения фонда. В условиях роста международной конфронтации эти возможности западных фондов сокращаются, но они постоянно ищут новые точки приложения сил в разных регионах в интересах своих бенефициаров. Опыт деятельности западных фондов сегодня активно применяется другими странами, в том числе незападными, и заслуживает внимательного анализа.

Ключевые слова:

политические фонды; гуманитарное влияние; «мягкая сила»; международные отношения; филантропия; общество; США; Германия.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.11.2021

Дата принятия к публикации: 22.08.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: vsutyurin@gaugn.ru

Системный анализ международных отношений предполагает учёт гуманитарных, культурно-информационных ресурсов и методов влияния. Международное давление часто осуществляется косвенно и комплексно, путём увязки политических, экономических и гуманитарных инструментов. Часто этот процесс принимает рутинный технократический характер «диффузии международных норм» и их внедрения в национальные законодательства. Эффективность такого воздействия тем выше, чем активнее в нём участвуют транснациональные экспертно-профессиональные сети [Байков, Виньо 2019]. Соответственно, встаёт вопрос о том, кто создаёт эти сети и управляет ими?

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим значением в международных отношениях гуманитарного влияния — воздействия на внутреннюю и внешнюю политику государств через посредство общественных групп и институтов [Сутырин 2020]. Государства остаются основными игроками в международных отношениях, но испытывают на себе растущее воздействие негосударственных (по крайней мере формально) акторов. В выработке и реализации внешней политики к началу 2020-х годов значительную роль приобрели инструменты «полуофициальной дипломатии». Обширный корпус научной литературы отдаёт центральное место в них неправительственным организациям (НПО) [Grincheva & Kelley 2019]. На порядок меньше внимания уделяется разного рода политическим и филантропическим фондам. Между тем они, наряду с государствами, выступают основными донорами НПО, косвенно режиссируя многие их проекты путём формулирования условий выделения грантов и отбора заявок. Общепринятого определения понятия филантропического фонда нет, в качестве критериев отнесения организаций к данной категории часто используют следующие: неправительствен-

ный и некоммерческий характер, наличие собственных капиталов, а также попечительского совета, осуществляющего контроль, нацеленность на обеспечение общих социальных благ¹.

Цель настоящей статьи — выявить основные инструменты влияния фондов, определить их место и классифицировать функции в контексте современных международных отношений и внешней политики государств. Для этого в статье проводится сравнительный анализ американских филантропических организаций и германских политических фондов. Организации со штаб-квартирами в США и ФРГ выбраны для анализа как крупнейшие в мире и наиболее активные в общественно-политической сфере. Обе страны позиционируются как основные трансляторы западной идеологии либеральной демократии, а фонды выступают ведущими проводниками этой идеологии за рубежом.

Массив эмпирических данных статьи составили базы данных проектов крупнейших фондов США и ФРГ за 2011–2021 годы, опубликованные на официальных сайтах, годовые и финансовые отчёты, а также иные документы изучаемых организаций, статистические данные ОЭСР. В процессе исследования также использовались заявления официальных лиц и представителей фондов, научные публикации и экспертные доклады.

Научные оценки роли фондов

В литературе о фондах можно выделить три основных направления:

1) девелопментализм, тесно связанный с теорией модернизации: фонды рассматриваются как инструмент развития и социальных инноваций, обеспечивающих приближение менее развитых стран к современному западному образцу. Данная теория возникла в 1950-х — 1960-х годах при активной поддержке американских фондов [Youde 2019];

¹ Данный набор критериев в литературе сложился достаточно давно. См., например: [Weaver 1967: 39]. Вместе с тем следует отметить, что «всеобщность» целей фондов находится под вопросом в свете интересов контролирующих их лиц.

2) изучение гегемонии, восходящее к А. Грамши: фонды рассматриваются как инструмент легитимации властных групп, «идеологическая» база и инструмент их власти внутри страны и на международном уровне [Roelofs 2015];

3) социологический подход: фонды рассматриваются с точки зрения социологии знания, как инструмент формирования и развития знаниевых сетей (knowledge networks), производства знаний и управления дискурсом [Parmar 2002].

С опорой на отмеченные подходы реализованы компаративистские исследования фондов [Anheier 2018], исследования эффективности управления фондами [Anheier, Toepler 2020]. В отечественной науке внимание уделяется в основном исследованию германских политических фондов [Погорельская 2009; Огнева 2011; Ланьшина 2014; Большова 2014]. В англоязычном пространстве следует отметить ряд монографий, в которых предложен системный анализ роли фондов во внешней политике государств, но большинство из них опубликованы более 40 лет назад [Berman 1983; Nielsen 1982; Weaver 1967].

Активные дискуссии идут вокруг определения роли фондов в международных отношениях. Предпринимались попытки решить данную задачу противопоставлением «глобального гражданского общества», к которому относят и фонды, государственным и бизнес-игрокам [Бек 2007]. Заостряя данную точку зрения, фонды рассматриваются как «значимая и независимая сила в международных отношениях» [Youde 2019]. Иная интерпретация опирается на понятие «глобальной агоры» [Stone 2013] как сферы подвижных связей между политикой, рынками, культурой и обществом [Jung 2019].

Подход к вопросу через противопоставление фондов и государств видится упрощённым, эмпирические исследования говорят скорее об обратном: в частности, германские партийные фонды редко отклоняются от официальной линии МИД ФРГ, хотя могут её дополнять или забегать вперёд [Погорельская 2009]. Существуют ис-

следования о «симбиозе» между политическими фондами США и спецслужбами [Cumings 2014]. Фонды рассматриваются как «тихий партнёр» внешней политики Вашингтона [Shi 2020] или часть американской «мягкой силы» [Parmar, Rietzler 2014].

Продуктивным представляется определение фондов как посредников между «различными секторами общества и международных отношений» [Moran 2014], а также как «привратников» (gatekeepers), обеспечивающих отбор и подготовку кандидатов в национальные и международные элитные группы [Roelofs 2003]. Ряд исследований тяготеют к классовому подходу, рассматривая фонды как кураторов общественных процессов в целях крупного западного капитала, связанного с государственной властью и образующего «систему филантрокапитализма» [Burns 2019].

Оценка общественно-политической роли фондов зависит от точки зрения исследователя. Оптимисты утверждают, что фонды обеспечивают поддержку бедных, плюрализм, способствуют социальному развитию [Legitimacy of Philanthropic Foundations 2006]. Скептики указывают на недостаток легитимности фондов и прозрачности их деятельности, концентрацию влияния в руках узкой группы попечителей, работу этих организаций на укрепление позиций западного истеблишмента и блокирование глубоких социальных изменений [Cunningham 2016]. Ряд исследователей отмечает, что, вопреки риторике о «демократическом мире», американские фонды поддерживают гуманитарные интервенции и военные операции США за рубежом [Parmar 2014]. Отмечается роль фондов как конструкторов гегемонии [Roelofs 2003], мирового порядка [American Foundations 2012], колониального проекта [Lipman 2015]. Сторонники позитивных оценок указывают на роль фондов как «ключевого элемента» в системе обеспечения социальных гарантий [Boesso, Cerbioni 2014]. Они могут реализовывать дополняющие государство функции в тех сферах,

где прямое государственное участие предполагает высокие издержки, выполнять функции банков для организаций гражданского общества, оказывать новым проектам поддержку, которой они не нашли со стороны бизнеса или государства [Anheier, Leat 2013].

Проведённый анализ научных подходов ставит проблему выявления системных функций или потребностей современных государств и элитных групп, благодаря которым в западных странах произошёл рост влияния фондов и закрепление за ними особой ниши. С этой целью важно рассмотреть историю развития фондов.

Исторический опыт фондов

После Второй мировой войны американские фонды доминировали на международной арене благодаря ряду факторов: положению страны в роли гегемона в мировой экономике и политике, глобальному влиянию транснациональных корпораций, системе налоговых льгот для фондов и значительно меньшей социальной роли государства по сравнению с европейской моделью. Истоки современных американских фондов восходят к началу XX века, когда они стали необходимы крупным монополиям для защиты и легитимации состояний владельцев², внешнеэкономической экспансии и купирования революционных настроений в США. Этим исторически обусловлена системная роль фондов внутри страны. Например, в 1913 г. Фонд Карнеги тратил на образование больше, чем федеральное правительство³.

США не были изобретателями организационной формы филантропических фондов, предтечи которой встречаются в Европе на протяжении нескольких веков в форме религиозных и церковно-аристократических благотворительных организаций. В отличие от США, в деятельности европейских фондов государство продолжает

играть более существенную, подчас определяющую роль. Например, во Франции до 60% совокупного бюджета благотворительных фондов субсидирует государство за счёт налогоплательщиков [Legitimacy of Philanthropic Foundations 2006: 274]. Политические фонды Германии созданы и финансируются государством.

Возникшие в XIX веке во Франции и Германии прообразы современных фондов были активно вовлечены в международные отношения. Немецкие общества дружбы, Фонд Гумбольдта (основан в 1860), французский Альянс Франсез (основан в 1883) были некоммерческими организациями и активно реализовывали внешнеполитические проекты гуманитарного влияния. При этом де-факто, а часто и де-юре они зависели от правительств и координировали свою деятельность с министерствами иностранных дел [Brown 2020: 39]. Вторая мировая война привела Европу к экономическому истощению, в связи с чем европейские фонды пришли в упадок, уступив лидерство американским. Последние возникли в начале XX века с подачи богатейших американских семей и использовались ими для защиты бизнес-интересов в США и за рубежом, преимущественно в сфере сырьевых проектов в Латинской Америке.

Тенденция к постепенному огосударствлению внешнеполитической деятельности фондов в США наметилась в ходе «холодной войны» и продолжает нарастать вплоть до сегодняшнего дня. В частности, Государственный департамент взял на себя основные расходы по программам обменов, многие из которых изначально создавались на средства частных фондов. В 1940-х – 1960-х годах американские фонды – особенно «большая тройка» (фонды Карнеги, Рокфеллера и Форда) – энергично включились в формирование и сопровождение гегемонии США, координируя

² Фонд Форда был изначально задуман как инструмент сохранения контроля семьи основателя над Ford Motor Company, что позволило не платить налоги с 91% акций компании. С такой же целью была создана Krupp Foundation в Германии. Подробнее см.: [Whitaker 1974: 54].

³ Ibid. P. 41.

свою деятельность с внешнеполитическими службами. Фонды обеспечивали гуманитарный компонент влияния США в Японии, Китае и Европе⁴.

В последнем случае Вашингтон активно использовал их для увязки послевоенного восстановления с задачами противодействия росту влияния СССР. Фонды способствовали экспорту американской модели организации науки в Европу и сокращению влияния учёных левых взглядов посредством селективного выделения грантов, от которых зависела европейская наука, создания европейских научных институтов для распространения «американских ценностей» и сбора информации [Krige 2006].

С начала 1940-х годов при лидирующей роли Фонда Рокфеллера в Латинской Америке стали реализовываться первые программы по развитию сельского хозяйства, в рамках которых широкое развитие получили гибридные семена, пестициды. Мексиканская агропромышленная программа Фонда Рокфеллера и совместные программы с Фондом Форда заложили в 1960-х годах основы «зелёной революции». В начале 1950-х годов была ясно изложена идеологическая и геополитическая мотивация данной деятельности⁵. Американские фонды, де-юре независимые, де-факто на кадровом уровне были тесно связаны с органами государственной власти и находились под наблюдением Конгресса США — вплоть до создания специальных комитетов по проверке финансирования фондами «антиамериканской деятельно-

сти». При этом неформальная сеть контактов фондов вскоре стала эффективнее в выявлении «антиамериканских взглядов» потенциальных грантополучателей, чем официальные структуры Вашингтона [Krige 2006: 150].

Американские фонды в значительной степени повлияли на формирование современных научных исследований в гуманитарной сфере в США и за рубежом. В качестве примера можно привести создание и экспорт американских подходов в политических науках с акцентом на функционализме и бихевиоризме [Roelofs 2003]. При поддержке фондов была разработана теория модернизации, развивались научные школы регионалистики и страновых исследований в американских и зарубежных университетах⁶. Велась активная работа с молодыми лидерами в рамках престижных семинаров и программ обменов. Приоритетным направлением стало создание организаций и выделение грантов для влияния на интеллектуалов и творческую интеллигенцию в Европе в тесной координации с Государственным департаментом, в ряде известных случаев — со специальными службами США [Parmar 2012: 120].

После Второй мировой войны в ФРГ получили развитие так называемые околопартийные политические фонды, финансируемые за счёт федерального бюджета. Фонды выступали формально как самостоятельные организации, при этом согласовывали свои приоритеты с государственными ведомствами, которые осуществляли

⁴ Как отмечает Э. Берман, «программы фондов были созданы, чтобы продвигать внешнеполитические интересы США» посредством «поддержки отдельных идей, которые согласуются с задачами фондов, и институций, производящих эти идеи» (см.: [Berman 1983: 3]).

⁵ Консультативный комитет по агропромышленности Фонда Рокфеллера пришёл к следующему выводу: «Голодные люди завлекаются обещаниями, но завоёвываются делами. Коммунизм даёт привлекательные обещания недоедающим людям; демократия должна не только обещать не меньше, но и давать больше». См. подробнее: Advisory Committee for Agricultural Activities (1951). The World Food Problem, Agriculture, and the Rockefeller Foundation. New York. P. 3—7.

⁶ Существенную роль сыграл созданный фондами Совет по исследованиям в области общественных наук, во многом определявший направления научных исследований путём распределения грантов. Так, в конце 1950-х годов Совет, в том числе при поддержке Фонда Форда, занимался разработкой теории модернизации, которая фактически представляла альтернативу теории развитого социализма. Теория разрабатывалась в нескольких элитных американских университетах, а затем была перенесена в Западную Европу (см. подробнее: [Калхун 2006]).

мониторинг и оценку их деятельности⁷. Изначально они создавались с целью политического образования для демократизации в условиях «полусуверенного государства» [Katzenstein 1978]. При построении политической системы и её элементов, включая политические фонды, ФРГ ориентировалась в основном на опыт англосаксонских держав. Пионером во внешней политике стал Фонд Эберта, финансировавший в 1957 г. антикоммунистические профсоюзы в Латинской Америке за счёт субсидий МИД ФРГ [Pinto-Duschinsky 1991]. В 1960-х годах на средства федерального министерства экономического сотрудничества и развития фонды начали осуществлять политическое образование в зарубежных странах, став частью германской политики содействия международному развитию. Политические фонды ФРГ были активно вовлечены в процессы политических трансформаций в Португалии, Испании и Чили [Погорельская 2007; Pinto-Duschinsky 1991].

Распад СССР сделал постсоциалистический ареал приоритетным для ключевых американских и германских фондов. На протяжении многих лет «экономика западных грантов» [Aksartova 2009] фактически выращивала и поддерживала целые отрасли научных исследований и общественной жизни в целевых странах, были созданы сотни и тысячи неправительственных организаций, осуществлявших гуманитарное влияние. Фонды играли ведущую роль в конструировании и управлении данным конгломератом в общественно-политической сфере.

Германские фонды начали активно проникать в регион в поздний советский период. Кардинальных изменений методов их работы после 1990 г. не произошло, но качественно расширились возможности их влияния в связи с возникшей многопартийностью и заинтересованностью местных элит в сближении с ФРГ. Германские

фонды энергично работали в бывших советских республиках, осуществляя политическое влияние опосредованно через два основных инструмента – политическое образование и экспертно-консалтинговую деятельность, выстраивая связи с элитными группами и партиями.

Американские фонды делали больший акцент на прямом политическом влиянии через акции и мероприятия (протесты, медиакампании), располагая на порядок большими ресурсами. За первые 15 лет после распада СССР (1990–2004) только два американских фонда – Сороса и Мотта – потратили вместе на финансирование политических проектов в странах бывшего Варшавского договора более 500 млн долларов – больше, чем ЕС или какая-либо европейская страна, уступая лишь США [Green 2007]. Американские фонды активно вмешивались в ситуацию в бывшей Югославии. Наиболее заметную роль играл Фонд Сороса, финансировавший многочисленные НПО в республике, а затем и Международный трибунал по бывшей Югославии [Международный трибунал 2012].

Таким образом, генезис американских и германских фондов различается: первые были созданы крупными монополистами и стали инструментом истеблишмента для влияния на общество и государство, с которым затем тесно переплелись, особенно на внешнеполитическом треке; вторые – созданы изначально государством для влияния на внутренние, затем и зарубежные общественные процессы.

Функции и механизмы влияния

В настоящее время бюджеты зарубежных программ крупнейших американских фондов сопоставимы с аналогичными бюджетами содействия международному развитию некоторых государств (табл. 1). Для сравнения: в год на зарубежные программы развития Польша тратит от 100 до 260 млн

⁷ Development Assistance Committee (DAC). Germany. Peer Review OECD Publishing, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/development/peer-reviews/46439355.pdf> (accessed: 09.05.2021).

Таблица 1
Годовые расходы ведущих американских фондов,
реализующих международные общественно-
политические проекты, 2020, млн долларов США

Организация	Бюджет (млн долларов США)
Фонд Карнеги ⁹	188
Фонд Форда	1080
Фонд Рокфеллера	240
Фонд «Открытое общество» ¹⁰	1356
Фонд Макартуров	287
Фонд Билла и Мелинды Гейтс	5800

Источник: расчёты автора на основе данных
финансовых отчётов организаций¹¹.

долларов, Швеция — 2–4 млрд, Международный валютный фонд — 1–1,5 млрд⁸.

Деятельность фондов охватывает практически весь спектр социальных проблем, но основные инструменты следует отнести к информационно-политическим. В частности, крупнейшие филантропические фонды, опрошенные ОЭСР, назвали своей основной целью адвокати́рование¹², в том числе информационное влияние на государственную политику (79%), а также изменение социальных норм и поведения

(82%)¹³. «Государственное управление и гражданское общество» входит в тройку наиболее востребованных тематических направлений работы фондов, уступая по объёму ассигнований лишь здравоохранению и сельскому хозяйству¹⁴.

Крупнейшие филантропические фонды США активно включаются в деятельность международных организаций — от Совета Европы и Всемирной организации здравоохранения до ООН при отсутствии легитимных механизмов контроля и отчётности [Lambin, Surender 2021]. Часто подобная интеграция носит неформальный характер (через НПО-посредников); она осуществляется через проектное финансирование, в котором нуждаются международные организации. Тем самым фонды получают широкие возможности влиять на повестку международных институтов, обладая высокой гибкостью и скоростью в распределении ресурсов.

Старые фонды, прежде всего американская «большая тройка», сохраняют влияние, но в 2000-х годах по объёму расходов они уступили первенство новым донорам: леволиберальному Джорджу Соросу, пра-

⁸ Private Philanthropy for Development (CRS). OECD Statistics, 2009–2019. [Электронный ресурс]. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=DV_DCD_PPF (accessed: 02.06.2021).

⁹ Приведены расходы Фонда Карнеги (Carnegie Corporation), который финансирует ряд организаций, которые также носят имя Карнеги, в том числе Фонд Карнеги за международный мир, Фонд Карнеги по улучшению преподавания, Институт Карнеги за науку и другие.

¹⁰ От ред.: 26 ноября 2015 г. фонд «Открытое общество» (Open Society Foundation) внесён в Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации (см.: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/>).

¹¹ По данным из финансовых отчётов фондов за 2020 год, опубликованных на официальных сайтах. Официальная финансовая отчётность Фонда Рокфеллера за 2020 г. на момент подготовки исследования не была опубликована, приведена цифра из отчёта за 2019 год.

¹² Термин «адвокати́рование» определяется в рамках настоящей статьи как защита и продвижение общественных интересов (или, что часто имеет место в деятельности западных фондов, интересов ограниченных групп, маскируемых под общественные, относящиеся к неограниченному кругу лиц) в отличие от лоббизма, понимаемого как защита частных интересов. Подробнее об определении адвокати́рования и лоббизма см.: [Писарев 2022]. На современном этапе адвокати́рование всё чаще осуществляется через «транснациональные сети убеждения» (transnational advocacy networks), сочетающие политику убеждения и экспертизу и вовлекающие НПО, экспертов, международные организации и дипломатов заинтересованных стран [Михайленко 2022].

¹³ Private Philanthropy for Development — Second Edition. OECD, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/cdf37f1e-en/index.html?itemId=/content/publication/cdf37f1e-en> (accessed: 22.12.2021).

¹⁴ OECD Statistics on Private Philanthropy for Development: Highlights from the latest data on 2018–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/dac/Private-Philanthropy-for-Development-Flyer-2018-19.pdf> (accessed: 22.12.2021).

воконсервативным братьям Кох (проекты сосредоточены в основном в США), наиболее амбициозному в международном плане Биллу Гейтсу. Основные средства, выделяемые американскими фондами, осваивают западные организации, прежде всего американские. Например, за последние 10 лет Фонд Гейтсов выделил университетам грантов в размере 11,6 млрд долларов, из них 68% получили университеты в США; в целом на западные университеты пришлось 92% выделенных средств¹⁵. В результате возникает мощный инструмент мировоззренческого влияния¹⁶.

Метод работы фонда «Открытое общество»¹⁷ заключается в создании параллельной институтам власти инфраструктуры влияния в зарубежных странах и мобилизации социальных групп для быстрого достижения своих целей¹⁸. Он приобрёл известность участием в посткоммунистических транзитах стран Восточной Европы¹⁹. Анализ базы данных грантов Фонда, выданных в 2010–2020 годах, показывает, что большинство грантов составляют от 5 тыс. до 1 млн долларов. Как правило, они вы-

деляют на краткий срок — в среднем от 1 до 3 лет²⁰, что объясняется тактикой многоканального распыления ресурсов на низовом уровне. Контроль за использованием денег производится за счёт необходимости грантополучателя подавать заявку на короткий срок.

Наиболее распространённые типы проектов — создание центров в виде НПО, поддержка активистов, организация образовательных мероприятий, медиакампаний и журналистских расследований по вопросам коррупции, выборов, прав мигрантов, гендерной тематики и ЛГБТ+. Например, в 2020 г. Фонд профинансировал в Германии «вовлечение инфлюэнсеров в борьбу с дезинформацией» при подготовке к федеральным выборам 2021 г. и создание консорциума польских НКО для защиты прав мигрантов. Широко практикуется финансирование независимых от местных институтов мониторинговых организаций (watchdog) с разным уровнем вмешательства. Например, в Грузии профинансированы мониторинг проектов в сфере инфраструктуры в стране с целью выявления ри-

¹⁵ Funding to universities by the Bill & Melinda Gates Foundation, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universityphilanthropy.com/bill-and-melinda-gates-foundation-funding> (accessed: 22.12.2021).

¹⁶ Бывший директор Программы по борьбе с малярией Всемирной организации здравоохранения, японский врач Арата Кочи ещё в 2008 г. заявил, что Фонд Гейтсов «никому не подотчётен, кроме самого себя» и «создал картель из лидеров в сфере исследований столь тесно связанных, что они лично заинтересованы в защите работы друг друга... в результате получить независимую оценку научных выводов становится всё сложнее». См. подробнее: *McNeil D.* Gates Foundation's Influence Criticized // *New York Times*. 2008. 16 February.

¹⁷ В целях ясности изложения мы используем данное название для многочисленных организационных вариаций, которые Фонд прошёл с 1984 года, когда начал активную международную деятельность, учредив Фонд Сороса в Будапеште совместно с Академией наук Венгрии.

¹⁸ Встречается точка зрения, согласно которой водораздел между старой и новой филантропией в США относится к 1970-м годам, когда фонды стали активно использоваться в качестве инструмента межпартийной борьбы для финансирования предвыборных кампаний, создания «фабрик мысли», пропаганды и в качестве места для трудоустройства политических соратников, лишившихся постов после выборов [Lofgren 2016]. В Германии в этот период только завершалось формирование основных политических фондов как международных игроков.

¹⁹ Модель взаимодействия Фонда с правительством США сформулировал заместитель госсекретаря США С. Тэлботт (1994–2001), заявивший, что «политика Сороса не идентична политике правительства США, но она с ней совместима, это как будто работать с независимым союзником — мы пытаемся синхронизировать наш подход с Германией, Францией, Великобританией — и Джорджем Соросом», который является «национальным ресурсом», так как «правительства больше не хотят делать то, что делали раньше». См. подробнее: *Bruck C.* The World according to George Soros // *The New Yorker*. 1995. January 23.

²⁰ Здесь и далее приводится информация из базы данных выданных грантов, опубликованной на официальном сайте фонда «Открытое общество».

сков коррупции и неисполнения стандартов ЕС, ведение базы данных политиков и их активов. В Польше Фонд финансирует организацию, изучающую отчётность местных органов власти с целью повышения их ответственности.

Встречается перекрёстное финансирование между фондами. Например, в 2020 г. фонд «Открытое общество» выдал специализирующемуся на экспертной работе Фонду Карнеги грант на изучение возможностей применения гражданскими активистами новых подходов к «противодействию цифровым стратегиям государственного контроля» с акцентом на стратегии цифрового слежения и отключения Интернета. Существует обширная литература о поддержке фондом «Открытое общество» оппозиции и протестных движений, участвующих в смене режимов [Sussman & Krader 2008]. Вместе с тем враждебность в отношениях с местными правительствами часто преувеличивается, так как Фонд предпочитает работать в тех странах, где правительства предоставляют ему свободу действий.

В 2021 г. было опубликовано масштабное исследование деятельности Фонда в 1999–2018 годах [Correa-Cabrera et al. 2021]. Результаты показали отсутствие серьёзных изменений международных показателей демократического управления, свободы выражения, подотчётности обществу госорганов, а также социального равенства в странах, где он активно работал. В то же время не обнаружено явной связи между присутствием в стране Фонда и числом протестных акций или численностью мигрантов. Исследователи соглашаются, что влияние филантропических фондов часто носит долгосрочный и неосознанный характер, трудно поддаётся измерению. Вместе с тем сделан вывод, что организация «пытается продвигать открытое общество в уже открытых обществах». Это заставляет исследователей предположить:

либо существуют неучтённые переменные, либо Фонд ставит своей целью вместо продвижения открытого общества «использовать свои средства для достижения конкретных политических или электоральных результатов по геополитическим или финансовым мотивам» [Correa-Cabrera et al. 2021: 2].

Обвинения в политизации филантропии часто звучат и в США, где фонды давно стали фактором внутривнутриполитической конкуренции. В частности, после избрания президентом США Д. Трампа группа сенаторов направила госсекретарю Р. Тиллерсону письмо с призывом провести расследование по вопросу использования Государственным департаментом и Агентством США по международному развитию (USAID) американских денег для «поддержки левых политических групп и навязывания левацкой политики суверенным нациям»²¹. Отдельно в письме отмечена деятельность фонда «Открытое общество», получающего гранты USAID. Эти средства, как утверждают авторы письма, используются для поддержки «экстремистов и использующих насилие активистов», при этом «правительство США работает на маргинализацию умеренных и консервативных политиков в руководстве зарубежных стран». Ведущий американский консервативный фонд «Наследие» опубликовал доклад в поддержку данного письма [Gonzalez 2017], но обращение не получило развития.

Избрание Трампа обнажило ценностный конфликт внутри американского общества, переплетающийся с межпартийной конкуренцией. Публичная конфронтация обострялась по мере приближения к президентским выборам 2020 года. В начале года Дж. Сорос, один из крупнейших спонсоров Демократической партии, выступая на Давосском форуме, назвал Трампа «аферистом», заявив, что американское и китайское руководства представляют «главную

²¹ GOP Senators Call on Sec. Tillerson to Investigate State Department and USAID, US Senate. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lee.senate.gov/2017/3/gop-senators-call-on-sec-tillerson-to-investigate-state-department-meddling> (accessed: 15.08.2021).

угрозу открытым обществам»²². На фоне пандемии и массовых протестов в США Трамп обвинил «демократов и Сороса» в финансировании протестов²³. В 2020 г. фонд «Открытое общество» заявил о выделении грантов на сумму 220 млн долл. на кампанию за расовое равенство, в том числе таким движениям, как «Голоса чёрных имеют значение», низовым инициативам по борьбе против «подавления голосующих на выборах и дезинформации»²⁴. В том же году Б. Гейтс назвал «опасным» решение Трампа приостановить финансирование Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на фоне критики организации республиканцами. Фонд Гейтсов – крупнейший после США донор ВОЗ до пандемии²⁵ – объявил о выделении организации дополнительных 150 млн долларов²⁶.

Международные организации, обладающие легитимностью и влиянием, но нуждающиеся в пожертвованиях, – предпочтительные партнёры и каналы влияния фондов. Один из приоритетов фонда «Открытое общество» – работа с наднациональными органами ЕС: здесь вновь расходятся позиции с Трампом и значительной частью республиканцев. Фонд поддерживает европейскую интеграцию, стремясь влиять на её содержание. Институт Европейской политики, созданный Фондом, ставит целью «информационное сопровождение и влияние на принятие решений по вопросам

законодательства, политики и распределения средств ЕС», с тем чтобы «ценности открытого общества были в центре деятельности ЕС»²⁷. Фонд Сороса финансировал создание Европейского совета по международным отношениям (ECFR) в 2006 г. с целью «продвигать принципы Фонда в политику и практику ЕС»²⁸. Он активно работает в странах, готовящихся к вступлению в интеграционное объединение, используя эту мотивацию как рычаг своего влияния. Например, Фонд действует на Балканах с декларируемой целью приближения стран региона к членству в ЕС: в Албании профинансировано создание сети молодых профессионалов, которая осуществляет мониторинг интеграционного процесса; в Северной Македонии финансируются проекты по переводу государственной службы и судебной системы на стандарты ЕС.

Иной пример отношений между правительствами и фондами демонстрирует Китай, где фонд «Открытое общество» был учреждён в 1986 г. и закрыт в 1989-м на фоне обвинений со стороны Пекина в связях со спецслужбами США²⁹. Позднее Сорос признал ошибочным решение открыть отделение Фонда, так как «Китай был не готов к этому – там не было независимой или диссидентской интеллигенции»³⁰. Данный вывод иллюстративен не только с точки зрения технологий работы Фонда через создание параллельных официаль-

²² *Thomas D. George Soros takes aim at 'authoritarian' Presidents Xi and Trump* // BBC News. 2020. January 24.

²³ *Trump on Fox News Pushes Conspiracy Theory That George Soros Is Funding Antifa* // Haaretz. 2020. August 6.

²⁴ *Dzhanova Y. George Soros foundation announces \$220 million investment in push for racial justice* // CNBC. 2020. July 13.

²⁵ *Voluntary contributions by fund and by contributor, 2018. World Health Organization. 2019. May 9.* [Электронный ресурс]. URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA72/A72_INF5-en.pdf (accessed: 18.10.2022).

²⁶ *Forgey Q. Bill Gates hikes coronavirus contribution after bashing Trump for defunding WHO* // Politico. 2020. April 16.

²⁷ *Open Society European Policy Institute.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/who-we-are/programs/open-society-european-policy-institute> (accessed: 15.06.2021).

²⁸ *Open Society History. Engagement with the European Union, 1999.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/who-we-are/our-history#1999-engagement-with-the-european-union> (accessed: 15.06.2021).

²⁹ *The Tiananmen Papers* / ed. by Andrew J. Nathan and Perry Link. Abacus, 2002. P. 450–451.

³⁰ *Yu M. Inside China: George Soros vs. China* // The Washington Times. 2016. January 28.

ным институтам структур влияния. Он также подтверждает приведённый выше тезис, что фонд «Открытое общество» может влиять на общественно-политическую жизнь в стране тогда, когда местная власть считает это целесообразным или неизбежным, предоставляя Фонду достаточную свободу действий.

С 2010-х годов на фоне ослабления глобального доминирования США участились конфликты фонда «Открытое общество» с национальными правительствами. После 2015 г. Фонд закрыл представительства в России, Венгрии, Пакистане и Турции. Власти Румынии, Польши и Македонии обвинили Фонд в поддержке миграции в Европу и формировании «обществ без идентичности»³¹. Президент Сербии А. Вучич обвинил «иностранные фонды и Фонд Рокфеллера в попытке свергнуть его правительство», заявив о поддержке ими оппозиционных политиков и экологических протестов в стране³².

Не всегда отношения фондов с властями целевых стран характеризуются неограниченной свободой или конфликтом. Например, Фонд Форда активно работал в Китае уже в 1970-х годах, формируя транснациональные экспертные сети для экономических реформ. Несмотря на критику внутри США за поддержку политики КНР³³, Фонд Форда продолжает принимать активное участие в разработке и ана-

лизе китайской системы содействия международному развитию, сотрудничая с государственными организациями КНР. Среди проектов Фонда в Китае — финансирование исследований и академических визитов с целью передачи странам глобального Юга опыта Китая в сфере сельского хозяйства; программы стажировок для китайских инвесторов; поддержка институтов, занимающихся изучением энергоперехода и сокращения использования угля в Китае; проведение полевых исследований для анализа результатов китайских инвестиционных проектов; разработка платформы для Китайского сельскохозяйственного университета по передаче опыта развития КНР странам Африки³⁴. В Пекинском университете Фонд финансирует изучение возможностей повышения потенциала банков развития.

В то же время Фонд Форда сотрудничает с американским Институтом Брукингса для «разработки рекомендаций по реагированию США на действия Китая, угрожающие американским интересам, и инструментов по влиянию на поведение КНР»³⁵. Фонд Форда выделил грант Фонду Карнеги за международный мир для «понимания источников растущего влияния Китая в странах глобального Юга и выработки рекомендаций»³⁶. Также он финансирует переводы китайских официальных документов для большего понимания намере-

³¹ *Saskis B. George Soros and the Demonization of Philanthropy // The Atlantic. 2017. December 5.*

³² Vučić: Ekonomija mora da nam bude dovoljno snažna i jaka da bismo očuvali mir i stabilnost! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pink.rs/politika/369623/predsednik-srbije-za-pink-o-aktuelnim-desavanjima-vucic-ekonomija-mora-da-nam-bude-dovoljno-snazna-i-jaka-da-bismo-ocuvati-mir-i-stabilnost> (accessed: 08.06.2021).

³³ *Rachmuth S. How The Ford Foundation Became an Instrument of Chinese Foreign Policy // The American Conservative. 2020. September 22.*

³⁴ На основе базы данных проектов Фонда Форда, опубликованной на официальном сайте.

³⁵ Фонд Форда с 2019 г. финансирует исследовательский проект Института Брукингса «Глобальный Китай». Однако в 2019 г. Фонд сформулировал цель гранта более мягко: «оценка рисков и возможностей подъёма Китая». Изменение формулировки цели гранта в 2021 г. может быть связано с общим изменением парадигмы восприятия в Вашингтоне Китая как «стратегического конкурента» вместо «потенциального ответственного партнёра», что заставило Фонд изменить фразеологию целеполагания. См. подробнее: Carnegie Foundation Grant Database. Grantee: Brookings Institution, 2019–2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fordfoundation.org/work/our-grants/grants-database/> (accessed: 31.08.2022).

³⁶ Carnegie Foundation Grant Database. Grantee: Carnegie Foundation for International Peace, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fordfoundation.org/work/our-grants/grants-database/> (accessed: 31.08.2022).

Таблица 2
Годовые расходы германских политических фондов, 2020, млн долл. США

Название фонда	Родственная партия	Расходы
Фонд Аденауэра	Христианско-демократический союз	195
Фонд Эберта	Социал-демократическая партия Германии	179
Фонд Науманна	Свободная демократическая партия	80
Фонд Люксембург	Левая партия	81
Фонд Бёлля	Союз 90/Зелёные	75
Фонд Зайделя	Христианско-социальный союз в Баварии	71

Источник: расчёты автора на основе годовых отчётов фондов³⁸.

ний и возможностей Пекина. Таким образом, Фонд занимает нишу одного из ключевых в США экспертов по Китаю, используя свою экспертизу «из первых рук» для участия в выработке американской политики на китайском направлении. Учитывая, что политика содействия международному развитию стала одним из важнейших инструментов глобальной конкуренции между США и Китаем, Фонд занимается актуальной для внешней политики Вашингтона темой.

В распоряжении германских политических фондов находятся значительно меньшие ресурсы. Общие субсидии федерального правительства ФРГ, направленные германским политическим фондам на цели содействия международному развитию (фактически, всю их международную деятельность) в 2020 году, составили 387 млн долл. США³⁷. Совокупный бюджет всех германских фондов на внутреннюю и зарубежную деятельность, а также административные расходы составляет около 670 млн евро в год (табл. 2) — примерно 50–70% от годовых расходов фонда «Открытое общество» и более чем в 5 раз меньше годового бюджета Фонда Гейтсов. При этом бюджеты крупнейших германских фондов — имени Аденауэра и Эберта — сопоставимы с крупными фондами США, реализующими общественно-политические

проекты, например фондами Рокфеллера, Карнеги, Макартуров и др.

В отличие от американских филантропических фондов, являющихся частными и подчиняющихся либо основному донору, либо узкой группе попечителей, германские фонды связаны с парламентскими политическими партиями и федеральным правительством. Несмотря на более скромные ресурсы, германские фонды обладают глобальной сетью представительств: более 300 офисов в 100 странах мира³⁹. Один только Фонд Аденауэра поддерживает офисы в 80 странах и реализует программы в 120 странах. При этом фонды полностью зависимы от государственного финансирования — более 90% средств выделяется по линии Федерального министерства экономического сотрудничества и развития, также субсидии поступают по линии МИД ФРГ [Adick, Giesemann 2015: 11].

Германские фонды имеют двойственную природу. На правовом, идеологическом и кадровом уровнях каждый фонд аффилирован с соответствующей парламентской партией. Многие исследователи рассматривают фонды как «неотъемлемую часть внешней политики Германии» [Mohr 2010]. Вместе с тем они формально считаются независимыми организациями, обладают автономией от органов государственной власти и чёткой внешнеполитической

³⁷ OECD Development Co-operation Peer Reviews: Germany 2021. OECD, 2021.

³⁸ Данные официальных веб-сайтов фондов. Указаны общие суммы финансирования, включающие административные расходы, национальные и зарубежные проекты фондов. Отчёты опубликованы на официальных сайтах фондов.

³⁹ Hartert-Mojdehi S. German political foundations under observation // DW. 2012. March 30.

идентичностью, обусловленной связью с материнской партией. Официальный Берлин старается сохранять комфортную дистанцию в отношении чувствительных⁴⁰ проектов фондов, вызывающих недовольство правительств зарубежных стран. В частности, за последнее десятилетие турецкое правительство неоднократно обвиняло германские фонды в спонсировании запрещённой Курдской рабочей партии — фонды опровергали обвинения при невмешательстве официального Берлина⁴¹. При этом МИД Германии может публично выступать против изгнания фондов из стран пребывания, как, например, Фонда Аденауэра из Египта или ОАЭ⁴².

Влияние материнской партии и нескольких министерств на выбор приоритетов фондов создаёт гибкую систему управления без явного директивного контроля. Как показывает С.В. Погорельская на примерах Испании и Португалии, фонды одновременно действовали в государственных интересах, интересах своих партий и своих собственных, способствуя демократическому транзиту в этих странах [Погорельская 2014].

Приоритеты германских фондов зафиксированы в совместной декларации: политическое образование, исследования и консультирование госорганов, образовательные программы и стипендии для молодёжи, поддержка искусства и культуры, поддержка европейского объединения, помощь развитию с целью установления

демократических, либеральных и конституционных структур, приверженных правам человека и гражданским правам⁴³. При этом у фондов разная специализация в зависимости от идеологии партий.

Несмотря на формальную самостоятельность, фонды работают в постоянном тесном контакте с официальными структурами ФРГ, в том числе с посольствами в целевых странах [Adick, Giesemann 2015], выполняя задачи организаторов и посредников при решении политических и гуманитарных задач. С правительствами, рассматриваемыми в Берлине как авторитарные, связи выстраиваются по следующей схеме: улучшение имиджа авторитарных правительств на Западе в обмен на доступ к обществу целевой страны и создание инфраструктуры влияния. Например, германские фонды Аденауэра и Эберта, начав создавать в Тунисе в конце 1980-х годов площадки для диалога, де-факто оказывали содействие режиму Бен Али в проведении фасадной либерализации. Вместе с тем в долгосрочном плане их деятельность привела к размыванию основ авторитарного режима, в частности, были созданы «смычки» и доверительные отношения между чиновниками и гражданскими активистами [Marzo 2019]. Схожая логика проявилась в 2014–2020 годах в Беларуси, когда встречи руководства фондов Аденауэра⁴⁴ и Эберта при участии немецких дипломатов⁴⁵ с представителями МИД страны стали отправной точкой для организации серии

⁴⁰ Глава офиса Фонда Аденауэра в Исламабаде отмечает, что фонды работают в «очень чувствительной» сфере: «Как бы мы чувствовали себя, если бы иностранные фонды давали советы нашему парламенту? Мы бы тоже задавали вопросы». См. подробнее: *Hartert-Mojdehi S. German political foundations under observation* // DW. 2012. March 30.

⁴¹ *Fucks R. Germany turns a blind eye to pressures on civil Kurdish opposition* // Hurriyet. 2011. November 30.

⁴² *Hartert-Mojdehi S. German political foundations under observation* // DW. 2012. March 30.

⁴³ Joint Declaration on the State Financing of Political Foundations, KAS. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kas.de/en/joint-declaration-on-the-state-financing-of-political-foundations> (accessed: 06.06.2021).

⁴⁴ О встрече Министра иностранных дел Беларуси В. Макея с председателем Фонда им. Конрада Аденауэра // Официальный сайт МИД Белоруссии. [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/e12821b40e597043.html (accessed: 06.05.2021).

⁴⁵ О встрече Министра иностранных дел В. Макея с Ш. Мойзером и П. Деттмаром // Официальный сайт МИД Белоруссии. [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/cd59c0f0f30d121f.html (accessed: 06.05.2021).

конференций и форумов «второго трека» с участием официальных лиц, а также визитов белорусских делегаций в ЕС⁴⁶. Данные фонды поддерживали мероприятия⁴⁷, организации и журналы, публиковавшие статьи с обоснованием необходимости нейтралитета Белоруссии⁴⁸.

Традиционный и основной функционал германских политических фондов — образовательная деятельность — значительно дешевле, чем инвестиции в развитие социальной инфраструктуры в зарубежных странах, и позволяет адресно работать с зарубежными политическими элитами. При этом ярко проявляется функция фондов как «экспортёров» ценностей и германских институтов за рубеж⁴⁹. Германские фонды принимают активное участие в подготовке стран к членству в ЕС. Например, политические фонды ФРГ выделяют гранты на межпартийный диалог в целевых странах с привлечением европейских экспертов и партий, направленный на формирование межпартийного консенсуса, который предшествует принятию страны в интеграционное объединение. Они также выступают посредниками при организации взаимодействия между правительством целевой страны и ФРГ [Dakowska 2005]. В 1970-х годах фонды активно работали в странах Иберийского полуострова, способствуя демократизации с ориентацией на германскую модель. После распада СССР центр тяжести этой деятельности был перенесён в Восточную Европу и СНГ. Например, фонды активно работали в Польше в ходе формирования новых и ребрендинга посткоммунистических партий с последующим включением их в европейскую

партийную семью. Фонды продолжают работу в стране и после завершения интеграции в ЕС, гибко реагируя на внешнеполитический курс ФРГ. В частности, после «кризиса еврозоны» 2010 г. фонды расширили присутствие в Южной Европе, прежде всего в Греции, продвигая германские подходы к урегулированию кризиса и охватив своими проектами ключевые политические силы [Погорельская 2014].

Германские фонды, работающие в одном регионе или стране, могут договариваться о своеобразном разделении труда. Например, в Центральной Азии Фонд Аденауэра активно занимается поддержкой общественных групп и организаций с целью установления прочных связей между ними и создания коалиций. Фонд Эберта уделяет внимание выстраиванию диалога между обществом и властью, создавая каналы продвижения повестки НПО на уровень правительств [Pierobon 2017].

Не имея права прямо вмешиваться в электоральные процессы, фонды могут оказывать финансовую поддержку партнёрским НПО, мозговым центрам и экспертам, имеющим связи с местными партиями, тем самым усиливая потенциал последних. Фонды инвестируют ресурсы в работу с молодёжным крылом партий в целевой стране, организуют образовательные мероприятия для сотрудников партий, например в сфере работы со СМИ и связей с общественностью, электоральных кампаний, опыта государственного управления в ФРГ, программ обучения лидерству, образовательных визитов в Германию. Образовательные и лидерские программы — один из наиболее мощных «инстру-

⁴⁶ О рабочем визите делегации Беларуси в г. Брюссель // Официальный сайт МИД Белоруссии. [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/print/press/news_mfa/c778566e23408684.html (accessed: 06.05.2021).

⁴⁷ Об участии заместителя Министра иностранных дел Беларуси О. Кравченко в мероприятии по вопросам нейтралитета // Официальный сайт МИД Белоруссии. [Электронный ресурс]. URL: https://mfa.gov.by/press/news_mfa/f29d8b4f1b7b2ce4.html (accessed: 06.05.2021).

⁴⁸ См., например: Мельянов Д. Ситуационный нейтралитет: попытка концептуализации // Минский диалог. Комментарий №37. 2019. 11 декабря; Мацкевич П. Беларусь лучше всего подходит нейтралитет // IPG Journal. 2021. 9 декабря.

⁴⁹ Sieker M. The role of the German political foundations in international relations: transnational actors in public diplomacy // PhD thesis. University of Nottingham, 2016.

ментов влияния, так как позволяет определять идеологическую и программную идентичность политических партий» [Loaeza 2007: 55]. Дискуссионные мероприятия также могут использоваться для убеждения целевой аудитории за счёт подбора тем, модераторов и участников.

Благодаря глубокому проникновению в различные сегменты общественно-политической сферы фонды становятся важным источником политической информации. Они привлекают к сотрудничеству местных экспертов, что позволяет, оставаясь в правовом поле, получать экспертные оценки по темам, актуальным для фондов и германской внешней политики. В то же время создание и поддержка экспертных сетей в зарубежных странах позволяет в рамках обмена опытом продвигать германские институты за рубеж. Из свежих примеров можно привести реформы законодательства КНР в сфере конкуренции и среднего специального образования с внедрением ряда норм германского права. Представитель Фонда Аденауэра заявил, что в процессе этой работы проводились консультации с германскими экспертами, и Китай «скопировал многое из германского законодательства»⁵⁰.

Неформальный характер множества мероприятий позволяет фондам накапливать обширную информацию о ситуации в стране пребывания, которая доступна для профильных ведомств ФРГ. Тем самым фонды, выполняя параллельные официальной дипломатии функции, играют роль «второго посольства» в стране пребывания. Каждый из фондов работает с идеологически близкими ему партиями и целевыми группами за рубежом, что в итоге даёт возможность охватить практически весь политический спектр, включая оппозицию [Dakowska 2005].

Между федеральным министерством экономического сотрудничества и развития и фондами созданы механизмы регулярных консультаций и обмена информацией

в рамках реализации политики содействия международному развитию⁵¹, которая продиктована не только политической, но и экономической логикой. Как показало исследование за период 1978–2011 годов, помощь развитию оказывает «существенное положительное влияние на немецкий экспорт» [Martínez-Zarzoso et al. 2016]. На каждый доллар США германской помощи развитию в среднем приходится рост экспорта немецких товаров в объёме 0,83 долл. США, наиболее выигрывают отрасли с высокой добавленной стоимостью — машиностроение, производство электрического и транспортного оборудования. По оценкам исследователей, расширение экспорта за счёт политики помощи развитию дополнительно обеспечивает около 216 тыс. рабочих мест на предприятиях ФРГ. Заметна секьюритизация помощи ФРГ: она выступает как форма компенсации неучастия немецких военных в операциях США, а также направляется в те горячие точки, где есть немецкие военные [Тоганова 2018]. Факт того, что фонды выступают «советчиками» правительства ФРГ в данной сфере, увеличивает их возможности влияния в целевых странах.

Фонды в США и ФРГ: общее и особенное

Переходя к обсуждению различий в подходах американских и германских фондов, подведём итог анализа их истории и современной деятельности. В табл. 3 приведены ключевые функции фондов США и ФРГ, которые определяют основную часть их общественно-политической деятельности. По сути это своеобразная функциональная матрица деятельности любого крупного западного фонда. При этом схемы распределения ресурсов фондов между указанными направлениями, равно как и их содержательное наполнение, существенно различаются, обуславливая особенности фондов.

Одна из ключевых общих черт фондов США и ФРГ — они позиционируются как

⁵⁰ Hancock T. A Roadmap for China's Crackdowns Can Be Found in Germany // Bloomberg. 2021. August 17.

⁵¹ OECD Development Co-operation Peer Reviews: Germany 2021. OECD, 2021.

Таблица 3
Основные функции фондов в общественно-политической сфере

Функция	Описание
Организационная	Создание и мобилизация организаций, коалиций и движений, усиление или маргинализация отдельных сил и нарративов. Организация сетей и посредничество между государственными, политическими, общественными, коммерческими и экспертными организациями.
Информационная	Продвижение своей повестки и ценностей в общество и органы государственной власти за счёт создания и поддержки СМИ, экспертных сетей, проведения мероприятий, информационных кампаний, лоббизма и адвокати́рования.
Нормативная	Продвижение норм и стандартов, программ реформ, модельных законов, оказание или содействие в получении правительствами зарубежных стран экономической и гуманитарной помощи в связи с реформами и «импортом» институтов.
Образовательная	Социализация, продвижение ценностей, стандартов и норм поведения в общество целевой страны через образовательные программы и визиты, стажировки, семинары. Отбор и карьерное продвижение кадров через клубные структуры, отраслевые объединения и сети, гранты, конкурсы и награды.
Экспертная	Поддержка экспертных сетей, научных центров, исследований и изданий. Консультирование госорганов и международных организаций, создание баз данных лиц и организаций для сотрудничества, получение информации от сети источников в целевой стране, подготовка экспертных докладов.

Источник: составлено автором.

ведущие интерпретаторы и проводники западных (либеральных) демократических ценностей, декларируемых государствами их происхождения. Методы могут различаться: германские фонды в большей степени концентрируются на образовательной, нормативной и экспертной деятельности. Организационная и информационная функции более акцентированы в работе фондов США.

В процессе реализации данных функций происходит развитие не гражданского общества как такового, а отдельных организаций, групп, нарративов или тенденций в общественно-политической сфере. При этом сетевые (горизонтальные) связи и отношения в общественной сфере вовсе не отрицают иерархию, но могут усиливать существующие иерархические отношения или создавать новые. В силу неравномерного распределения ресурсов пространство транснациональных экспертных сетей характеризуется значительной эксклюзивностью — оно более доступно для «богатых, вестернизированных профессионалов и их агентств» [Stone 2010]. В этом пространстве разворачивается острая конкуренция за гранты, патронаж, медийное или политиче-

ское признание. Фонды, как крупные иерархические структуры, помогают отобраным грантополучателям продвигаться ближе к центру этой многослойной сети, обеспечивая ресурсами и доступом к площадкам в обмен на кооптацию в систему своих приоритетов. При этом государство перестаёт быть единственным организующим политическим центром в стране: альтернативные центры возникают вокруг фондов.

Транснациональные экспертные сети, ставшие неотъемлемым элементом современных международных отношений и дипломатии, выходят далеко за рамки спонсируемых фондами проектов. В некоторых сферах, как было показано выше, филантропические организации претендуют на роль лидеров или монополистов в определении повестки дня и картины мира. В отношении деятельности фондов возникает «дилемма, до какой степени высоко иерархичные организмы могут легитимно существовать в открытом гетерогенном обществе» [Strachwitz 2015: 826]. Это обоснованный вопрос, так как фонды значительно крупнее и лучше обеспечены ресурсами — не только относительно НПО, но и многих международных организаций, обладающих

легитимным статусом, но принимающих пожертвования из частных источников. В результате размывается грань между экспертными сообществами, основанными на принципах плюрализма и научного поиска, и сетями адвокатирувания, созданными для продвижения определённых установок и ценностей, не исключающими применения механизмов группового давления и конформизма⁵².

Фонды реализуют свои функции за счёт ряда механизмов, в том числе использования групповой динамики. Отбор и организация регулярного взаимодействия между участниками экспертных дискуссионных площадок, а также контроль обратной связи в рамках возникающих групп усиливают общность взглядов и экспертных оценок. Регулярное взаимодействие в рамках возникающих экспертных сетей, которые на практике становятся больше похожи на социальные группы со сложившимися ценностями, убеждениями и установками, с внешними аудиториями обеспечивает легитимацию и распространение повестки дня фондов. Данный механизм может быть использован для продвижения различного содержания. Как правило, фонды концентрируются на обсуждении и поиске решений проблем в сфере прав человека и политического участия, гендера и идентичности, международных отношений и конфликтов, образования, экономики, экологии, здравоохранения. Степень объективности, сбалансированности или манипулятивности поставленных проблем и продвигаемых решений зависит от целей организаторов, глубины и техники контроля с их стороны над формированием групп.

Как правило, речь идёт о переносе в другие страны политик, институтов, идеологий, установок, идей и учёта негативного опыта. Данная передача может быть как принудительной, так и добровольной, но

грань между этими понятиями иногда размывается. К примеру, исследователи используют, помимо нейтрального термина «диффузия норм», также «принудительный конформизм» через проникновение в страну международных политических акторов [Bennett 1991].

Германские фонды в отличие от американских формально связаны с партиями и государством, обеспечивающим финансирование, и теснее координируются с официальной политикой ФРГ. Выше было отмечено глобальное присутствие американских и германских фондов, однако добиваются они этого по-разному. Например, в Фонде Гейтсов в 2021 г. официально числилось 1600 сотрудников, как и в Фонде Аденауэра, хотя бюджет последнего в десятки раз меньше. При этом у Фонда Гейтсов сегодня в мире открыто 9 офисов, у Фонда Рокфеллера — 5 офисов, тогда как у Фонда Аденауэра — 80. Огрубляя, германские фонды спроектированы по образцу министерства иностранных дел, тогда как типичный американский фонд — по принципу бизнес-корпорации (исключение — фонд «Открытое общество», имеющий отделения в 37 странах мира). Представители ФРГ хотят присутствовать на местах, завязывать контакты и осуществлять непрерывный мониторинг, американцы ориентированы на проектный подход, создание НПО или партнёрств под конкретную задачу с претензией на международную легитимность, нередко с выгодой для своего крупного бизнеса.

Германские фонды нацелены на более долгосрочную работу, в американской филантропии преобладает стремление быстро показать результат и «посчитать эффективность» (пусть формально) в каждом конкретном случае вмешательства. Германские фонды, исходя из своего опыта работы в ФРГ, как правило, ориентированы не на

⁵² Бывшая сотрудница фонда «Открытое общество» отмечает, что организация стремится «дать понятийный аппарат, нормативные парадигмы и эмпирические примеры, которые затем принимают [объектом] в качестве предпосылок для выработки политики... Фонд субсидирует различных экспертов и интеллектуалов, чтобы они снабжали информацией профессиональные и бюрократические аудитории» [Stone 2010: 281].

слом системы, а на её постепенную трансформацию согласно своим интересам и ценностям через социализацию элит и экспорт германских институтов. Речь идёт о методах непрямого контроля и мягкого влияния.

Филантропические фонды США часто сосредоточены на организации и поддержке «прямого действия», активизма; созданию институтов нередко предпочитают выращивание и мобилизацию групп для давления на общественные и государственные институты, в том числе посредством медиаструктур [Loaeza 2007: 55–56]. Германские фонды, в силу своих целей, опыта и ограниченности ресурсов, сосредоточены на работе с элитами, тогда как американские фонды охватывают не только эли-

ты, но и более широкие слои, способные к протесту и поддержке альтернативного центра власти в стране. Организация и поддержка протестных движений – распространённая практика многих фондов США. Германские фонды, как правило, действуют осторожнее, стремясь выстраивать эшелонированное присутствие в целевой стране, начиная с научных и образовательных организаций. Основные различия между филантропическими фондами США и политическими фондами ФРГ обобщены в табл. 4.

Как для американских, так и для германских фондов характерны тесные кадровые связи с органами власти. В германских фондах, близко стоящих к политическим партиям, руководители, как правило, име-

Таблица 4
Основные различия политических фондов Германии и США

США	Германия
Цели	
Поддержка гегемонии США, «демократизация», контроль внешних рынков	Демократизация, укрепление и расширение европейской интеграции
Основной источник финансирования	
Частный капитал и частно-государственные партнёрства	Государственный бюджет
Роль в обществе страны происхождения	
Влияние на общественные процессы, образовательную и идеологическую сферы	Укрепление партийной системы и общественного диалога
Отношения с государством происхождения	
Высокая автономия от государства на оперативном уровне. Во внешней политике координация с госорганами и тесные кадровые связи, возможности надзора со стороны Конгресса	Средняя степень автономии от государства на оперативном уровне. Во внешней политике работа в интересах германских партий и госорганов, подотчётность и консультирование правительства
Модель работы с обществом зарубежной страны	
Грантовое вовлечение и формирование лояльных групп, в том числе радикального типа; готовность к односторонним проектам без выбора партнёра за рубежом; создание и поддержка международных организаций и локальных НПО и СМИ в своих интересах; допускается конфронтация с правительством целевой страны	Грантовое вовлечение и выстраивание связей с разными группами в общественно-политической сфере для укрепления проевропейских и прогерманских сил; стремление выступать политическим посредником в целевой стране; поиск партнёров за рубежом для реализации совместных проектов; стремление избежать прямой конфронтации с правительством целевой страны
Приоритетные целевые группы	
Молодёжь, журналисты и блогеры, малый бизнес, протестные и ущемлённые в правах группы, меньшинства, эксперты и политики, не включённые в институты группы	Политические партии и институты, вузы и научные центры, молодёжь, студенчество, учёные, проевропейские организации

Источник: составлено автором.

ют большой опыт работы на высоких должностях в парламенте и правительстве: Фонд Аденауэра сегодня возглавляет Н. Ламмерт, член ХДС, председатель Бундестага (2005–2017), работой Фонда Эберта руководит М. Шульц, член СДПГ, председатель Европарламента (2012–2017). В США динамика кадрового обмена на руководящих позициях между фондами и правительством ещё выше, что давно создало фондам имидж «теневых кабинетов министров» [Halberstam 1973: 377] или кадрового резерва «глубинного государства» [Lofgren 2016: 10]. Принцип «вращающихся дверей» активно реализуется при участии фондов. В частности, глава Фонда Рокфеллера Р. Шах в 2001–2009 годах работал на руководящих постах в Фонде Гейтсов, затем занимал пост министра сельского хозяйства США, а в 2010–2015 годах возглавлял USAID. Дипломат У. Бернс после ухода с поста первого заместителя госсекретаря США возглавил Фонд Карнеги (2015–2021), а затем был назначен директором ЦРУ⁵³.

* * *

Западные политические фонды, действующие на международной арене, не являются принципиально новым феноменом в международных отношениях. Ранее также существовали трансграничные организации, оказывавшие идеологическое и политическое влияние. Вместе с тем сегодня фонды стали неотъемлемыми элементами внешней политики ряда западных стран, главным образом США и Германии. Фактически фонды обеспечивают глобальную инфраструктуру гуманитарного влияния в интересах части политических элит западных стран.

Системную роль во внешней политике фонды играют благодаря тому, что дополняют официальную дипломатию, выполняя функции, которые сложно реализуемы правительствами. Они способствуют экс-

порту ценностей, институтов, норм, технологий и товаров транснациональных корпораций и интеллектуальных центров Запада. За счёт дистанцирования от официальной дипломатии и формально-юридической автономии (фактически программы крупнейших фондов часто согласуются с интересами государства происхождения) фонды получают широкое пространство манёвра, проникая в общество целевой страны и оказывая влияние на чувствительные сферы – образование, внутреннюю политику, экспертное сообщество и медиа.

Традиционная дипломатия часто лишена таких возможностей из-за официальных ограничений и недостатка свободных ресурсов, чем обусловлено активное сотрудничество внешнеполитических служб с фондами своих стран. Дистанция между правительством страны происхождения и фондом позволяет последнему работать за рубежом с разными сегментами элит и оппозиционными группами, реализовывать проекты в кризисных регионах, действовать в странах с ограниченным дипломатическим присутствием, создавая сети контактов, группы давления и каналы сбора информации. Это придаёт глубину и гибкость внешней политике, формируя множество связей и точек воздействия на общество и власть целевой страны изнутри. При этом государство происхождения сохраняет за собой возможность официально дистанцироваться от фонда, минимизировав возможные негативные дипломатические последствия. В этой связи научная новизна проведённого анализа заключается в выводе о необходимости рассмотрения «мягкой силы» и процессов гуманитарного влияния в целом в современных международных отношениях не только как естественных процессов влияния или культурного притяжения, но также как целенаправленно организованных

⁵³ Почти 50 лет назад Б. Уитакер писал: «... [степень] пересечения между правительством США (особенно внешнеполитическими службами) и персоналом фондов удивительна... что приводит к дублированию функций... практически полной идентичности точек зрения фондов и действующего правительства» [Whitaker 1974: 97–100].

процессов, в которых фонды выступают операторами и ресурсными центрами.

Филантропические фонды, ведущие активную общественно-политическую деятельность за рубежом, могут рассматриваться как один из ключевых элементов внешней политики и гегемонии США⁵⁴. По мере размывания доминирующего положения США и усиления конкуренции между ведущими державами за лидерство роль западных политических фондов в мировой политике может измениться или сократиться. Формы обеспечения гегемонии США могут видоизменяться и отмирать по мере изменения баланса сил в мировой политике, подобно ослаблению асимметричных альянсов США [Истомин, Байков 2020].

В условиях обострения борьбы за сферы влияния в современном мире связка западных фондов с внешней политикой своих государств проявляется всё ярче, не позволяя им сохранять видимость независимых акторов, что видно по поддержке крупнейшими фондами политики стран Запада в конфронтации с Россией и Китаем. Вместе с тем внешнеполитические и международные функции, выполняемые фондами, не исчезнут в обозримом будущем,

так как связаны с социальной и медиа-структурами, технологической и экономической базой современных государств. Инструменты и методы политических фондов сегодня активно используют множество государств, включая западные страны: например, китайский институт Конфуция [Luqiu & McCarthy 2019], турецкий институт Ю. Эмре и госфонд «Маариф» [Çevik 2019].

Опыт политических фондов заслуживает внимательного анализа с точки зрения применения во внутренней и внешней политике России. Речь не идёт о копировании организационно-правовых форм и политических подходов. Скорее, целесообразно использовать отдельные механизмы, анализируя зарубежный опыт, типовые ошибки и успешные практики. Это актуально в условиях нарастания международной конкуренции и необходимости развития отечественных институтов по работе с обществом, поддержке науки, образования и просвещения. Важно при этом не допустить отчуждения и укреплять гуманитарные связи с соседними странами, вовлечёнными в региональную интеграцию, в том числе в рамках евразийского интеграционного проекта России.

Список литературы

- Байков А., Винью А. Почему государства заимствуют экологические нормы: опыт России // Международные процессы. 2019. № 4. С. 137–153.
- Бек У. Власть и её оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
- Большова Н.Н. Государственная политика в области высшего образования и науки как инструмент мягкой силы (Опыт Германии) // Вестник МГИМО. 2014. № 2. С. 71–80.
- Истомин И.А., Байков А.А. Альянсы на службе гегемонии: деконструкция инструментария военно-политического доминирования // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 8–25.
- Ланьшина Т.А. Мягкая сила Германии: культура, образование, наука // Вестник международных организаций. 2014. № 2. С. 28–57.
- Международный трибунал по бывшей Югославии: Деятельность, результаты, эффективность. Материалы Международной научной конференции (Москва, 22–23 апреля 2009 г.) / Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2012. 544 с.
- Михайленко Е.Б. От политики убеждения к дипломатии. Уроки международной кампании по запрещению ядерного оружия // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 1(68). С. 55–79.

⁵⁴ Понятие «гегемония» употребляется в данном случае согласно подходу Т.А. Шаклеиной как стремление государства достичь мирового главенства без согласия ведущих мировых держав при помощи инструментов диктата и подавления несогласных, в отличие от лидерства, которое требует легитимации [Шаклейна 2015].

- Огнева А.В. Политические фонды ФРГ и их вклад в развитие международного диалога // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. №4. С. 113–118.
- Писарев И.И. Политика групп интересов в Европейском Союзе в сфере высшего образования. [Текст]: дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04: защищена 29.03.2022. М.: МГИМО, 2022. 235 с.
- Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике Федеративной Республики Германия. М.: Наука, 2009. 215 с.
- Погорельская С.В. Деятельность германских политических фондов в средиземноморских странах ЕС в период кризиса еврозоны (на примере Греции) // Актуальные проблемы Европы. 2014. №2. С. 56–75.
- Сутырин В.В. Гуманитарное влияние во внешней политике: ресурсы, каналы, инфраструктуры // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 5–20.
- Тоганова Н.В. Экономика и безопасность как мотивы помощи развитию: пример Германии // Международные процессы. 2018. № 3. С. 39–55.
- Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. № 4. С. 6–19.
- Adick C., Gieseemann M. Relevance of German Political Foundations for Comparative Educational Research // Journal of Education and Research. 2015. Vol. 5. P. 7–24.
- Aksartova S. Promoting Civil Society or Diffusing NGOs // Globalization, Philanthropy, and Civil Society / Ed. by Heydemann S., Hemmack D. Bloomington: Indiana University Press, 2009. P. 160–191.
- American Foundations and the Coproduction of World Order in the Twentieth Century / Ed. by Krige J., Rausch H. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. 301 p.
- Anheier H. Philanthropic Foundations in Cross-National Perspective: A Comparative Approach // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62. P. 1591–1602.
- Anheier H., Toepler S. The Routledge Companion to Nonprofit Management. London: Routledge, 2020. 560 p.
- Anheier H. Performance Measurement in Philanthropic Foundations: The Ambiguity of Success and Failure. London: Routledge, 2018. 216 p.
- Anheier H., Leat D. Philanthropic Foundations: What Rationales? Social Research. 2013. Vol. 80. P. 449–472.
- Bennett C. What is policy convergence and what causes it? // British Journal of Political Science. 1991. Vol. 21. P. 215–233.
- Berman E. The Influence of the Carnegie, Ford, and Rockefeller Foundations on American Foreign Policy: The Ideology of Philanthropy. New York: Suny Press, 1983. 238 p.
- Boesso G., Cerbioni F., Kumar K. What Drives Good Philanthropy? The Relationship Between Governance and Strategy in Foundations // Mechanisms, Roles and Consequences of Governance: Emerging Issues / Ed. by In G.Luca, A.Hinna, F.Monteduro. Emerald Group Publishing, 2014. P. 159–180.
- Brown R. Alternatives to soft power: Influence in French and German external cultural action // The Routledge Handbook of Soft Power / Ed. by N. Chitty, L. Ji, G. Rawnsley, C. Hayden. London: Routledge, 2020. P. 37–47.
- Burns R. New Frontiers of Philanthro-capitalism: Digital Technologies and Humanitarianism // Antipode. 2019. Vol. 51. P. 1101–1122.
- Çevik S. Reassessing Turkey's Soft Power: The Rules of Attraction // Alternatives: Global, Local, Political. 2019. Vol. 44. P. 50–71.
- Correa-Cabrera G., Núñez L., Hayden L. Assessing the International Influence of Private Philanthropy: The Case of Open Society Foundations // Global Studies Quarterly. 202. Vol. 1. P. 1–14.
- Cummings B. Biting the Hand That Feeds You: Why the "Intelligence Function" of American Foundation Support for Area Studies Remains Hidden in Plain Sight // Global Society. 2014. Vol. 28. P. 70–89.
- Cunningham H. The multi-layered history of Western philanthropy // The Routledge Companion to Philanthropy / Ed. by T. Jung, S. Phillips, J. Harrow. London: Routledge, 2016. P. 42–55.
- Dakowska D. German Political Foundations: Transnational party go-betweens in the process of EU enlargement // Transnational European Union. Routledge, 2005. P. 150–169.
- Gonzalez M. State Department and Congress Should Probe USAID, Soros Promotion of Radical Agenda Overseas // The Heritage Foundation Issue Brief. 2017. No. 4671.
- Grincheva N., Kelley R. Introduction: Non-state Diplomacy from Non-Western Perspectives // The Hague Journal of Diplomacy. 2019. Vol. 14. P. 199–208.
- Halberstam D. The Best and the Brightest. New York: Fawcett-Crest, 1973. 720 p.
- Jung T., Harrow J. New development: philanthropy in networked governance—treading with care // Public Money & Management. 2015. Vol. 35. P. 47–52.
- Jung T., Harrow J. Providing Foundations: Philanthropy, Global Policy, and Administration // The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration / Ed. by Stone D., Moloney K. Oxford University Press, 2019. P. 619–637.

- Katzenstein P.* Policy and Politics in West Germany. The growth of a Semi-Sovereign State. Philadelphia: Temple University Press, 1978. 434 p.
- Krige J.* American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe. Cambridge: MIT Press, 2006. 384 p.
- Lambin R., Surrender R.* The rise of big philanthropy in global social policy: Implications for policy transfer and analysis // *Journal of Social Policy*. 2021. P. 1–18.
- Legitimacy of Philanthropic Foundations: United States and European Perspectives / Ed. by Prewitt K., Mattei D., Heydemann S., Toepler S. New York: Russell Sage Foundation, 2006. 312 p.
- Lipman P.* Capitalizing on crisis: venture philanthropy's colonial project to remake urban education // *Critical Studies in Education*. 2015. Vol. 56. P. 241–258.
- Loaeza S.* The political dimension of Germany's unintentional power: The KAS and Mexican democratization // *Non-state actors in international relations: The case of Germany* / Ed. by A.-M. Le Gloannec. Manchester University Press, 2007. P. 46–69.
- Lofgren M.* The Deep State. The Fall of the Constitution and the Rise of a Shadow Government. New York: Viking, 2016. 336 p.
- Luqiu L., McCarthy J.* Confucius Institutes: The Successful Stealth "Soft Power" Penetration of American Universities // *The Journal of Higher Education*. 2019. Vol. 90. P. 620–643.
- Martinez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Klasen S., Johannsen F.* Does German Development Aid boost German Exports and German Employment? A Sectoral Level Analysis // *Journal of Economics and Statistics*. 2016. Vol. 236. P. 71–94.
- Marzo P.* Supporting political debate while building patterns of trust: the role of the German political foundations in Tunisia (1989–2017) // *Middle Eastern Studies*. 2019. Vol. 55. P. 621–637.
- Mohr A.* The German Political Foundations as Actors in Democracy Assistance. Universal-Publishers, 2010. 442 p.
- Moran M.* Private Foundations and Development Partnerships: American Philanthropy and Global Development Agendas. London: Routledge, 2014. 200 p.
- Nielsen W.* The Big Foundations. New York, 1972. 475 p.
- Parmar I.* American foundations and the development of international knowledge networks // *Global Networks*. 2002. Vol. 2. P. 13–30.
- Parmar I.* American Power and Philanthropic Warfare: From the War to End All Wars to the Democratic Peace // *Global Society*. 2014. Vol. 28. P. 54–69.
- Parmar I., Rietzler K.* American Philanthropy and the Hard, Smart and Soft Power of the United States // *Global Society*. 2014. Vol. 28. P. 3–7.
- Parmar I.* Foundations of the American Century: The Ford, Carnegie, and Rockefeller Foundations in the Rise of American Power. New York: Columbia University Press, 2012. 368 p.
- Pierobon C.* German Political Foundations in Central Asia: Promoting Democracy through Civil Society // *European Journal of Social Sciences Education and Research*. 2017. Vol. 4. P. 80–86.
- Roelofs J.* How Foundations Exercise Power // *American Journal of Economics and Sociology*. 2015. Vol. 74. P. 654–675.
- Roelofs J.* Foundations and Public Policy: The Mask of Pluralism. State University of New York Press, 2003. 284 p.
- Shi Y.* Charitable Foundations and American Diplomacy // *IEESASM*. London: Francis Academic Press, 2020. P. 449–452.
- Stone D.* Knowledge Actors and Transnational Governance: The Private-Public Policy Nexus in the Global Agora. London: Palgrave Macmillan, 2013. 240 p.
- Stone D.* Private philanthropy or policy transfer? The transnational norms of the Open Society Institute // *Policy & Politics*. 2010. Vol. 38. P. 269–287.
- Strachwitz R.* The Role of Foundations in Public Debates in Germany // *American Journal of Economics and Sociology*. 2015. Vol. 74. P. 826–852.
- Sussman G., Krader S.* Template Revolutions: Marketing U.S. Regime Change in Eastern Europe. Westminster Papers in Communication and Culture. 2008. Vol. 5. P. 91–112.
- Weaver W.* U.S. Philanthropic Foundations – Their History, Structure, Management and Record. New York: Harper and Row, 1967. 492 p.
- Whitaker B.* The Foundations. An Anatomy of Philanthropy and Society. London: Eyre Methuen, 1974. 287 p.
- Youde J.* The role of philanthropy in international relations // *Review of International Studies*. 2019. Vol. 45. P. 39–56.

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF GERMAN POLITICAL FOUNDATIONS AND AMERICAN PHILANTHROPIC FUNDS

A COMPARATIVE ANALYSIS

VYACHESLAV SUTYRIN

MGIMO University, Moscow, 119454, Russia

State Academic University for the Humanities, Moscow, 119049, Russia

Abstract

The paper is aimed at investigating the influence of political foundations upon internal and external policy of a state, analyzing place and role of foundations in international relations. The relevance of the topic under investigation is stipulated by the expansion of semi-official and guerilla diplomacy instruments in governments' external policy toolkits, which are widely financed by political foundations. The paper deals with the development of contemporary political foundations of the USA and Germany, including comparative analysis of performance features. The classification of foundation functions in the context of international relations is introduced. A conclusion is drawn that German political foundations are designed according to a model of a ministry of foreign affairs with the elements of a political party whereas a typical American philanthropic foundation is based on a model of a business corporation. German representatives tend to be present on the spot, continuously make contacts and keep track of local developments. The Americans apply project-based approach, and aim at creating NGOs or partnerships geared towards concrete actions or tasks making claims for international legitimacy. Foundations in Germany and the US are different in terms of funding models, degree of governmental involvement, scale and methods both serve as proxies and commentators of ruling elites' ideology contributing to foreign policy aims of their countries of origin. Foundations due to distancing from official diplomacy and legal autonomy (although activities of major foundations are frequently adjusted to the policy of a state of origin) achieve a wide room for maneuver. They penetrate into foreign societies and exert influence over sensitive spheres of modern statehood, such as education, domestic policy, expert community, media, etc. Hence a great deal of ties and points of influence "from inside" upon social and power structures of a foreign country are shaped, and could be exploited to further interests of a state of foundations' origin. Experience of Western foundations is actively employed by other states and organizations, including non-Western. A range of tools could be applied for the strengthening of bilateral and multilateral cooperation within the framework of the Eurasian integration project of Russia according to the principles of mutuality and inclusivity.

Keywords:

political foundations; humanitarian influence; soft power; international relations; philanthropy; society; USA; Germany.

References

- (2012). *Mezhdunarodnyj tribunal po byvshej Jugoslavii: Dejatel'nost', rezul'taty, jeffektivnost'*. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 22–23 aprelja 2009 g.) [The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia: activities, results, effectiveness]. Moscow: Indrik. 544 p.
- Aksartova S. (2009). Promoting Civil Society or Diffusing NGOs. In: Heydemann S., Hemmack D. (eds) *Globalization, Philanthropy, and Civil Society*. Bloomington: Indiana University Press. P. 160–191.
- Anheier H. (2018). Philanthropic Foundations in Cross-National Perspective: A Comparative Approach. *American Behavioral Scientist*. Vol. 62. P. 1591–1602.
- Anheier H., Toepler S. (2020). *The Routledge Companion to Nonprofit Management*. London: Routledge. 560 p.

- Anheier H. (2018). *Performance Measurement in Philanthropic Foundations: The Ambiguity of Success and Failure*. London: Routledge. 216 p.
- Anheier H., Leat D. (2013). Philanthropic Foundations: What Rationales? *Social Research*. Vol. 80. P. 449–472.
- Baykov A., Crowley-Vigneau A. (2019). Pochemu gosudarstva zaimstvujut jekologicheskie normy: opyt Rossii [Transnational Networks and Russia's Environmental Policies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 4. P. 137–153.
- Bek U. (2007). *Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma*. Novaja vseмирnopoliticheskaja jekonomija [Power and its Opponents in the age of globalisation]. Moscow: Progress-Traditsija. 464 p.
- Berman E. (1983). *The Influence of the Carnegie, Ford, and Rockefeller Foundations on American Foreign Policy: The Ideology of Philanthropy*. New York: Suny Press. 238 p.
- Bol'shova N.N. (2014). Gosudarstvennaja politika v oblasti vysshego obrazovaniya i nauki kak instrument mjagkoj sily (Opyt Germanii) [Public Policy in the Sphere of Higher Education as a tool for soft power (Germany's Experience)]. *Vestnik MGIMO*. No. 2. P. 71–80.
- Boesso G., Cerbioni F., Kumar K. (2014). What Drives Good Philanthropy? The Relationship Between Governance and Strategy in Foundations. In Luca G., Hinna A., Monteduro F. (eds) *Mechanisms, Roles and Consequences of Governance: Emerging Issues*. Emerald Group Publishing. P. 159–180.
- Brown R. (2020). Alternatives to soft power: Influence in French and German external cultural action. *The Routledge Handbook of Soft Power*. Ed. by N. Chitty, L. Ji, G. Rawnsley, C. Hayden. London: Routledge. P. 37–47.
- Burns R. (2019). New Frontiers of Philanthro-capitalism: Digital Technologies and Humanitarianism. *Antipode*. Vol. 51. P. 1101–1122.
- Çevik S. (2019) Reassessing Turkey's Soft Power: The Rules of Attraction. *Alternatives: Global, Local, Political*. Vol. 44. P. 50–71.
- Cumings B. (2014). Biting the Hand That Feeds You: Why the “Intelligence Function” of American Foundation Support for Area Studies Remains Hidden in Plain Sight. *Global Society*. Vol. 28. P. 70–89.
- Cunningham H. (2016). The multi-layered history of Western philanthropy. In: Jung T., Phillips S., Harrow J. (eds) *The Routledge Companion to Philanthropy*. London: Routledge. P. 42–55.
- Grincheva N., Kelley R. (2019). Introduction: Non-state Diplomacy from Non-Western Perspectives. *The Hague Journal of Diplomacy*. Vol. 14. P. 199–208.
- Halberstam D. (1973). *The Best and the Brightest*. New York: Fawcett-Crest. 720 p.
- Istomin I., Baykov A. (2020). Aljansy na sluzhbe gegemonii: dekonstruktsiya instrumentariya voenno-politicheskogo dominirovaniya [Alliances at the Service of Hegemony: Deconstruction of the Military Domination Toolbox]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020. No. 6. P. 8–25.
- Jung T., Harrow J. (2015). New development: philanthropy in networked governance—treading with care. *Public Money & Management*. Vol. 35. P. 47–52.
- Jung T., Harrow J. (2019). Providing Foundations: Philanthropy, Global Policy, and Administration. In: Stone D., Moloney K. (eds) *The Oxford Handbook of Global Policy and Transnational Administration*. Oxford University Press, 2019. P. 619–637.
- Krige J. (2006). *American Hegemony and the Postwar Reconstruction of Science in Europe*. Cambridge: MIT Press. 384 p.
- Krige J., Rausch H. (2012). *American Foundations and the Coproduction of World Order in the Twentieth Century*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 301 p.
- Lan'shina T.A. (2014). Mjagkaya sila Germanii: kul'tura, obrazovanie, nauka [German Soft Power: culture, education, science]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsij*. No. 2. P. 28–57.
- Lipman P. (2015). Capitalizing on crisis: venture philanthropy's colonial project to remake urban education. *Critical Studies in Education*. Vol. 56. P. 241–258.
- Lofgren M. (2016) *The Deep State. The Fall of the Constitution and the Rise of a Shadow Government*. New York: Viking. 336 p.
- Luqiu L., McCarthy J. (2019). Confucius Institutes: The Successful Stealth “Soft Power” Penetration of American Universities. *The Journal of Higher Education*. Vol. 90. P. 620–643.
- Mikhaylenko E.B. (2022). Uroki mezhdunarodnoj kampanii po zapreshheniju jadernogo oruzhija [From Advocacy to Diplomacy. The case of the international campaign to abolish nuclear weapons]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 20. No. 1(68). P. 55–79.
- Moran M. (2014). *Private Foundations and Development Partnerships: American Philanthropy and Global Development Agendas*. London: Routledge. 200 p.
- Nielsen W. (1972). *The Big Foundations*. New York. 475 p.
- Ogneva A.V. (2011). Politicheskie fondy FRG i ih vklad v razvitie mezhdunarodnogo dialoga [Political Foundations of Germany and their Contribution into the Development of International Dialogue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4. P. 113–118.

- Parmar I. (2002). American foundations and the development of international knowledge networks. *Global Networks*. Vol. 2. P. 13–30.
- Parmar I. (2014). American Power and Philanthropic Warfare: From the War to End All Wars to the Democratic Peace. *Global Society*. Vol. 28. P. 54–69.
- Parmar I., Rietzler K. (2014). American Philanthropy and the Hard, Smart and Soft Power of the United States. *Global Society*. Vol. 28. P. 3–7.
- Parmar I. (2012). *Foundations of the American Century: The Ford, Carnegie, and Rockefeller Foundations in the Rise of American Power*. New York: Columbia University Press. 368 p.
- Pierobon C. (2017). German Political Foundations in Central Asia: Promoting Democracy through Civil Society. *European Journal of Social Sciences Education and Research*. Vol. 4. P. 80–86.
- Pisarev I.I. (2022). Politika grupp interesov v Evropejskom Sojuze v sfere vysshego obrazovaniya [Interest group politics in the higher education sphere of the European Union]. diss. kand. polit. nauk: 23.00.04: defended 29.03.2022. Moscow: MGIMO. 235 p.
- Pogorel'skaja S.V. (2009). *Nepravitel'stvennye organizatsii i politicheskie fondy vo vneshnej politike Federativnoj Respubliki Germanii* [Non-Governmental Organizations and Political Foundations in German Foreign Policy]. Moscow: Nauka. 215 p.
- Pogorel'skaja S.V. (2014). Deyatel'nost' germanskikh politicheskikh fondov v sredizemnomorskikh stranah ES v period krizisa evrozony (na primere Gretsii) [Activities of German Political Foundations in the Mediterranean EU Member-States during the Eurozone Crisis (the Case of Greece)]. *Aktualnye problemy Evropy*. No. 2. P. 56–75.
- Prewitt K., Mattei D., Heydemann S., Toepler S. (eds) (2006). *Legitimacy of Philanthropic Foundations: United States and European Perspectives*. New York: Russell Sage Foundation. 312 p.
- Roelofs J. (2015). How Foundations Exercise Power. *American Journal of Economics and Sociology*. Vol. 74. P. 654–675.
- Roelofs J. (2003). *Foundations and Public Policy: The Mask of Pluralism*. State University of New York Press. 284 p.
- Shi Y. (2020). Charitable Foundations and American Diplomacy. IEEASAM. London: Francis Academic Press. P. 449–452.
- Stone D. (2013). *Knowledge Actors and Transnational Governance: The Private-Public Policy Nexus in the Global Agora*. London: Palgrave Macmillan. 240 p.
- Shakleina T.A. (2015) Liderstvo i sovremennyy mirovoj porjadok [Leadership and Current World Order]. *Mezhdunarodnye protsessy*. № 4. P. 6–19.
- Sussman G., Krader S. (2008) Template Revolutions: Marketing U.S. Regime Change in Eastern Europe. *Westminster Papers in Communication and Culture*. Vol. 5. P. 91–112.
- Sutyryn V.V. (2020). Gumanitarnoe vliyanie vo vneshnej politike: resursy, kanaly, infrastruktury [Humanitarian Influence in Foreign Policy: resources, channels, and infrastructures]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. P. 5–20.
- Toganova N.V. (2018) Jekonomika i bezopasnost' kak motivy pomoshhi razvitiyu: primer Germanii [Economic and security motives in international development assistance: The case of Germany]. *Mezhdunarodnye processy*. No. 3. P. 39–55.
- Weaver W. (1967). *U.S. Philanthropic Foundations – Their History, Structure, Management and Record*. New York: Harper & Row. 492 p.
- Whitaker B. (1974). *The Foundations. An Anatomy of Philanthropy and Society*. London: Eyre Methuen. 287 p.
- Yoode J. (2019). The role of philanthropy in international relations. *Review of International Studies*. Vol. 45. P. 39–56.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПОПУЛЯРНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ

ИМЕЕТ ЛИ ЗНАЧЕНИЕ ЭФФЕКТ «СПЛОЧЕНИЯ ВОКРУГ ФЛАГА»?

РУСЛАН МУХАМЕТОВ

Уральский федеральный университет имени первого Президента РФ Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

Резюме

В фокусе статьи находится популярность Президента России и причины его поддержки населением. Основной массив ранее опубликованной по данной теме литературы посвящён изучению таких детерминант, как макроэкономические показатели, уровень жизни граждан, освещение деятельности в СМИ, применение политических технологий и др. При этом исследователи констатируют воздействие на рейтинг национальных лидеров международных событий и межгосударственных конфликтов. Обзор литературы показал, что большинство исследователей изучали факторы одобрения деятельности президента на примере США. Автор пришёл к выводу, что Россия представляет собой хороший казус для исследований и поиска ответов ряд вопросов: оказывает ли влияние на популярность президента участие страны в военных конфликтах? Приводит ли низкий рейтинг одобрения главы государства к инициированию военных конфликтов? В качестве методологической основы исследования автор избрал теорию отвлекающей войны и эффект «сплочения вокруг флага». На основе теоретической рефлексии сформулированы две рабочие гипотезы: 1) уменьшение рейтинга одобрения президента приводит к увеличению агрессивности внешней политики и инициированию военного конфликта; 2) участие России в военных конфликтах приводит к росту популярности / одобрения деятельности Президента страны. Цель статьи заключается в эмпирической проверке этих гипотез. Для этого были собраны данные о рейтинге Президента России с 2000 по 2022 г. и проведён регрессионный анализ временных рядов. В качестве метода исследования использован сравнительный анализ конкретных случаев. По итогам работы автор пришёл к следующим выводам: уменьшение рейтинга одобрения Президента России не приводит к инициированию военных конфликтов. При этом эффект «сплочения вокруг флага» имеет значение в России, участие вооружённых сил в конфликтах приводит к росту одобрения деятельности Президента страны.

Ключевые слова:

эффект «сплочения вокруг флага»; Президент России; теория отвлекающей войны; «азартная игра на воскрешение»; общественное мнение.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.04.2022

Дата принятия к публикации: 11.07.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: muhametov.ru@mail.ru

Каковы факторы популярности национальных лидеров? Чем обусловлена их общественная поддержка? Поиск ответов на эти вопросы представляет собой одно из направлений политических исследований на стыке внутренней и внешней политики. Начиная с трудов Дж. Мюллера, в литературе убедительно показано, что одобрение президентов зависит от ряда экономических показателей, включая инфляцию, реальный располагаемый доход и уровень безработицы. Применительно к либеральным демократиям установлено, что рейтинги одобрения политических лидеров коррелируют с восприятием гражданами состояния экономики [Mueller 1970; Mueller 1973]. Относительно нелиберальных демократий и конкурентных автократий рядом авторов постулируется, что их лидеры могут повышать уровень своей популярности, эксплуатируя идеологию национализма, преувеличивая внешние угрозы и прибегая к медиаманипулированию [Treisman 2011]. При этом исследование свидетельствует, что популярность Президента России тесно связана с восприятием именно экономических показателей [Treisman 2008; Colton, Hale 2009].

Кроме экономико-рациональных объяснений поддержки национальных лидеров, исследователи российского казуса уделяют внимание культурным детерминантам. Эти объяснения высвечивают особенности политической культуры страны и предпочтительность для российского электората сильных и решительных лидеров, особенно в кризисных условиях [Mishler 2003]. Популярность В.В. Путина на рубеже 1990-х – 2000-х годов некоторые исследователи рассматривают как следствие так называемого авторитарного синдрома, вызванного неэффективностью руководства Б.Н. Ельцина, резким ростом социального неравенства, обнищанием населения [Григорьева 2014].

Российский психолог И.Е. Сироткина отмечает, что в современной России контролируемые государством телеканалы

имеют близкую к монопольной долю аудитории и служат основным источником политических новостей для большинства граждан [Sirotkina 2021]. В начале 2000-х годов популярность президента Елена Башкирова и Надежда Лайдинен объясняли успехом политтехнологий, которые создали имидж, полностью отвечавший ожиданиям граждан страны: ориентация на сильного лидера, его активность и способность эффективно действовать в любых ситуациях [Башкирова, Лайдинен 2001].

Помимо экономических причин и манипуляций СМИ, усиление народной поддержки может быть достигнуто на внешнеполитическом контуре. В научной литературе это называется эффектом «сплочения вокруг флага» [Baum 2002]. В массовой культуре это явление иллюстрирует художественный фильм Б. Левинсона «Плутовство, или Хвост виляет собакой». Обширная литература, посвященная «сплочению вокруг флага», исследует влияние событий, вызывающих поддержку государственных лидеров в Соединённых Штатах [Baum, Kernell 2001; Kernell 1978]. Имеет ли место эффект «сплочения вокруг флага» в России? Оказывают ли внешнеполитические события влияние на популярность президента?

Как нам кажется, Россия представляет показательный случай для изучения реакции общественности на вооружённые конфликты. Поиск ответов на поставленные вопросы и составляет цель настоящего исследования. Аналогичная цель ставилась в ряде опубликованных ранее работ [Казун 2017; Шевчук 2017; Hale 2018], однако в них рассматривался только пример присоединения Крыма. Отметим, что эффект «сплочения» в России обсуждался не только в научной литературе, но и в СМИ¹. Научный вклад настоящего исследования определяется расширением хронологических рамок (1999–2022) и тем самым включением в исследование поставленной научной проблемы нескольких случаев. Настоящий анализ продолжает традицию

¹ Friedman T.L. Putin to Ukraine: 'Marry Me or I'll Kill You' // The New York Times. 18.01.2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/01/18/opinion/putin-ukraine.html> (accessed: 15.06.2022).

отечественных работ, изучающих внутри-политические факторы формирования внешнеполитического курса страны [Балуев 1999; Кузнецов 2010; Шмелёв, Симон 2013].

Статья состоит из четырёх разделов. В начале мы кратко рассматриваем теорию отвлекающих войн и эффект «сплочения вокруг флага». Далее объясняем схему эмпирического исследования для проверки основных гипотез, описывая данные, измерения переменных и методы оценки. Результаты эмпирического тестирования и их обсуждение изложены в третьей части работы. Основные выводы и направления дальнейших исследований представлены в четвёртом разделе.

Теоретические рамки исследования

Идея о том, что политические элиты часто проводят авантюрную внешнюю политику, чтобы отвлечь внимание общественности от внутренних социальных и экономических проблем, а также укрепить собственную политическую поддержку внутри страны, не нова в литературе. Она лежит в основе теории отвлекающей войны (*diversionary theory of war*), а в русскоязычном дискурсе получила распространение метафора «маленькой победоносной войны». Предполагается, что основной причиной инициирования некоторых военных конфликтов выступает не столкновение национальных интересов разных государств, а внутриполитические проблемы. В простейшей форме теория отвлекающей войны утверждает, что национальные лидеры, сталкиваясь с социально-экономическими и политическими проблемами, у которых нет быстрых решений, пытаются переключить внимание общественности на противостояние внешней угрозе [Levy 1989].

В литературе по теории отвлекающей войны подчёркиваются два различных механизма, с помощью которых лидеры могут извлечь выгоду из межгосударственного конфликта: «сплочение вокруг флага» (*rally around the flag effect*) и «азартная игра на воскрешение» (*gambling for resurrection*).

Первый предполагает, что внутригрупповая сплочённость возрастает во время

кризисов или конфликтов против широко признанной внешней (аут-)группы, причём способствуют укреплению групповой солидарности конфликты с традиционными врагами и постоянными соперниками. Эффект сплочения — это склонность общественности откладывать в сторону внутриполитические разногласия и поддерживать президента во время международных кризисов. Фраза «*rally around the flag*» впервые была использована в песне «Боевой клич свободы», написанной в 1862 г. американским композитором Джорджем Фредериком Руттом во время Гражданской войны в США. В 1960-х годах Ричард Нойштадт и Кеннет Уолтц первыми обратили внимание на очевидную связь между президентской популярностью и международными событиями [Norman 2013]. В 1973 г. Джон Мюллер первым количественно выразил эффект сплочения [Mueller 1973: 37]. Мюллер рассматривал его в качестве одной из четырёх независимых переменных, объясняющих популярность американских президентов. По его мнению, данный эффект возникает в связи с событием, которое 1) является международным и 2) непосредственно затрагивает Соединённые Штаты и, в частности, президента; 3) должно быть конкретным, драматичным и чётко сфокусированным [Mueller 1970]. Предложенное Мюллером выражение эффект «сплочения вокруг флага» стало неотъемлемой частью литературы по общественному мнению и внешней политике.

Относительно природы и истоков эффекта сплочения среди исследователей нет консенсуса. Мы выделим два основных направления, объясняющих его возникновение: апелляция к патриотизму и доступ к СМИ. Джон Мюллер концептуализировал «сплочение вокруг флага» как отражение патриотического единения американцев во времена международного кризиса, чтобы поддержать своего президента [Mueller 1970]. Ричард Броуди и Кэтрин Шапиро в конце 1980-х годов выдвинули альтернативное объяснение: рост популярности связан с тем, что лидеры общественного мнения не критикуют политику пре-

зидента, следовательно, общественность получает в основном положительные сообщения о ней из СМИ. Отсутствие негативных оценок элитой косвенно приводит к отсутствию негативных оценок общественности, что оборачивается резким повышением рейтинга руководителя страны [Brody, Shapiro 1989].

Таким образом, «патриотическая» школа, восходящая к концепции Мюллера, считает, что во времена международного кризиса граждане объединяются вокруг президента как символа национального единства [Hetherington, Nelson 2004]. Утверждается, что международный конфликт провоцирует усиление национальной идентичности и поощряет поведение, ориентированное на группы, что приводит к росту национализма. Последнее, в свою очередь, приносит пользу существующему государственному лидеру, символу нации [Lambert et al. 2010]. Приверженцы школы «лидерства мнений» полагают, что сплочение возникает из-за отсутствия критики со стороны представителей оппозиционной партии, особенно в парламенте. Когда оппозиция поддерживает президента, то СМИ нечего сообщить общественности [Baker, Oneal 2001]. Более того, СМИ в принципе воздерживаются от публикации материалов, которые могут подорвать авторитет руководства страны в момент национального кризиса [Berinsky 2009].

Второй причинно-следственный механизм теории отвлекающей войны — «азартные игры на воскрешение» — подталкивает лидеров к тому, чтобы вступать в противоборство с могущественными государствами для демонстрации избирателям своей компетентности. Утверждается, что рационально действующие лидеры могут инициировать рискованные конфликты в отчаянной попытке завоевать поддержку электората [Haunes 2015]. Под «азартной игрой» подразумевается готовность сознательно рисковать исходом международного кризиса. Лидеры могут генерировать риск,

разрабатывая и выбирая военные и политико-дипломатические стратегии с целью политического выживания [Goemans 2009]. Если лидер опасается потерять власть, он может предпочесть развязать конфликт, так как даже небольшая вероятность победы увеличит срок его пребывания в должности [Chiozza, Goemans 2004].

В объяснении причин использования вооружённых сил под угрозой утраты лидером своего поста некоторые исследователи указывают, что международный конфликт даёт лидерам шанс перенести ответственность за неудачную политику на внешнего врага — символический образ «козла отпущения» [Morgan, Bickers 1992]. Принято считать также, что угроза международного конфликта укрепляет внутригрупповую сплочённость: по мере того как люди начинают воспринимать внешнюю угрозу всё более актуальной и значимой, они более склонны поддерживать своего лидера. В рамках теории рационального выбора возникла метафора «азартные игры для воскрешения» [Bueno de Mesquita et al. 1999].

Резюмируя описанные выше идеи, сформулируем рабочие гипотезы настоящего исследования:

- уменьшение рейтинга одобрения национального лидера приводит к повышению «агрессивности» внешней политики;
- участие в военных конфликтах приводит к росту популярности / одобрения деятельности национального лидера.

Данные, методы и операционализация переменных

Для проверки рабочих гипотез в данном исследовании использованы количественные методы анализа и метод сравнительного анализа показательных случаев.

Тестирование первой гипотезы осуществляется посредством статистического анализа. Зависимая переменная (популярность Президента России) была определена на основе опросов, проводимых организацией Левада-Центр². Индекс одобрения

² АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

российского президента рассчитан на основе ответов респондентов на вопрос: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина / Дмитрия Медведева на посту Президента России?» Вопрос о популярности президента отражает общее впечатление о том, как действующий руководитель справляется со своей работой в настоящий момент. Выбор опросов Левада-Центра обусловлен тем, что только они предоставляют нужные данные, полностью покрывающие хронологические рамки исследования — с января 2000 по февраль 2022 года. Рейтинг одобрения деятельности Президента России, публикуемый ВЦИОМ, содержит результаты только с 15 января 2006 года³.

Независимая переменная («агрессивность» внешней политики) была операционализирована через анализ риторики российских президентов согласно методике ряда исследователей [Snegovaya 2019]. Этот нарратив измерялся долей (в %) «агрессивных» слов и предложений (таких как война, конфликт, безопасность, угроза, агрессия, вооружение, оружие, НАТО и др.) в речах Президента России. Для выявления этой доли мы использовали сервис семантического анализа текстов *Istio*. Источником материалов для анализа выступили стенограммы посланий Федеральному Собранию, заявлений по важнейшим вопросам, программных статей, интервью российским и иностранным журналистам, заседаний и совещаний и др., размещённые на официальном сайте Президента Российской Федерации⁴. Всего мы проанализировали 112 материалов.

В качестве контрольных переменных мы используем пять показателей: расходы на оборону, уровень экономического развития, уровень материального благосостояния граждан, протестные настроения с политическими требованиями, а также отношение граждан к США. Данные пере-

менные мы используем исходя из предположения, что уровень одобрения деятельности Президента России коррелирует с макро- и микроэкономическими данными, протестными настроениями и отношением к «другому».

Список используемых переменных представлен ниже.

Популярность — указывает на одобрение деятельности Президента России.

Агрессивность — характеризует уровень «агрессивной» риторики в выступлениях.

Расходы — затраты на оборону, выраженные в процентах от ВВП (по данным ежегодника СИПРИ).

Развитие — ВВП на душу населения (данные Росстата).

Доходы — средняя номинально начисленная зарплата (данные Росстата).

Протест — индикатор уровня протестных настроений с политическими требованиями (процент ответов «вполне возможны» на вопрос Левада-Центра: «Как вы думаете, насколько возможны сейчас в вашем городе / сельском районе массовые выступления населения?»).

Отношение — положительное отношение (линия «хорошо») граждан России к США (данные Левада-Центра).

Описательная статистика по переменным представлена в табл. 1.

Таким образом, тип используемых в нашем исследовании данных — временные ряды. Отметим, что их анализ уже стал важным инструментом эмпирического тестирования академических гипотез. Как отмечает А. Семёнов, пока в российской политической науке анализ временных рядов проводится редко, что обусловлено особенностями подготовки российских политологов и инфраструктурными проблемами в научной коммуникации [Семёнов 2021: 77]. Обычно используют модель статистического (регрессионного) анализа ARIMA (Autoregressive Integrated Moving

³ Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/ratings/deyatelnost-gosudarstvennykh-institutov/>

⁴ Стенограммы // Президент РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts>

Таблица 1
Описательная статистика по независимым переменным

Переменная	Среднее	Медиана	Станд. ошибка	Минимум	Максимум
Популярность	75	76	7,9	62	85
Агрессивность	1,327	1,15	0,86	0,2	3,4
Расходы	4,105	4,05	0,5	3,5	5,4
Развитие	9028	9785	4326	1787	15884
Доходы	47377	22160	0,00001	223	5655
Протест	20,5	19	87,5	12,0	45
Отношение	46,27	48	14,23	12,0	68

Источник: составлено автором.

Average Model, или модель авторегрессионного интегрированного скользящего среднего). Для выбора типа используемой модели ARIMA необходимо определить числовые значения её параметров p , d и q , где p — количество наблюдений с запаздыванием в модели;

d — степень дифференцирования;

q — размер порядка скользящей средней.

Параметры p , d , q найдём, используя графики ACF и PACF.

Прежде чем применить ARIMA, мы должны убедиться, что временные ряды (они же переменные) являются стационарными. Для проверки стационарности имеются расширенный тест Дики–Фуллера (ADF) и тест Квятковского–Филлипса–Шмидта–Шина (KPSS). Результаты этих тестов, а также графики ACF и PACF представлены в Приложении. Как итог в данной работе тип используемой модели ARIMA — это ARIMA (1,1,0), то есть дифференцированная авторегрессионная модель первого порядка.

Основные результаты, полученные с помощью статистического анализа, мы проверяем на основе изучения отдельных случаев — метод кейс-стади. Как отмечает Дж. Геринг, тематическое исследование (case-study research) — это интенсивное изучение одной единицы с целью понимания более широкого класса (аналогичных) единиц [Gerring 2004: 343]. Основная задача любого такого исследования — выбор подходящих случаев. Это нетрудно, поскольку количество военных конфликтов, в которых принимали участие вооружён-

ные силы Российской Федерации с 1999 по 2022 год, ограниченно. Речь идёт о второй Чеченской войне; «пятидневной войне» августа 2008 года; операции в рамках процесса воссоединения Крыма и России 2014 года; участии в Сирийском гражданском конфликте с 2015 года; и специальной военной операции на Украине в 2022 году.

Результаты исследования

В данном разделе проверим влияние «агрессивной» риторики на уровень одобрения деятельности Президентов России В.В. Путина (2000–2008, 2012–2021) и Д.А. Медведева (2008–2012). Результаты регрессионного анализа временных рядов представлены в табл. 2.

Результаты анализа с переменной «Агрессивность» в качестве независимой переменной показывают, что регрессионная модель статистически незначима ($p = 0,243$; $p > 0,05$). Иными словами, уровень одобрения Президента России не зависит от «агрессивного» нарратива в целом. Это означает отсутствие подтверждения первой рабочей гипотезы. Подчеркнём, что регрессионные модели с контрольными переменными «протест» и «отношение», напротив, значимы ($p < 0,05$), то есть можно говорить о влиянии степени протестных настроений и отношения к США на популярность руководителя страны.

Статистический анализ количественных данных показывает самые общие тенденции и закономерности. Делать окончательные выводы по исследованию только на его основе представляется некорректным.

Таблица 2
Итоги эмпирического тестирования рабочей гипотезы исследования

Переменная	Коэффициент	Станд. ошибка	z	P-значение
Агрессивность	1,659	1,422	1,167	0,243
Расходы	-3,357	3,659	-0,914	0,36
Развитие	-0,0009	0,0007	-1,19	0,23
Доходы	0,000002	0,000001	1,902	0,0571
Протест	-0,749	0,225	-3,328	0,0009
Отношение	-0,268	0,131	-2,033	0,0421
const	-0,478	0,971	-0,492	0,6221
R-квадрат – 0,57	Испр. R-квадрат – 0,38			

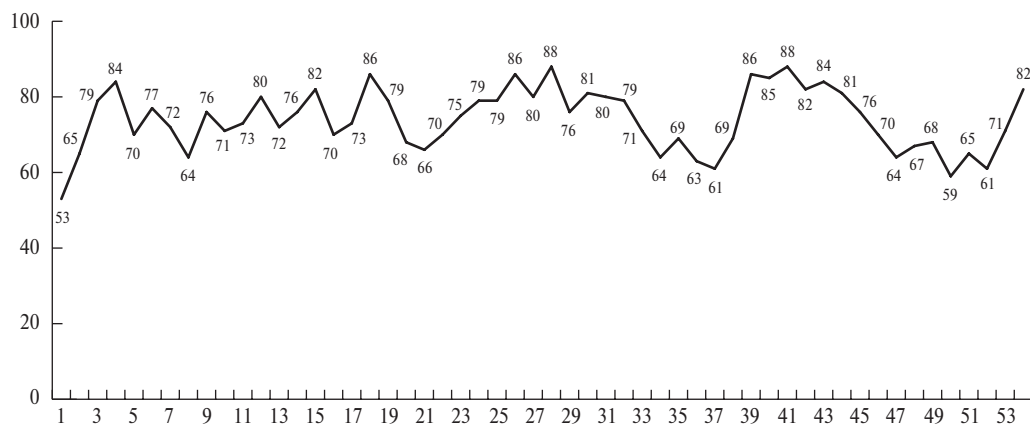
Источник: составлено автором.

Основной недостаток количественных исследований состоит в игнорировании контекста. В этой связи, как отмечалось в разделе, посвящённом описанию данных и методов, целесообразно обратиться к изучению конкретных случаев участия российских вооружённых сил в военных конфликтах и их влияния на уровень общественной поддержки Президента России. Стремясь преодолеть некоторые технические недостатки статистического анализа, в настоящей статье мы изучили небольшое число случаев. Для этого обратимся к рассмотрению президентского рейтинга (рис. 1).

Как видно по рис. 1, рейтинг одобрения деятельности Президента России с марта 2000 по апрель 2022 года ниже 60% не опу-

скался. Другими словами, говорить о кризисе легитимности не приходится. Протестная волна (серия массовых акций протеста) конца 2011–2012 года к общенациональному политическому кризису не привела (в 2012 г. рейтинг В.В. Путина находился в промежутке 60–70%), и «маленькой победоносной войны» в тот период времени не последовало. Кроме того, в двух случаях (вторая Чеченская война и «пятидневная война» 2008 года) российские войска первоначально отражали нападение (вторжение бандформирований из Чечни в Дагестан и грузинских войск на российских миротворцев в Южной Осетии). Если исходить из теории отвлекающей войны, военные конфликты должны начинаться в пери-

Рисунок 1
Рейтинг одобрения деятельности Президента России с сентября 1999 г. по апрель 2022 г., %

Источник: составлено автором по данным негосударственной исследовательской организации Левада-Центр.

Таблица 3
Рейтинг Президента Российской Федерации в период вооружённых конфликтов

Рейтинг	Вторая Чеченская война	«Пятидневная война»	«Крымская весна» и военные события на юго-востоке Украины	Операция в Сирии	Военный конфликт между Россией и Украиной 2022 г.
До начала военной операции	Август 1999 г. — 31%	Июль 2008 г. — 80%	Февраль 2014 г. — 69%	Август 2015 г. — 83%	Январь 2022 г. — 69%
Пик	Январь 2000 г. — 84%	Сентябрь 2008 — 88%	Октябрь 2014 г. — 88%	Октябрь 2015 г. — 88%	Март 2022 г. — 83%

Источник: составлено автором по данным негосударственной исследовательской организации Левада-Центр.

оды общенациональных кризисов с целью сместить внимание общественности на внешнего врага. По данным независимой от государства службы опроса общественного мнения (Левада-Центра), самые низкие показатели одобрения деятельности В.В. Путина (60–61%) пришлось на июнь 2000 года, ноябрь 2013 года, июль 2020 г. и август 2021 года.

На представленном рисунке видны три отрезка с сильным ростом популярности российского президента: 1) с сентября 1999 по январь 2000 года — с 53 до 84%; 2) с января по июнь 2014 — с 65 до 86%; 3) с декабря 2021 по март 2022 года — с 63 до 83%. Если сопоставить представленную на рис. 1 линию рейтинга с датами участия России в военных конфликтах / проведения Россией специальных военных операций, то можно отметить, что эти отрезки совпадают с фазами активных боевых действий: август 1999 — апрель 2000 для второй Чеченской войны, февраль 2014 — февраль 2015 для «Крымской весны» и военного конфликта на юго-востоке Украины и, наконец, февраль—март 2022 г. для периода начала специальной военной операции России на Украине. Что касается военного конфликта на территории Грузии 2008 года, то рейтинг В.В. Путина как Председателя Правительства РФ вырос с 80% в июле до 88% в сентябре. Влияние на одобрение деятельности В.В. Путина операции Воздушно-космических сил в Сирии (с сентября 2015) было несущественным и кратковременным: рейтинг в августе составлял 83%, в октябре — 85, в январе 2016 года — 82%.

Важно подчеркнуть, что на резкий рост рейтинга В.В. Путина во второй половине 1999 г. и в начале 2014 г. могли повлиять другие события, например фактическое начало в августе 1999 г. президентской избирательной кампании (9 августа Б.Н. Ельцин в телеобращении назвал В.В. Путина своим преемником). В феврале 2014 г. в Сочи прошли зимние Олимпийские игры, по итогам которых сборная России как по числу золотых, так и по общему количеству медалей вышла на первое место, что было лучшим результатом за весь постсоветский период. Это не могло не вызывать роста патриотических настроений, а также положительно сказалось на популярности президента.

Для оценки масштаба эффекта «сплочения вокруг флага» мы составили табл. 3.

Как видно из табл. 3, эффект сплочения разный. С одной стороны, участие России в «пятидневной войне» и операция Воздушно-космических сил в Сирии незначительно сказались на росте одобрения Президента России (8 и 5% соответственно). Это обусловлено тем, что и до начала военных операций рейтинг руководителя страны был высокий (80% и более). С другой стороны, воссоединение Крыма с Россией и специальная военная операция на Украине увеличили рейтинг одобрения приблизительно на 20%. Это, в свою очередь, может быть обусловлено, выражаясь языком экономистов, эффектом низкой базы. Отдельно стоит рассматривать период второй половины 1999 — начала 2000 года, когда рейтинг В.В. Путина вырос в 2,7 раза. Этому способствовало совпадение ряда причин: эффекты избира-

тельной президентской кампании и низкой базы, свою роль могли сыграть и итоги второй Чеченской кампании.

Оценить длительность эффекта «сплочения» более или менее однозначно затруднительно. Следует констатировать, что в период с марта 2014 по январь 2018 г. рейтинг одобрения Президента России ниже 80% не опускался («крымский консенсус»). В первой половине 2018 г. он уменьшился (в июле 67%) в связи с проведением пенсионной реформы.

По итогам исследования можно сформулировать следующие выводы. *Во-первых*, первая рабочая гипотеза (уменьшение рейтинга одобрения президента приводит к увеличению агрессивности внешней политики) не нашла подтверждения как при статистическом анализе, так и методом изучения конкретных случаев. *Во-вторых*, мы находим подтверждение второй гипотезы исследования: эффект «сплочения вокруг флага», то есть усиление поддержки президента среди граждан, в целом имеет место. Это, вероятнее всего, если судить по значимости соответствующих коэффициентов при переменных проведённого регрессионного анализа, могло быть обусловлено в том числе закреплением за США в общественном мнении «образа врага». Известно, что в становлении национальной идентичности участвуют различные образы «другого». В роли «другого» могут выступать этнические или культурные меньшинства, иммигранты, но, как правило, чаще это внешняя группа, зарубежная страна [Нойманн 2004]. В литературе высказывается мнение, что для России новым (старым) воплощением внешней угрозы выступают США [Mendelson, Gerber 2008]. В ходе нашего исследования были получены интересные результаты при работе с контрольными переменными, частично подтверждающими это предположение. Так, статистические расчёты показали, что поддержка Президента В.В. Путина зависит не только от личных доходов граждан или уровня протестных настроений, но и отношения к Соединённым Штатам.

Полученные результаты представляют интерес с точки зрения интерпретации. Тезис о положительном и статистически значимом влиянии «агрессивной» риторики на одобрение деятельности Президента России не подтвердился. Вместе с тем сравнительное изучение конкретных случаев показало, что участие российских вооружённых сил в военных конфликтах (контртеррористических и иных специальных операциях) способствует росту популярности национального лидера, что в целом подтверждает имеющиеся в литературе оценки [Famham 2004; Fearon 1998].

* * *

Политическое выживание национального лидера зависит в том числе и от его популярности. Известно, что на уровень поддержки президента со стороны избирателей влияют макроэкономические показатели, материальное положение граждан, степень распространения проправительственных сообщений и доверия к ним, правильно сконструированный политический имидж и использование разнообразных технологий работы с общественным мнением. Имеющиеся исследования внутренней политики США указывают и на международные события, в том числе вооружённые конфликты, как на фактор одобрения деятельности президента. В научной литературе этот феномен получил название эффекта «сплочения вокруг флага». Осознавая склонность избирателей поддерживать главу государства в период военного противостояния на внешнем контуре, учёные предположили, что национальные лидеры могут намеренно инициировать военные действия для повышения своего рейтинга. Такое объяснение начала военных конфликтов легло в основу теории отвлекающей войны. Цель настоящего исследования заключалась в том, чтобы проверить эту теорию эмпирическим путём (количественными и качественными методами) применительно к России. Наша страна представляет собой удачный казус для такого анализа в силу отличия политической системы от американской и наличия

достаточной выборки примеров участия в военных конфликтах. Для достижения поставленной цели был проведён регрессионный анализ временных рядов (модель ARIMA). Его результаты, вопреки исходной гипотезе, показали, что уменьшение рейтинга одобрения президента не приводит к росту «агрессивности» внешней политики (под агрессивностью понимается инициативная вовлечённость в международные вооружённые конфликты). Анализ конкретных случаев подтвердил статистические расчёты. Вместе с тем мы установили, что начало участия России в военных конфликтах приводит к росту популярности / одобрения деятельности Президента страны, что не противоречит объяснительной механике «эффекта сплочения вокруг флага». Таким образом, ответ на поставленный исследовательский вопрос состоит

в том, что эффект «сплочения вокруг флага» имеет значение, однако действие этого эффекта от конфликта к конфликту отличается, что связано, как правило, с предшествующей динамикой рейтинга одобрения главы государства.

Представленное исследование есть не более чем первый шаг в изучении влияния международных событий на популярность Президента России. Дальнейшие направления исследований нам видятся следующим образом. *Во-первых*, для получения более полной картины было бы полезно расширить выборку включением периода президента Б.Н. Ельцина (1991–1999). *Во-вторых*, в будущем исследовании можно подумать над операционализацией основной независимой переменной через антиамериканскую риторику в официальных СМИ.

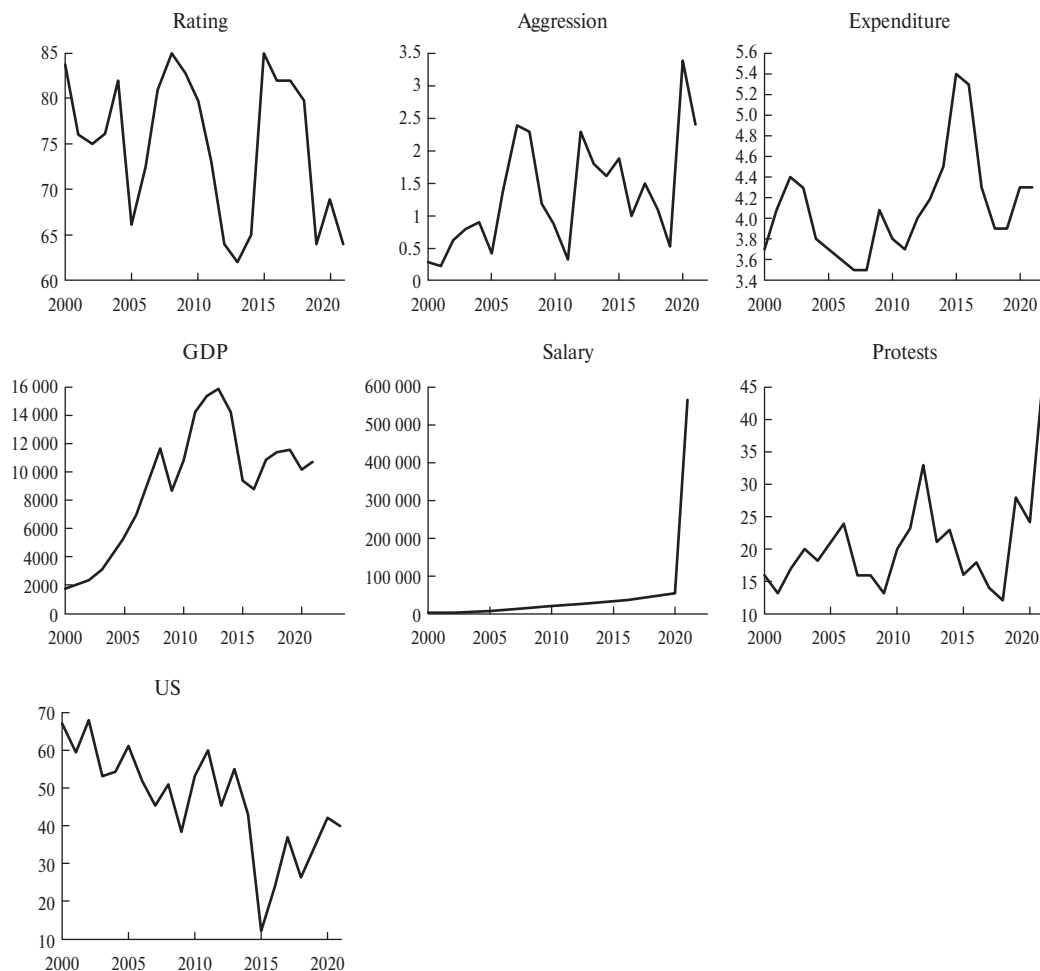
Список литературы

- Балуев Д.Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику // Завоевание будущего. Внешняя политика России на рубеже веков. Н. Новгород: НГУ, 1999. С. 7–51.
- Баширова Е.И., Лайдинен Н.В. Президент: феномен общественной поддержки // Социс. 2001. № 9. С. 29–36.
- Григорьева Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского ун-та. 2014. № 379. С. 46–54.
- Казун А.Д. Эффект «rally around the flag». Как и почему растёт поддержка власти во время трагедий и международных конфликтов? // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 136–146.
- Кузнецов Д.В. Использование военной силы и общественное мнение США // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 18–31.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Семёнов А.В. Анализ временных рядов в политической науке: возможности и ограничения // Политическая наука. 2021. № 1. С. 76–97.
- Шевчук С.В. «Тэфлоновый» рейтинг: факторы устойчивости политической поддержки В. Путина в условиях экономического кризиса // Полития. 2017. № 2. С. 80–93.
- Шмелёв Б.А., Симон М.Е. Влияние внутриполитических процессов на внешнюю политику постсоветских государств (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2013. 40 с.
- Baker W.D., Oneal J.R. Patriotism or Opinion Leadership?: The Nature and Origins of the «Rally 'Round the Flag» Effect // The Journal of Conflict Resolution. 2001. Vol. 45. P. 661–687.
- Baum M. A., Kernell S. Economic Class and Popular Support for Franklin Roosevelt in War and Peace // Public Opinion Quarterly. 2001. 65. No. 2. P. 198–229.
- Baum M.A. The Constituent Foundations of the Rally-Round-the-Flag Phenomenon // International Studies Quarterly. 2002. Vol. 46. No. 2. P. 263–298.
- Berinsky A.J. In Time of War: Understanding American Public Opinion from World War II to Iraq. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 360 p.
- Brody R.A., Shapiro C.R. Policy Failure and Public Support: The Iran-Contra Affair and Public Assessment of President Reagan // Political Behavior. 1989. Vol. 11. No. 4. P. 353–369.
- Chapman H.S. Shoring Up Autocracy: Participatory Technologies and Regime Support in Putin's Russia // Comparative Political Studies. 2021. Vol. 54. No. 8. P. 1459–1489.
- Chiozza G., Goemans H. Avoiding diversionary targets // Journal of Peace Research. 2004. Vol. 41. No. 4. P. 423–443.

- Colton T., Hale H. The Putin vote: the demand side of hybrid regime politics // *Slavic review*. 2009. Vol. 68. No. 3. P. 473–503.
- De Mesquita B., Morrow J., Siverson, R., Smith A. An Institutional Explanation of the Democratic Peace // *American Political Science Association*. 1999. Vol. 93. No. 4. P. 791–807.
- Farnham B. Impact of the Political Context on Foreign Policy Decision-Making // *Political Psychology*. 2004. Vol. 25. No. 3. P. 441–463.
- Fearon J. Domestic Politics, Foreign Policy, and Theories of International Relations // *Annual Review of Political Science*. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 289–313.
- Geddes B., Zaller J. Sources of Popular Support for Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. 1989. Vol. 33. No. 2. P. 319–347.
- Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // *American Political Science Association*. 2004. Vol. 98. P. 341–354.
- Goemans H., Fey M. Risky but rational: War as an institutionally-induced gamble // *Journal of Politics*. 2009. Vol. 71. No. 1. P. 35–54.
- Guriey S., Treisman D. Informational Autocrats // *Journal of Economic Perspectives*. 2019. Vol. 33. No. 4. P. 100–127.
- Hale H.E. How Crimea Pays // *Comparative Politics*. 2018. Vol. 50. No. 3. P. 369–380.
- Haynes K. Diversionary conflict: Demonizing enemies or demonstrating competence? // *Conflict Management and Peace Science*. 2017. Vol. 34. No. 4. P. 337–358.
- Hesli V.L., Bashkirova E. The Impact of Time and Economic Circumstances on Popular Evaluations of Russia's President // *International Political Science Review*. 2001. Vol. 22. No. 4. P. 379–398.
- Hetherington M.J., Nelson M. Anatomy of a Rally Effect: George W. Bush and the War on Terrorism // *Political Science and Politics*. 2003. Vol. 36. No. 1. P. 37–42.
- Kam C.D., Ramos J.M. Joining and Leaving the Rally: Understanding the Surge and Decline in Presidential Approval Following 9/11 // *Public Opinion Quarterly*. 2008. Vol. 72. P. 619–650.
- Kernell S. Explaining Presidential Popularity // *American Political Science Review*. 1978. Vol. 72. P. 506–522.
- Lambert A.J., Scherer L.D., Schott J.P., Olson K.R., Andrews R.K., O'Brien T.C., Zisser A.R. Rally Effects, Threat, and Attitude Change: An Integrative Approach to Understanding the Role of Emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. Vol. 98. P. 886–903.
- Levy J.S. The diversionary theory of war: A critique // *Handbook of war studies*. 1989. Vol. 1. P. 259–288.
- Mishler W. The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: Cultural Imperative vs Neo-Institutional Choice? // *The Journal of Politics*. 2003. Vol. 65. No. 1. P. 111–141.
- Morgan T.C., Bickers K.N. Domestic Discontent and the External Use of Force // *Journal of Conflict Resolution*. 1992. Vol. 36. No. 1. P. 25–52.
- Mendelson S.H., Gerber T. Us and Them: Anti-American Views of the Putin Generation // *The Washington Quarterly*. 2008. Vol. 31. No. 2. P. 131–150.
- Mueller J.E. Presidential Popularity from Truman to Johnson // *The American Political Science Review*. 1970. Vol. 64. No. 1. P. 18–34.
- Mueller J.E. *War, Presidents, and Public Opinion*. New York: Wiley, 1973. 300 p.
- Norman J.E. The Rally Around the Flag Effect: A Look at Former President George W. Bush and Current President Barack Obama // *Honors Theses*. 2013. 15. URL: https://digitalcommons.csbsju.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=honors_theses (дата обращения: 02.04.2022).
- Schedler A. The menu of manipulation // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. No. 2. P. 36–50.
- Sirotkina E. How biased media generate support for the ruling authorities: Causal mediation analysis of evidence from Russia // *European Journal of Communication*. 2021. Vol. 36. No. 2. P. 183–200.
- Snegovaya M. What Factors Contribute to the Aggressive Foreign Policy of Russian Leaders? // *Problems of Post-Communism*. 2019. Vol. 67. No. 1. P. 93–110.
- Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // *American Journal of Political Science*. 2011. Vol. 55. No. 3. P. 590–609.
- Treisman D. The Popularity of Russian Presidents. 2008. URL: <https://www.hse.ru/data/351/229/1237/paper-Treisman.pdf> (дата обращения: 02.04.2022).
- White S., Mcallister I. The Putin phenomenon // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2008. Vol. 24. No. 4. P. 604–628.

Приложения

1. Диагностика временных рядов в анализе

2. Тестирование переменных на стационарность

Тесты	Переменные						
	Популярность	«Агрессивность»	Расходы	Развитие	Доходы	Протест	Отношение
ADF	-3,67993 0,004429	-3.84211 0,02063	-2,70292 0,07346	-1,65499 0,439	2,09825 0,9998	-2,06811 0,2579	-2,15386 0,2237
KPSS	0,077071 0,093	0.416045 0,072	0,362117 0,097	0,600992 0,027	0,470517 0,049	0,14727 0,089	0,643844 0,02

Примечание: выделены тест-статистики с $p\text{-value} < 0,05$.

Источник: составлено автором.

INTERNATIONAL SOURCES OF THE POPULARITY OF RUSSIA'S PRESIDENT *DOES THE «RALLY AROUND THE FLAG» EFFECT MATTER?*

RUSLAN MUKHAMETOV

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg,
620002, Russia

Abstract

The article focuses on the popularity of the President of the Russian Federation and the factors that influence the level of his support among the population. It is shown that most of the previous literature was devoted to the study of the influence of such determinants as macroeconomic indicators, the standard of living of citizens, the media, the use of political technologies, etc. The author notes that researchers have begun to mark a certain impact on the rating of national leaders of international events and interstate conflicts. The review of the literature showed that most researchers studied the factors of approval of the president's activities on the example of the United States. The author came to the conclusion that Russia is also a good laboratory for research and finding answers to a number of questions: Does the country's participation in military conflicts affect the popularity of the President of the Russian Federation? Does the low approval rating of the head of state lead to the initiation of a military conflict? The diversionary theory of war and the «rally around the flag» effect became the methodological basis of the article. Based on theoretical reflection, two working hypotheses were formulated: 1) a decrease in the approval rating of the president leads to an increase in the aggressiveness of foreign policy and the initiation of a military conflict; 2) Russia's participation in military conflicts leads to an increase in the popularity / approval of the activities of the President of the Russian Federation. The purpose of the article is an empirical test of these hypotheses. The author collected data on the rating of Russia's president from 2000 to 2022 and conducted a regression analysis of time series. A comparative analysis of cases was used as a research method. As a result of statistical and other calculations, the author came to the conclusion that a decrease in the approval rating of the President of the Russian Federation does not lead to the initiation of military conflicts. The article substantiates the idea that the effect of the «rally around the flag» has matter in Russia, the participation of the armed forces in conflicts leads to an increase in the approval of the activities of the President of the Russian Federation.

Keywords:

rally around the flag effect; gambling for resurrection theory; diversionary theory of war; public opinion; President of the Russian Federation.

References

- Baker W.D., Oneal J.R. (2001). Patriotism or Opinion Leadership? The Nature and Origins of the «Rally «Round the Flag» Effect. *The Journal of Conflict Resolution*. Vol. 45. P. 661–687.
- Baluev D.G. (1999). Vnutrennie faktory, vliyayushhie na rossijskuju vneshnjuju politiku [Internal factors influencing Russian foreign policy]. *Zavoevanie budushhego. Vneshnjaja politika Rossii na rubezhe vekov*. N. Novgorod: NGU. P. 7–51.
- Bashkurova E.I., Lajdinen N.V. (2001). Prezident: fenomen obshhestvennoj podderzhki [President: the phenomenon of public support]. *Socis*. No. 9. P. 29–36.
- Baum M. A., Kernell S. (2001). Economic Class and Popular Support for Franklin Roosevelt in War and Peace. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 65. No. 2. P. 198–229.
- Baum M.A. (2002). The Constituent Foundations of the Rally-Round-the-Flag Phenomenon. *International Studies Quarterly*. Vol. 46. No. 2. P. 263–298.

- Berinsky A.J. (2009). *In Time of War: Understanding American Public Opinion from World War II to Iraq*. Chicago: University of Chicago Press. 360 p.
- Brody R.A., Shapiro C.R. (1989). Policy Failure and Public Support: The Iran-Contra Affair and Public Assessment of President Reagan. *Political Behavior*. Vol. 11. No. 4. P. 353–369.
- Chapman H.S. (2021). Shoring Up Autocracy: Participatory Technologies and Regime Support in Putin's Russia. *Comparative Political Studies*. Vol. 54. No. 8. P. 1459–1489.
- Chiozza G., Goemans H. (2004). Avoiding diversionary targets. *Journal of Peace Research*. Vol. 41. No. 4. P. 423–443.
- Colton T., Hale H. (2009). The Putin vote: the demand side of hybrid regime politics. *Slavic review*. Vol. 68. No. 3. P. 473–503.
- De Mesquita B., Morrow J., Siverson, R., Smith A. (1999). An Institutional Explanation of the Democratic Peace. *American Political Science Association*. Vol. 93. No. 4. P. 791–807.
- Farnham B. (2004). Impact of the Political Context on Foreign Policy Decision-Making. *Political Psychology*. Vol. 25. No. 3. P. 441–463.
- Fearon J. (1998). Domestic Politics, Foreign Policy, and Theories of International Relations. *Annual Review of Political Science*. Vol. 1. No. 1. P. 289–313.
- Geddes B., Zaller J. (1989). Sources of Popular Support for Authoritarian Regimes. *American Journal of Political Science*. Vol. 33. No. 2. P. 319–347.
- Gerring J. (2004). What Is a Case Study and What Is It Good for? *American Political Science Association*. Vol. 98. P. 341–354.
- Grigor'eva E.B. (2014). Politicheskie jeffekty avtoritarnogo sindroma v sovremennom politicheskom processe Rossii [Political effects of the authoritarian syndrome in the modern political process of Russia]. *Vestnik Tomskogo universiteta*. No. 379. P. 46–54.
- Goemans H., Fey M. (2009). Risky but rational: War as an institutionally-induced gamble. *Journal of Politics*. Vol. 71. No. 1. P. 35–54.
- Gurieva S., Treisman D. (2019). Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 33. No. 4. P. 100–127.
- Hale H.E. (2018). How Crimea Pays. *Comparative Politics*. Vol. 50. No. 3. P. 369–380.
- Haynes K. (2017). Diversionary conflict: Demonizing enemies or demonstrating competence? *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 34. No. 4. P. 337–358.
- Hesli V.L., Bashkirova E. (2001). The Impact of Time and Economic Circumstances on Popular Evaluations of Russia's President. *International Political Science Review*. Vol. 22. No. 4. P. 379–398.
- Hetherington M. J., Nelson M. (2003). Anatomy of a Rally Effect: George W. Bush and the War on Terrorism. *Political Science and Politics*. Vol. 36. No. 1. P. 37–42.
- Kam C.D., Ramos J.M. (2008). Joining and Leaving the Rally: Understanding the Surge and Decline in Presidential Approval Following 9/11. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. P. 619–650.
- Kazun A. D. (2017). Jeffekt «rally around the flag». Kak i pochemu rastet podderzhka vlasti vo vremja tragedij i mezhdunarodnyh konfliktov? [The «rally around the flag» effect. How and why is support for the authorities growing during tragedies and international conflicts?]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 1. P. 136–146.
- Kernell S. (1978). Explaining Presidential Popularity. *American Political Science Review*. Vol. 72. P. 506–522.
- Kuznecov D.V. (2010). Ispolzovanie voennoj sily i obshchestvennoe mnenie SShA [The use of military force and public opinion of the USA]. *Novaja i novejsaja istorija*. No. 4. P. 18–31.
- Lambert A.J., Scherer L.D., Schott J.P., Olson K.R., Andrews R.K., O'Brien T.C., Zisser A.R. (2010). Rally Effects, Threat, and Attitude Change: An Integrative Approach to Understanding the Role of Emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 98. P. 886–903.
- Levy J.S. (1989). The diversionary theory of war: A critique. *Handbook of war studies*. Vol. 1. P. 259–288.
- Mishler W. (2003). The Dynamics of Presidential Popularity in Post-Communist Russia: Cultural Imperative vs Neo-Institutional Choice? *The Journal of Politics*. Vol. 65. No. 1. P. 111–141.
- Morgan T.C., and Bickers K.N. (1992). Domestic Discontent and the External Use of Force. *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 36. No. 1. P. 25–52.
- Mendelson S.H., Gerber T. (2008). Us and Them: Anti-American Views of the Putin Generation. *The Washington Quarterly*. Vol. 31. No. 2. P. 131–150.
- Mueller J.E. (1970). Presidential Popularity from Truman to Johnson. *The American Political Science Review*. Vol. 64. No. 1. P. 18–34.
- Mueller J. E. (1973). *War, Presidents, and Public Opinion*. New York: Wiley. 300 p.
- Nojmann I. (2004). Ispolzovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej [The use of the "Other". Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 336 p.

- Norman J. E. (2013). «The Rally Around the Flag Effect: A Look at Former President George W. Bush and Current President Barack Obama. *Honors Theses*. No. 15. URL: https://digitalcommons.csbsju.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1014&context=honors_theses (accessed: 02.04.2022).
- Schedler A. (2002). The menu of manipulation. *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 2. P. 36–50.
- Semenov A.V. (2021). Analiz vremennyh rjadov v politicheskoy nauke: vozmozhnosti i ogranichenija [Analysis of time series in political science: opportunities and limitations]. *Politicheskaja nauka*. No. 1. P. 76–97.
- Shevchuk S.V. (2017). «Teflonovyj» rejting faktory ustojchivosti politicheskoy podderzhki V. Putina v uslovijah jekonomicheskogo krizisa [«Teflon» rating factors of stability of V. Putin's political support in the conditions of the economic crisis]. *Politija*. No. 2. P. 80–93.
- Shmeljov B.A., Simon M.E. (2013). *Vlijanie vnutripoliticheskikh processov na vneshnjuju politiku postsovetskih gosudarstv (nauchnyj doklad)* [The influence of internal political processes on the foreign policy of post-Soviet states (scientific report)]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 40 p.
- Sirotkina E. (2021). How biased media generate support for the ruling authorities: Causal mediation analysis of evidence from Russia. *European Journal of Communication*. Vol. 36. No. 2. P. 183–200.
- Snegovaya M. (2019). What Factors Contribute to the Aggressive Foreign Policy of Russian Leaders? *Problems of Post-Communism*. Vol. 67. No. 1. P. 93–110.
- Treisman D. (2011). Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin. *American Journal of Political Science*. Vol. 55. No. 3. P. 590–609.
- Treisman D. (2008). The Popularity of Russian Presidents. URL: <https://www.hse.ru/data/351/229/1237/paper-Treisman.pdf> (accessed: 02.04.2022).
- White S., Mcallister I. (2008). The Putin phenomenon. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. No. 4. P. 604–628.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЙ ЭР-РИЯДА С ВАШИНГТОНОМ, ПЕКИНОМ И МОСКВОЙ

НИКОЛАЙ СУРКОВ

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Резюме

Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия (КСА) претерпела значительные изменения после того, как государство фактически возглавил наследный принц Мухаммед бин Салман. На региональном уровне Эр-Рияд стал проводить более активную политику, а на глобальном — взял курс на диверсификацию внешних связей, готовясь к наметившемуся сокращению американского присутствия на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. Представленная статья фокусируется на том, может ли сближение КСА с Китаем и Россией стать альтернативой стратегическому союзу Королевства с США. Автор преследует цель разобраться в особенностях отношений Королевства с каждой из перечисленных стран и выявить тренды их дальнейшего развития. В статье анализируется сотрудничество с названными партнёрами по вопросам безопасности и экономическое сотрудничество. Сделан вывод о том, что Королевство по-прежнему заинтересовано в сохранении и развитии стратегических отношений с США, которые остаются ключевым союзником и важным экономическим партнёром. С Китаем, который превратился в основного торгового партнёра, отношения строятся по формуле «экономика плюс», то есть происходит постепенное развитие политических связей. Наконец, Россия важна как ключевой партнёр на энергетическом рынке в рамках формата ОПЕК+, а также может способствовать урегулированию ряда региональных кризисов. Сравнительный анализ отношений КСА с США, КНР и РФ показывает, что в среднесрочной перспективе для Эр-Рияда нет альтернативы поддержке и развитию отношений с Вашингтоном.

Ключевые слова:

Саудовская Аравия; США; Китай; Россия; балансирование; хеджирование.

Принято считать, что до 2015 г. Эр-Рияд в своей внешней политике полагался на «дипломатию чековой книжки» и гарантии

безопасности со стороны США. Зарубежные исследователи указывают, что с 1932 по 2015 г. Королевство Саудовская Аравия

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2022

Дата принятия к публикации: 22.09.2022

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: nsurkov77@gmail.com

(КСА) следовало заветам оборонительного реализма, стараясь сохранять статус-кво в регионе [Rich 2019: 65]. После прихода к власти Салмана бин Абдул-Азиза наблюдатели заговорили об изменении внешнеполитического курса страны. «Доктрина Салмана» — это не конкретный документ, а комплекс решений и инструментов, направленных на противодействие вызовам, стоящим перед КСА в современных реалиях Ближнего Востока. На практике она проявляется в проведении проактивной внешней политики, важным элементом которой стало использование военной силы напрямую, а не через союзников или местных клиентов. Больше внимания по сравнению с предыдущими годами стало уделяться развитию военного сотрудничества с арабскими странами, в частности с ОАЭ и Египтом. Предприняты шаги по укреплению дисциплины внутри Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) [Косач 2021: 146]. Кроме того, наметилось наращивание собственных военных возможностей страны, в том числе за счёт развития военно-промышленного комплекса, и поиск новых глобальных партнёров, в роли которых рассматриваются Россия, Индия, Китай, страны Латинской Америки и Африки. Дополнительным стимулом к пересмотру внешнеполитической доктрины и переходу от реактивной политики к проактивной стал анонсированный президентом США Бараком Обамой «уход» Соединённых Штатов из ближневосточного региона. Монархии Залива пришли к выводу, что сокращение американского присутствия создаст вакуум, который попытается заполнить Иран [Katz 2017: 106].

В свете происходящих изменений возникает исследовательский вопрос: создают ли Россия и Китай реальную альтернативу стратегическому союзу с США для КСА? Соответственно, цель настоящей статьи заключается в том, чтобы сравнить ценность трёх держав с точки зрения национальных интересов Эр-Риада. Для её решения будет произведена оценка состояния двусторонних отношений в сфере безопасности и

региональной стабильности, торгово-экономических связей, контактов между руководителями стран.

Отечественная историография, посвящённая КСА, довольно обширна. Тем не менее в ней немного работ, фокусирующихся сугубо на внешней политике. Особого внимания заслуживают публикации Г.Г. Косача [Косач 2019; 2021], анализировавшего основы курса Эр-Риада на международной арене, его характерные черты в период правления короля Салмана и наследного принца Мухаммеда бин Салмана. Особенность работ Г.Г. Косача заключается в широком использовании оригинальных источников и стремлении показать саудовский взгляд на процессы в мире и в регионе. Анализу внутриполитического развития КСА посвящены исследования А.И. Яковлева [Яковлев 2016; 2017]. О состоянии и перспективах развития российско-саудовских экономических отношений много можно узнать из публикаций В.А. Исаева, А.О. Филоника [Исаев, Филоник 2018], Э.М. Фазельянова [Fazelyanov 2021]. О последних тенденциях в отношениях КСА с Китаем подробно пишет А.С. Дербенёв [Дербенёв 2022]. Среди западных исследователей, занимающихся изучением внешней политики КСА, следует выделить Э. Кордесмана [Cordesman 2016] и Р. Мейсона [Mason 2014], которые делают акцент на эволюции отношений КСА с США. Ключевым источником информации о современной политике Эр-Риада мы полагаем труды саудовских авторов, поскольку они отражают видение истеблишментом страны состояния и перспектив взаимодействия с другими государствами. В частности, Кямиль аль-Ахмад [Kenner 2021] изучает экономические связи с США, Мухаммед аль-Судейри [Al-Sudairi 2020] в своих работах большое внимание уделяет саудовско-китайским отношениям, а профессор Салех аль-Хатлан пишет о связях с Россией [Аль-Хатлан 2022].

Методологическая база исследования представляет собой комбинацию нескольких теорий международных отношений.

В рамках реалистского и неореалистского подходов взаимодействие КСА с тремя изучаемыми державами оцениваются с точки зрения обеспечения национальной безопасности и соотношения национальных интересов [Morgenthau 1948], в первую очередь выделяется наличие общих угроз, а также сравниваются подходы к обеспечению региональной безопасности. Для оценки состояния двусторонних отношений в сфере безопасности мы ориентируемся на показатели военно-технического сотрудничества, поскольку все рассматриваемые державы выступают крупными экспортёрами продукции военного назначения. Между тем КСА традиционно использует оружейные контракты в качестве дополнительного инструмента (своеобразного вознаграждения) для обеспечения лояльности и поддержки со стороны стран-экспортёров.

Неолиберальный подход мы использовали в анализе отношений с точки зрения наличия/отсутствия комплексной (в первую очередь экономической) взаимозависимости [Keohane 2001], роли негосударственных субъектов (таких как ТНК), а также для оценки влияния индивидов/лидеров на отношения. При изучении экономических связей автор сосредоточился на трёх показателях: объём торговли, инвестиции и крупные совместные проекты или контракты. Последний показатель стоит рассматривать как не только количественный, но и качественный, поскольку в случае КСА привлечение компаний из той или иной страны к реализации проектов стратегической важности всегда было связано с уровнем развития политических отношений.

Наконец, конструктивистский подход использован для анализа поведения лиц, принимающих решения, и формирования национальных интересов. С акцентом на роли саудовской идентичности в формировании внешнеполитического позиционирования страны, поскольку идентичность и ценности влияют на то, как субъекты определяют свои национальные интересы [Wendt 1999].

Внешнеполитическое самопозиционирование Саудовской Аравии

Внешнеполитическое позиционирование КСА — тема обширная, поэтому целесообразно остановиться лишь на тех её особенностях, которые имеют значение в рамках данной статьи (см. подробнее: [Сурков 2020]). Следует подчеркнуть, что для саудовского самовосприятия характерно постоянное ощущение внешней угрозы, поскольку под влиянием исламской традиции с её биполярным видением мира в национальном сознании укоренилось деление на «мы» и «они»: мир ислама (в первую очередь суннитского) и потенциально враждебное окружение. Это предопределило повышенное внимание саудовского руководства к внешним угрозам и вызовам региональной стабильности. Ощущение угрозы усиливается в связи с длящимся уже более четырёх десятилетий соперничеством с Ираном, которое носит не только геополитический, но и идеологический характер. Саудовская Аравия видит себя естественным лидером исламского мира, поскольку на территории страны расположены главные мусульманские святыни, однако Иран с его доктриной экспорта исламской революции ставит это лидерство под сомнение. Как отмечал А.И. Яковлев, Саудовская Аравия выступает не только региональным центром силы, но и цивилизационно-культурным центром. По мнению этого автора, Эр-Рияд также демонстрирует убеждённость в своём праве самостоятельно действовать в пространстве единой этноконфессиональной общности племён Аравии [Яковлев 2017: 42, 45].

На внешнюю политику Эр-Риادا накладывают отпечаток традиционные представления о чести, свойственные саудовским монархам как потомкам племенных вождей, поэтому большое значение имеют вопросы лояльности со стороны союзников и субординации со стороны младших партнёров. Всё это до последнего времени диктовало акцентированно «чёрно-белое» восприятие внешнеполитических реалий. Например, произошло заметное охлаждение отноше-

ний с США, когда они продемонстрировали готовность ослабить давление на Иран. Впрочем, этот «чёрно-белый» подход более актуален именно по отношению к союзникам, а другим странам проведение сбалансированной политики прощается.

Племенные традиции приводят и к тому, что отношения КСА с зарубежными государствами зачастую зиждутся на личных связях между лидерами. Следовательно, ситуативные манёвры партнёров, идущие вразрез с интересами Эр-Рияда, или неосторожные высказывания могут трактоваться как предательство и иметь далеко идущие последствия для двусторонних отношений. Особенно этот тренд стал заметен при Мухаммеде бин Салмане, ставшем фактическим правителем Королевства после 2015 г. В частности, в 2016 г. Саудовская Аравия болезненно отреагировала на высказывания Барака Обамы, который в интервью *Atlantic* поставил под сомнение дружбу между США и КСА, а также дал понять, что Эр-Рияду придётся считаться с региональными интересами Тегерана¹. Слова американского лидера наложились на недовольство саудовского руководства подписанием в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), также известного как «иранская ядерная сделка». Это объясняет подчёркнуто холодный приём президента Соединённых Штатов в ходе его визита в КСА в апреле 2016 года, вкупе с демонстративным развитием связей с Москвой и Пекином в последующие годы.

Основы внешней политики при Мухаммеде бин Салмане

Прежде чем приступать к разбору отношений КСА с великими державами, целесообразно определить основополагающие

принципы курса Эр-Рияда при наследном принце Мухаммеде бин Салмане.

Непосредственно после 2015 г. внешняя политика Саудовской Аравии выглядела скорее хаотичной и импульсивной, что привело к череде резких манёвров: военной кампании в Йемене, разрыву дипломатических отношений с Ираном, прекращению помощи Ливану, блокаде Катар, трениям с Вашингтоном. По мере накопления опыта молодым лидером страны стратегия становилась более долгосрочной и нюансированной. Текущее внешнеполитическое видение Мухаммеда бин Салмана нашло отражение в его программном интервью региональным СМИ в 2021 году. Из текста следует, что курс Эр-Рияда — реалистский, поскольку в его основе национальные интересы и безопасность². По оценкам некоторых исследователей, произошёл переход от оборонительного реализма к наступательному, которому свойственны стремление максимизировать мощь страны, а также склонность к односторонним действиям [Rich 2019: 70].

Как руководство КСА видит угрозы, с которыми сталкивается страна? Для ответа на этот вопрос полезным источником служат материалы саудовского МИДа. В частности, показательными были совместные заявления по итогам переговоров в ходе регионального турне наследного принца летом 2022 г. в рамках подготовки к саммиту ССАГЗ в Джидде. С руководством Египта обсуждались урегулирование кризиса в Йемене, ситуация в Ираке (с акцентом на укреплении его связей с другими арабскими государствами), поддержание стабильности в Ливане (и противодействие иранским клиентам), динамика кризиса в Ливии³. На переговорах в Египте и Йор-

¹ The Saudi backlash to Obama's Atlantic comments has begun // The Washington Post. 14.03.2016. Доступ: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/03/14/saudi-prince-writes-scathing-response-to-obama-comments/>

² Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News, 28.04.2021. Доступ: <https://www.arabnews.com/node/1850146/media>

³ Аль-баян аль-хатами аль-муштарак ли зиярат сахиб ас-самуу аль-маликий вали аль-ахд иля джумхурият мыср аль-арабия [Совместное заключительное заявление визита Его Королевского Высочества наследного принца в Арабскую Республику Египет] // Официальный сайт МИД КСА. 21.06.2022. Доступ: <https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/statements/Pages/hrh-eg-fin.aspx>

дании поднимался вопрос о недопущении создания Ираном ядерного оружия, а также о противодействии его вмешательству во внутренние дела арабских стран⁴. Другой темой было противодействие экстремизму и борьба с терроризмом. Показательно, что в итоговом коммюнике саммита в Джидде, состоявшегося в июле 2022 года, сдерживание Ирана и борьба с распространением оружия массового поражения упомянуты в качестве главных элементов поддержания региональной стабильности⁵.

Региональная стабильность заявлена приоритетом внешней политики КСА, при этом выделена иранская угроза, включающая в себя, помимо ядерной проблематики, развитие Тегераном ракетного потенциала и беспилотных систем. Отдельно фигурирует «экспансионистская» региональная политика Ирана, которого обвиняют во вмешательстве во внутренние дела арабских стран. Большое внимание уделяется региональным конфликтам и кризисам, в первую очередь в странах, где саудовское руководство усматривает иранский след, — Йемене, Ираке, Ливане и Сирии⁶. Традиционно среди угроз отмечаются экстремизм и терроризм, причём в саудовском внешнеполитическом дискурсе эти термины используются не только применительно к группировкам вроде «Аль-Каиды»⁷ или «ИГ»⁸, но также в отношении Ирана и его клиентов.

В вопросах безопасности и региональной стабильности Саудовская Аравия весь-

ма требовательна к союзникам, приняв за образец поведения действия США в ходе «танкерной войны» 1980-х годов⁹ и в ходе Кувейтского кризиса 1990–1991 годов, когда Вашингтон без колебаний применял вооружённую силу против оппонентов. Эр-Рияд считает, что на фоне активизации Ирана в 2000-х годах свои обязательства гаранта безопасности Соединённые Штаты не выполнили, а их бездействие вдохновило Тегеран на дальнейшую региональную экспансию [Cordesman 2016: 4].

Впрочем, наследный принц признаёт и важность экономических вопросов. В упомянутом выше интервью он подчеркнул, что в современном мире перераспределение экономической мощи приводит к трансформации системы международных отношений в поисках нового баланса; снижение роли США в мировом хозяйстве неизбежно потребует перестройки глобальной политики¹⁰. Соответственно, помимо военной мощи, руководство Королевства имеет ещё один критерий выбора союзников: насколько то или иное государство может способствовать экономическому и технологическому прогрессу в рамках масштабной программы модернизации «Видение-2030» [Косач 2019: 60–61].

Саудовская Аравия—США

За время «холодной войны» саудовское руководство привыкло сотрудничать с США в борьбе с глобальными и региональными вызовами. Это касалось и противодействия

⁴ Аль-баян аль-хатами аль-муштарак ли зиярат вали аль-ахд иля аль-мамляка аль-урдунья аль-хашимия [Совместное заключительное заявление о визите наследного принца в Иорданское Хашимитское Королевство] // Официальный сайт МИД КСА. 22.06.2022. Доступ: <https://www.mofa.gov.sa/ar/ministry/statements/Pages>

⁵ Jeddah Summit: Joint Vision for Stable, Prosperous Middle East // Asharq Al-Awsat. 17.07.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3762411/jeddah-summit-joint-vision-stable-prosperous-middle-east>

⁶ Saudi King Salman assails Iran in United Nations debut // Reuters. 23.09.2020. Доступ: <https://www.reuters.com/article/uk-un-assembly-idUKKCN26E2X4>

⁷ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁸ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁹ «Танкерная война» — один из эпизодов ирано-иракской войны 1980–1988 годов. В 1984–1987 годах в ответ на участвовавшие атаки иранских военных кораблей и самолётов против танкеров нейтральных стран США направили в Персидский залив эскадру, которая обеспечивала охранение конвоев и неоднократно вступала в боестолкновения с ВМС КСИР.

¹⁰ Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News. 28/-4/2021. Доступ: <https://www.arabnews.com/node/1850146/media>

распространению советского влияния в 1950-х годах, и сдерживания насеровского Египта в 1960-х, и Ирано-иракской войны в 1980-х, и борьбы с Саддамом Хусейном в ходе и после Кувейтского кризиса. Прямое военное вмешательство США в период «танкерных войн», а позже — усилия по освобождению Кувейта от иракской оккупации воспринимались как должное: именно такого поведения ждали от союзника. Зарубежные авторы характеризуют саудовско-американские отношения как «транзакционные», в которых каждая из сторон извлекает выгоды из сотрудничества [Ennis 2013: 1131]. Вашингтон традиционно был ключевым партнёром Эр-Рияда в плане развития вооружённых сил, военных закупок и подготовки личного состава. По состоянию на январь 2021 г. суммарный объём оружейных актуальных контрактов между двумя странами достиг 126 млрд долларов, причём после 2017 г. рост составил 110 млрд, из которых было исполнено сделок на 27 млрд долларов¹¹.

К началу 2000-х годов единственным серьёзным раздражителем в саудовско-американских отношениях оставался палестинский вопрос. Эр-Рияд, будучи одним из лидеров арабского мира, не мог поддерживать де-факто израильскую политику Вашингтона, к чему американцы относились с пониманием. В 2000-х годах у саудовской стороны появились новые поводы для недовольства: свержение Саддама Хусейна привело к резкому усилению иранского влияния в Ираке, нарушив региональный баланс [Nameed 2017: 28]. Эр-Рияд открыто предупреждал об этих рисках ещё до начала операции. Особенно болезненно было воспринято подписание в 2015 г. Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе, более известного как «ядерная сделка» [Косач 2021: 142].

Если оценивать саудовско-американские отношения с точки зрения соотношения угроз, то картина наблюдается неодно-

значная. В настоящее время основные внешние вызовы безопасности — это экспансия Ирана, подрывающая стабильность в Заливе; региональные кризисы (Сирия, Ирак, Йемен); экстремизм и радикальный исламизм; курдский национализм. Практически по всем этим пунктам у КСА и Соединённых Штатов нет единой позиции, что резко контрастирует с ситуацией XX века.

США признают важность иранской проблематики и в принципе выступают за сдерживание Тегерана, но отдают приоритет борьбе с ИГ и аналогичными негосударственными игроками. Более того, Вашингтон сосредоточился на ядерном аспекте иранской проблематики, тогда как КСА едва ли не большей угрозой считает региональную политику Ирана, а также его программы создания баллистических ракет и ударных беспилотников. Без решения этих вопросов иранская угроза сохранится, полагают в Эр-Рияде [Mason 2014: 38].

С региональными кризисами ситуация ещё сложнее. В КСА считают, что США не поддержали усилий Эр-Рияда по смене режима в Сирии, что позволило Башару Асаду остаться у власти и привело к росту иранского влияния в этой стране [Al Faisal bin Abdul Aziz Al Saud 2013: 41]. Критика в американских СМИ и Конгрессе саудовской военной кампании против движения «Ансар Алла» в Йемене стала источником постоянного раздражения Эр-Рияда. Таким образом, фактически не наблюдалось сотрудничества с США по противодействию угрозам, исходящим от региональных кризисов.

Единственный вопрос, по которому позиции двух стран оставались близки, — это борьба с экстремизмом и радикальным исламизмом. В то же время тут положение осложняется тем, что в США прочно укоренилась уверенность в косвенной причастности КСА к терактам 11 сентября 2001 г. Саудовское руководство, в свою очередь, крайне болезненно относится к попыткам

¹¹ U.S. Security Cooperation With Saudi Arabia // Официальный сайт Госдепартамента. 20.01.2021. Доступ: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-saudi-arabia/>

Вашингтона приравнять к радикальной идеологии ваххабитское течение ислама, отличающееся буквальным толкованием священных текстов и ультраконсервативным подходом к организации общественной жизни.

Таким образом, к концу 2010-х годов намечилось сильное расхождение приоритетов двух стран в сфере безопасности. На него наложилась убеждённость руководства КСА в том, что в США ведётся долгосрочная пропагандистская антисаудовская кампания, которой американские власти никак не препятствуют¹². В результате сформировался искажённый образ Саудовской Аравии как архаичной абсолютной монархии, построенной на салафитском толковании ислама, несмотря на все усилия властей по модернизации страны. Последние включили частичную демократизацию общественной жизни, появление элементов парламентаризма, приход в госструктуры представителей молодого поколения [Яковлев 2016: 127]. Программа «Видение-2030» представила КСА как толерантную страну, где верность исламу сочетается с его умеренным толкованием, где и мужчины, и женщины имеют возможность раскрыть свой потенциал, а деятельность властей прозрачна и подотчётна обществу¹³.

Несмотря на описанные выше нестыковки в сфере политических интересов, экономические связи двух государств остались прочными. Объёмы поставок нефти из КСА в США с 2000-х годов стабильно сокращались, но сохранилось активное торговое и инвестиционное сотрудничество [Seznec 2020: 245–247]. В 2019 г. американский экспорт товаров и услуг в КСА достиг почти 24 млрд долларов (из них 14,3 млрд пришлось на различные товары). США наращивали экспорт сельскохозяй-

ственной продукции, что открыло перспективу их превращения в одного из поставщиков продовольственной безопасности для КСА. Данные об американских инвестициях в КСА носят неполный характер; по подсчётам Департамента коммерции США, общий объём прямых инвестиций превышал в 2019 г. 10 млрд долларов. В свою очередь, КСА выступало крупнейшим на Ближнем Востоке покупателем казначейских облигаций (на сумму свыше 134 млрд долларов по состоянию на 2020 год). Саудовские прямые инвестиции в 2019 г. превышали 13 млрд долларов [Kenner 2021]. Немаловажно, что практически во всех мегапроектах программы «Видение-2030» — Неом, Киддия, Проект развития Красного моря и Амала — были задействованы американские компании. Их роль по сравнению с фирмами из Азии трудно точно оценить ввиду отсутствия данных о контрактах. Тем не менее известно, что в Неоме фирмы из США взяли на себя строительство базовой инфраструктуры и системы общественного транспорта. Там же при американском участии должен быть построен крупнейший завод по производству зелёного водорода.

После победы на президентских выборах в США 2020 г. Джоозефа Байдена в отношениях Эр-Рияда с Вашингтоном намечилось охлаждение, чему способствовали критические заявления нового американского руководителя (ещё в ходе предвыборной кампании) по поводу убийства оппозиционного саудовского журналиста Джамала Хашогджи. К настоящему времени позиция наследного принца по отношению к администрации Байдена смягчилась. В интервью *Arab News* от 2021 г. он заявил, что у КСА и США есть взаимопонимание по 90% двусторонней повестки¹⁴. Отвечая на вопрос о разногласиях с США, бин

¹² Al-Homayed, Tariq. Saudi Arabia ... Obamaism, Confrontation // ASHARQ AL-AWSAT, 24.04.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3609526/tariq-al-homayed/saudi-arabia-%E2%80%A6-obamaism-confrontation>

¹³ Saudi Vision 2030 // Официальный сайт проекта, 19.09.2022. Доступ: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf

¹⁴ Full Transcript: Crown Prince Mohammed bin Salman interview with Saudi journalist Abdullah Al-Mudaifer // Arab News, 28/-4/2021. Доступ: <https://www.arabnews.com/node/1850146/media>

Салман дал понять, что главной проблемой он полагает вмешательство во внутренние дела его страны. По его словам, несмотря на трения, США всегда оставались стратегическим союзником КСА. Признав важность отношений с Америкой, наследный принц отметил, что они носят характер взаимозависимости и Саудовская Аравия оказывала США не менее важную поддержку. В частности, он подчеркнул, что бесперебойные поставки дешёвой нефти из Саудовской Аравии сыграли заметную роль в обеспечении экономического роста США.

Знаковым событием саудовско-американских отношений стал состоявшийся в июле 2022 г. визит в Джидду президента Байдена, итоги которого можно считать позитивными и отвечающими интересам КСА. Стороны договорились об укреплении стратегического партнёрства в интересах безопасности в регионе, в том числе путём оказания поддержки государствам, которые сталкиваются с угрозой со стороны террористических сил или проиранских группировок. Сдерживание Ирана было выделено особо, причём в соответствии с саудовской постановкой вопроса: противодействие вмешательству в дела других государств, борьба с иранскими клиентами и ядерной программой. Обращает на себя внимание то, что США взяли обязательство облегчить доступ к технологиям, необходимым для обеспечения безопасности Саудовской Аравии, в частности к морским безэкипажным системам и средствам кибербезопасности. Объявлено было о конкретных договорённостях по сотрудничеству в сфере обеспечения контроля и безопасности стратегически важных морских районов – Оманского залива, Аравийского

моря, Баб-эль-Мандебского пролива. Речь шла о тесной координации и совместных действиях саудовских ВМС и американского 5-го флота. Стороны также заявили планы создания специального координационного центра в Бахрейне¹⁵. В сфере региональной безопасности наметилось взаимопонимание по Йемену. США приветствовали усилия Эр-Рияда по поддержанию режима прекращения огня в этой стране.

В ходе визита был подтверждён стратегический характер двустороннего экономического и инвестиционного сотрудничества, причём стороны определили конкретные его направления, включая развитие сетей 5G и 6G, подготовку кадров для IT-сектора, исследование космического пространства, зелёную и ядерную энергетику. Были подписаны соглашения с такими американскими компаниями, как *Boeing Aerospace*, *Raytheon Defense Industries*, *Medtronic and Digital Diagnostics*, *IKVIA*¹⁶.

Отдельного упоминания заслуживает обсуждение лидерами двух стран вопроса ценностей – ведь именно критика за нарушения прав человека воспринимается в Эр-Рияде как вмешательство во внутренние дела. Стороны договорились, что разногласия по данному вопросу не должны препятствовать развитию двусторонних отношений. Наследный принц дал понять, что есть много ценностей, по которым США и КСА занимают единую позицию, но по нескольким существуют разногласия. Он подчеркнул, что Соединённые Штаты должны уважать культурные различия и не навязывать свои ценности. «Мы должны сосуществовать, несмотря на различия», – заявил он¹⁷. Можно считать, что

¹⁵ Jeddah Communique Stresses Importance of Saudi-US Strategic Partnership // ASHARQ AL-AWSAT. 16.07.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3760876/jeddah-communique-stresses-importance-saudi-us-strategic-partnership>

¹⁶ 18 Saudi-US Agreements Covering Space, Investment, Energy, Communications and Health Concluded // Официальный сайт посольства КСА в США. Доступ: <https://www.saudiembassy.net/news/18-saudi-us-agreements-covering-space-investment-energy-communications-and-health-concluded>

¹⁷ Mohammed bin Salman to Biden: Each Country Has Different Values that Must Be Respected // ASHARQ AL-AWSAT. 17.07.2022. Доступ: <https://english.aawsat.com/home/article/3762516/mohammed-bin-salman-biden-each-country-has-different-values-must-be-respected>

тем самым подведена черта под инцидентом с устранением Джамали Хашогджи, поскольку бин Салман взял на себя обязательство не допускать подобных происшествий в будущем.

Саудовская Аравия—Китай

Руководство КСА видит, что КНР наращивает политическое, экономическое и военное присутствие на Ближнем Востоке и в смежных регионах, например в Красном море. Китайская активность на политическом и военном направлениях вызывает некоторую настороженность Эр-Рияда. Саудовские авторы отмечают, что на фоне наметившегося глобального соперничества с США приход Китая может спровоцировать конфронтацию, превратив регион в одну из арен противостояния, и поднимают вопрос о том, как обеспечить конструктивную роль КНР¹⁸. Основной тезис можно сформулировать следующим образом: Пекин полезен, пока он полагается прежде всего на экономические инструменты. Напомним, что в 2020 г. объём торговли КСА с Китаем составил 62,4 млрд долларов¹⁹, что более чем вдвое превышает соответствующий показатель торговли с США.

Статус КНР в саудовской иерархии внешнеполитических связей существенно отличается от американского. Если Соединённые Штаты бин Салман называет «стратегическим союзником», то Китай — «важным всеобъемлющим стратегическим партнёром»²⁰. Ключевое слово в этом случае — «партнёр», причём основу отношений составляет сотрудничество в энергетической сфере. Китай стал крупнейшим импортёром саудовской нефти — на него

приходится до четверти экспорта нефти из Саудовской Аравии [Malla 2022: 33]. На долгосрочный характер этих поставок указывает то обстоятельство, что саудовская национальная нефтяная компания АРАМКО активно инвестирует в строительство нефтеперерабатывающих заводов на территории Китая. Обсуждается возможность продажи нефти за юани, что станет ещё одним шагом по укреплению экономических связей двух стран. В среднесрочной и долгосрочной перспективе энергоносители из Саудовской Аравии могут стать таким же компонентом роста для КНР, как ранее для США.

Саудовские власти называют Китай партнёром по реализации программы «Видение-2030» — детища наследного принца Мухаммеда бин Салмана [Дербенёв 2022: 226]. В рамках курса на диверсификацию экономики КСА рассматривает стать промежуточным звеном между Азией и Европой. В этой связи Эр-Рияд заинтересован в сопряжении «Видения-2030» с китайским проектом «Пояса и пути»²¹. Речь, в числе прочего, идёт о транзите грузов из Китая в Европу через Красное море и участия КНР в реализации саудовских проектов в этом регионе.

Кроме того, Китай рассматривают как потенциального инвестора в развитие промышленного производства в КСА²². На большое значение, которое саудовское руководство придаёт развитию экономических связей с КНР, указывает тот факт, что в мае 2022 г. послом в Пекине назначен Абдул Рахман аль-Харби, ранее возглавлявший Главное управление внешней торговли Саудовской Аравии.

¹⁸ Al-Sudairi M. China and the Russo-Ukrainian War: A View from the Gulf // King Faisal Center for Research and Islamic Studies, March, 2022. Доступ: <https://kfcris.com/en/view/post/377>

¹⁹ Saudi imports from China up 17.8 percent in 2020 to \$28.1 billion // Arab News. 23.01.2021. Доступ: <https://arab.news/8rt7t>

²⁰ Saudi Arabia builds up rapprochement with China // The Arab Weekly. 16.04.2022. Доступ: <https://the arabweekly.com/saudi-arabia-builds-rapprochement-china>

²¹ Xi Jinping Speaks with Saudi Arabia's Crown Prince Mohammed bin Salman on the Phone // Официальный сайт МИД КНР. 15.04.2022. Доступ: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/wshd_665389/202204/t20220416_10668788.html

²² Ас-саудия ва ас-син. Алякат мутадажвира ва масалих кубра [Саудовская Аравия и Китай. Укоренившиеся отношения и большие интересы] // Шарк ТВ. 29.05.2022. Доступ: <https://asharq.com/ar/6BFPLcanGP5KHDghOLucVX>

С точки зрения сотрудничества по вопросам безопасности и совпадения/несовпадения интересов следует обратить внимание на ряд важных моментов. Регулярно звучат заявления о совместной борьбе с экстремистами. В рамках этого подхода саудовское руководство считает политику КНР в отношении мусульман-уйгуров внутренним делом страны и борьбой с терроризмом²³. Поскольку Китай не вовлечён непосредственно ни в один из региональных конфликтов и не имеет существенного военного присутствия в регионе (за исключением базы в Джибути), руководство КСА не рассматривает КНР в качестве потенциального гаранта безопасности. В то же время китайский девиз «стабильность через развитие» воспринимается в целом благоприятно.

По состоянию на осень 2022 г. в открытых источниках не было информации о крупных оружейных сделках КСА с КНР. Согласно официальным источникам, военное и военно-техническое сотрудничество находится на стадии обсуждения²⁴. По некоторым сведениям, Китай помогает Саудовской Аравии налаживать производство ударных беспилотников СН-4 и создавать инфраструктуру для производства ядерного топлива, а также поставляет баллистические ракеты DF-21 [Fulton 2020: 366].

В глазах саудовского руководства существенным преимуществом КНР перед США выглядит невмешательство во внутренние дела и отсутствие серьёзных политических противоречий. Если применительно к Соединённым Штатам бин Салман заявляет об имеющихся в двусторонних отношениях трениях, то в случае

Китая он не раз подчёркивал «беспроблемный» характер сотрудничества²⁵. Если Байден призывал наказать КСА за убийство Хашогджи²⁶, то Пекин не обсуждает эту тему, и в Эр-Рияде ценят подобную сдержанность²⁷. В свою очередь, Саудовская Аравия неизменно выражает поддержку идее единого Китая, хотя в годы «холодной войны» предпочитала развивать отношения с Тайванем [Wang 1993]. Единственный вопрос, который теоретически может омрачать саудовско-китайские отношения, — это поддержка Китаем ядерной сделки с Ираном. Тем не менее обе стороны тактично не заостряют на этом внимание.

КСА–Россия

В 1926 г. СССР стал первым государством мира, признавшим независимость Саудовской Аравии. После разрыва в 1938 г. двусторонние связи практически отсутствовали вплоть до 1980-х годов. Даже после восстановления дипломатических отношений в 1990 г. и непродолжительного всплеска взаимного интереса контакты двух стран носили спорадический характер, а экономические связи оставались весьма ограниченными. Активизация контактов наметилась в конце 1990-х — начале 2000-х годов, а серьёзные попытки сближения были предприняты уже в 2010-х. Знаковым стал визит в Москву короля Салмана в 2017 году, который, наряду с признанием различий в подходах руководства двух стран к региональным проблемам, продемонстрировал заинтересованность в сотрудничестве по нерегиональной проблематике [Косач

²³ Saudi crown prince defends China's right to fight 'terrorism' // ALJAZEERA. 23.02.2019. Доступ: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/23/saudi-crown-prince-defends-chinas-right-to-fight-terrorism>

²⁴ China, Saudi Arabia vow to boost military cooperation // Ministry of National Defense, 26.01.2022. Доступ: http://eng.mod.gov.cn/news/2022-01/26/content_4903623.htm

²⁵ Saudi crown prince defends China's right to fight 'terrorism' // ALJAZEERA. 23.02.2019. Доступ: <https://www.aljazeera.com/news/2019/2/23/saudi-crown-prince-defends-chinas-right-to-fight-terrorism>

²⁶ Anniversary of Jamal Khashoggi's Murder—Statement by Vice President Joe Biden // Democratic National Committee. 02.10.2020. Доступ: <https://joebiden.com/2020/10/02/anniversary-of-jamal-khashoggis-murder-statement-by-vice-president-joe-biden/#>

²⁷ China says it supports Saudi Arabia's handling of Khashoggi case // Arab News. 25.12.2019. Доступ: <https://arab.news/mv7y6>

2019: 71]. На начало 2020-х годов развитие отношений с Россией руководство КСА рассматривало как часть курса на диверсификацию внешней политики. Считается, что Эр-Рияду следует выходить за рамки традиционных союзов, чтобы эффективнее продвигать свои интересы в изменившемся мире. Руководство Саудовской Аравии считает Россию державой с глобальным влиянием. В 2021 г. было заявлено о качественном скачке в развитии двусторонних отношений²⁸. Впрочем, Эр-Рияд не питает иллюзий, что Россия может заменить США в качестве гаранта безопасности, но он даёт понять, что сотрудничество с Москвой открывает новые возможности и потому представляет интерес.

Пока фундамент для стратегического партнёрства с Москвой отсутствует, но оно декларируется в качестве долгосрочной цели, и некоторый прогресс в отношениях уже достигнут. В Эр-Рияде полагают, что Россия, как и Саудовская Аравия, стремится восстановить стабильность на Ближнем Востоке после событий «арабской весны», заботясь о безопасности своих южных рубежей. Таким образом, отмечаются частичное совпадение интересов и общая стратегическая цель, хотя сохраняются разногласия относительно способов её достижения. Последнее препятствует совместным действиям двух стран. Ведётся активный двусторонний диалог по региональной повестке; саудовское руководство допускает возможность сотрудничества с Россией по Сирии, Йемену и иранской ядерной программе²⁹. Другие перспективные направления сотрудничества — противодействие политическому исламу, борьба с терроризмом и пиратством. КСА высоко оценило поддержку Россией резолюции

СБ ООН 2624, которая квалифицирует йеменское движение «Ансар Аллах» как террористическое.

Саудовская Аравия рассматривает Россию в качестве потенциального партнёра в сфере военно-технического сотрудничества. Первые признаки налаживания взаимодействия в этой области появились после визита в Москву короля Салмана в 2017 г. Россия могла бы стать альтернативным поставщиком некоторых видов вооружения — систем ПВО, противотанковых ракетных комплексов, тяжёлых огнемётных систем и систем залпового огня, стрелкового оружия. Речь может идти не только о поставках готовой продукции, но и о локализации производства. Наибольший интерес вызывают системы ПВО/ПРО, поскольку комплексы американского производства продемонстрировали низкую эффективность против баллистических ракет и беспилотников, применяемых йеменскими хуситами. В августе 2021 г. Саудовская Аравия подписала соглашение о военном сотрудничестве с Россией в ходе визита заместителя министра обороны Саудовской Аравии принца Халида бин Салмана на военно-технический форум «Армия-2021»³⁰. Опасаясь попасть под санкции, КСА с осторожностью подходит к ВТС с Российской Федерацией: по состоянию на середину 2022 г. не появилось сведений хотя бы об одном исполненном крупном контракте. Создаётся впечатление, что заявления и информация о возможных сделках с Россией саудовское руководство использует скорее как инструмент давления на США [Крючков 2017: 144].

Сотрудничество с Российской Федерацией позволяет КСА существенно увеличить возможности по регулированию миро-

²⁸ Аль-малик Салман: аль-алякат ас-саудия-ар-русия шахадат кафазат навийия [Король Салман: в саудовско-русских отношениях произошёл качественный скачок] // CNN Arabic. 24.11.2021. Доступ: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2021/11/24/saudi-russia-relations-king-salman>

²⁹ Ас-Саудия ва Русия табхафани ат-тансик туджах кадая аль-мантака [Саудовская Аравия и Россия обсуждают координацию по региональным вопросам] // Khaleej Online. 24.09.2021. Доступ: <http://khaleej.online/Xem8ja>

³⁰ Тавкиу аль-иттифакият ли таавун аль-аскарий бейна ас-Саудия ва Русия [Подписание соглашения о военном сотрудничестве между Саудовской Аравией и Россией] // KHALEEJ ONLINE. 23.08.2021. Доступ: <http://khaleej.online/xmedJx>

вых цен на нефть³¹, прежде всего через функционирующий с 2016 г. формат ОПЕК+ [Bradshaw 2019: 6]. Эр-Рияд стремится к поддержанию сбалансированных цен на нефть и предотвращению ценовых войн. Саудовские³² и российские авторы сходятся на том, что именно сотрудничество в сфере ценовой политики формирует основу современных двусторонних отношений [Fazelyanov 2021: 126]. В саудовских публикациях можно встретить утверждение, что обвал нефтяных цен в 2020 г. стал уроком для Москвы и с тех пор она благоразумно согласовывает свою нефтяную политику с КСА³³. В связи с событиями на Украине Королевство столкнулось с давлением со стороны западных стран, требовавших увеличить добычу и экспорт энергоносителей. Летом 2022 г. участники ОПЕК+ уступили этому нажиму, чтобы предотвратить скачок цен, но в начале сентября стало известно о планах сократить добычу на 100 тыс. баррелей в день на фоне падения мирового спроса³⁴, что можно интерпретировать как нежелание Эр-Рияда ставить функционирование ОПЕК+ в зависимость от политической конъюнктуры.

Большое значение имеют хорошие личные отношения между лидерами двух стран. В этом смысле знаменательна моральная поддержка, оказанная В.В. Путиным наследному принцу, когда последний

подвергся критике в связи с делом Хашогджи [Косач 2019: 71]. Со своей стороны, в мае 2022 года, на фоне обострения вокруг Украины, принц не преминул поздравить российского президента с Днём Победы³⁵. Саудовские руководители подчёркивают, что отношения двух стран строятся на основе взаимного уважения и невмешательства во внутренние дела (в отличие от отношений с США).

Основу связей России с Саудовской Аравией составляют договорённости по регулированию нефтяного рынка и политическое взаимопонимание, но экономической базы практически нет [Федорченко 2019: 185]. Торгово-инвестиционное сотрудничество только начинает развиваться. В 2020 г. объём торговли между странами незначительно превышал 1,67 млрд долларов³⁶ — на порядок меньше, чем торговля с США и тем более с КНР. Саудовские авторы с сожалением отмечают, что у России объём товарооборота с КСА вдвое-втрое меньше, чем с ОАЭ³⁷. Российский экспорт в Королевство представлен преимущественно сельскохозяйственной продукцией и сырьевыми товарами. Отечественные экономисты считают продовольственную безопасность одной из наиболее перспективных сфер сотрудничества [Исаев 2018: 112–113]. Тем не менее по сравнению с другими игроками Россия находится

³¹ Ас-Саудия таамалю ат-тавасуль ли иттифак джаид фи «УБИК+» ядумму Русия [Саудовская Аравия надеется достичь нового соглашения в «ОПЕК+» с участием России] // KHALEEJ ONLINE. 23.05.2022. Доступ: <http://khaleej.online/eqArME>

³² Аль-Хатлан С. Мустакбалу аль-алякат ас-саудия-ар-русия тухаддиду харб Украина ва такийм ар-Рияд [Будущее саудовско-российских отношений будет определяться войной на Украине и оценкой Эр-Рияда] // Араи хауля аль-Халидж. 29.03.2022. Доступ: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172

³³ Там же.

³⁴ OPEC+ agrees small oil production cut // Reuters. 19.09.2022. Доступ: <https://www.reuters.com/business/energy/opec-weigh-rollover-or-small-cut-monday-meeting-sources-say-2022-09-04/>

³⁵ Вали аль-ахд ас-саудий юханиу ар-раис ар-русий би «йоум ан-наsr» [Наследный принц Саудовской Аравии поздравил президента России с Днём Победы] // KHALEEJ ONLINE. 09.05.2022. Доступ: <http://khaleej.online/D5dDKd>

³⁶ Торговля между Россией и Саудовской Аравией в 2020 г. // Внешняя торговля России. 22.09.2022. Доступ: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-saudovskoy-araviei-v-2020-g/>

³⁷ Аль-Хатлан С. Мустакбалу аль-алякат ас-саудия-ар-русия тухаддиду харб Украина ва такийм ар-Рияд [Будущее саудовско-российских отношений будет определяться войной на Украине и оценкой Эр-Рияда] // Араи хауля аль-Халидж. 29.03.2022. Доступ: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172

Таблица 1
Взаимодействие КСА с США, КНР, Россией

Направление взаимодействия	США	Китай	Россия
Сотрудничество по региональной проблематике	+++	—	+
Общие угрозы	++	+	+
Военно-техническое сотрудничество	+++	+	—
Торговля	++	+++	+
Энергетическое сотрудничество	—	+++	+++
Инвестиционное сотрудничество	+++	+++	—
Вклад в реализацию Видения-2030	+++	+++	—
Взаимодействие на уровне руководства	+	++	++

Источник: составлено автором.

в невыгодном положении, ведь КСА ищет альтернативных поставщиков высокотехнологичной продукции. Российской Федерации трудно выступать в качестве партнёра в реализации программы «Видение-2030». Например, в энергетической отрасли единственным перспективным направлением можно считать ядерный сектор. Нет крупных контрактов или инвестиционных проектов. Несмотря на достижение договорённости о создании совместного инвестиционного фонда в размере 10 млрд долларов, так и не нашлось привлекательных проектов для вложения этих средств.

* * *

Для наглядного сравнения отношений КСА с США, КНР и Российской Федерацией мы предлагаем таблицу (табл. 1). Количество плюсов в ячейке отражает оценку автором того, как в Саудовской Аравии видят уровень сотрудничества/взаимопонимания в той или иной сфере: «+++» означают стратегический характер связей, «++» — значимый уровень, «+» — ограниченное взаимодействие, «—» — взаимодействие только на уровне риторики.

Из приведённой таблицы видно, что в представлении саудовского руководства США и Китай существенно опережают Российскую Федерацию по большинству ключевых направлений сотрудничества. Отношения Саудовской Аравии с Россией носят нишевый характер, хотя наличие потенциала для сближения и установления стратегического партнёрства декларирует-

ся. Ситуация может измениться, если российская сторона станет одним из основных поставщиков продовольствия, а также будет поставлять крупные партии вооружения. Эр-Рияд продемонстрировал также некоторый интерес к сотрудничеству с Москвой при решении региональных проблем, таких как ситуация в Сирии. Тем не менее после 24 февраля 2022 г. Эр-Рияд занял выжидательную позицию. В КСА полагают, что статус России в мире будет определяться исходом конфликта на Украине, а без понимания этого статуса сложно планировать будущее двусторонних отношений.

По поводу отношений с США и Китаем можно утверждать, что, несмотря на значительный прогресс в различных аспектах саудовско-китайского экономического взаимодействия, сотрудничество Эр-Рияда с Пекином в политической сфере носит ограниченный характер и КСА по-прежнему вынуждено полагаться на США как гаранта безопасности. Особенно эта тенденция заметна при сравнении уровня военно-технического сотрудничества. Саудовское руководство не заинтересовано в наращивании военного присутствия Пекина в регионе, опасаясь, что оно приведёт к китайско-американскому соперничеству и росту напряжённости. Всё заметнее становится роль КНР как поставщика высоких технологий, которые требуются для цифровизации саудовской экономики. Вместе с тем складывается впечатление, что руководство КСА сознательно пытается избежать зависимости от Китая в техно-

логической сфере и старательно диверсифицирует источники ключевых технологий, что также способствует поддержанию связей с США. В целом в отношении КНР стоит задача выстроить стратегическое партнёрство по формуле «экономика плюс», где «плюс» — сотрудничество по политическим вопросам, представляющим взаимный интерес.

Несмотря на широко обсуждаемый в СМИ и экспертных кругах уход США с Ближнего Востока, как минимум в среднесрочной перспективе Вашингтон останется для Эр-Рияда безальтернативным

союзником. На вероятность этого развития событий указывают анонсированные в 2022 г. планы углубления военного сотрудничества в интересах региональной стабильности, а также широкое привлечение американских корпораций к реализации ключевых проектов программы «Видение-2030». Не стоит преувеличивать значимость трений в саудовско-американских отношениях, поскольку они в значительной степени носят конъюнктурный характер. Порождаемый ими негативный фон не отменяет объективной заинтересованности КСА в поддержке США.

Список литературы

- Аль-Хатлан С. Мустакбалу аль-алякат ас-саудия-ар-русия тухаддиду хурб украиниян ва такийм ар-Рияд [Будущее саудовско-российских отношений будет определяться войной на Украине и оценкой Эр-Рияда] // Араи хауля аль-Халидж. 29.03.2022. Доступ: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172
- Дербенёв А.С. Саудовская Аравия — Китай: стратегия партнёрства // Новая и новейшая история. 2022. Выпуск 3. С. 216–229. DOI: 10.31857/S013038640017894-1
- Исаев В.А., Филоник А.О. Россия и Саудовская Аравия в контексте экономических отношений // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 1. С. 105–116. DOI: 10.7868/S0869190818010107.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия: трансформация власти и политики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 59–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67.
- Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Роль России на Ближнем Востоке и интенсификация её отношений с арабскими монархиями Залива // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 2. С. 61–75. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-61-75.
- Косач Г.Г. Саудовская Аравия: социально-экономическая трансформация // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 585–600.
- Косач Г.Г. Во имя национальных интересов: внешняя политика Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 131–161. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161.
- Крючков И.В. Внешняя политика Саудовской Аравии на Ближнем Востоке в начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 3. С. 142–149. DOI: 10.15688/jvolsu.2017.3.13.
- Сурков Н.Ю. Саудовская Аравия: мантра об исключительности // Ближний Восток: политика и идентичность / Под ред. И.Д. Звягельской; ИМЭМО РАН. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 228–234.
- Федорченко А.В. Россия — Саудовская Аравия: состоится ли партнёрство? // Полис. Политические исследования. 2019. № 6. С. 177–188. DOI: 10.17976/jpps/2019.06.14.
- Яковлев А.И. Цивилизационное измерение международных отношений на Ближнем Востоке в XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3. С. 38–47.
- Яковлев А.И. Власть и насилие в Саудовской Аравии: эволюция целей и методов в начале XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 2. С. 116–129.
- Al Faisal bin Abdul Aziz Al Saud T. Saudi Arabia's Foreign Policy // Middle East Policy. 2013. Vol. 20. No. 4. P. 37–44. DOI: 10.1111/mepo.12044.
- Al-Sudairi M. The People's Republic in the Red Sea: A Holistic Analysis of China's Discursive and Material Footprint in the Region // King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Dirasat, No. 52, January 2020: 1–50. URL: <https://kfcris.com/en/view/post/259>.
- Bradshaw M., Thijs van de Graaf, Connolly R. Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia // Energy Strategy Reviews. 2019. No. 26. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100374.
- Cordesman A.H. Saudi Arabia and the United States: Common Interests and Continuing Sources of Tension. Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2016. P. 1–19.

- Ennis C.A., Bessma Momani.* Shaping the Middle East in the Midst of the Arab Uprisings: Turkish and Saudi Foreign Policy Strategies. *Third World Quarterly*. 2013. Vol. 34. No 6. P. 1127–1144. DOI: 10.1080/01436597.2013.802503.
- Fazelyanov E.M.* Russia and Saudi Arabia: Partnership and Common Interests // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13. No 1. P. 119–127. DOI: 10.21638/spbu13.2021.108.
- Fulton J.* Situating Saudi Arabia in China's Belt and Road Initiative // *Asian Politics & Policy*. 2020. Vol. 12. No. 3. P. 362–383.
- Hameed U.U.* The Saudi-Iranian Rivalry: A Foreign Policy Analysis Approach // *Towson University Journal of International Affairs*. 2017. Vol. 50. No. 2. P. 16–34.
- Katz M.N.* The Gulf and the Great Powers: Evolving Dynamics // *Middle East Policy*. 2016. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
- Kenner D., Al-Ahmad K.* The US-Saudi Economic Relationship: More than Arms and Oil // *King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Special Report*, March, 2021. P. 1–32. URL: <https://kfcris.com/en/view/post/333>.
- Keohane R., Nye J.* Power and Interdependence. Boston, MA: Little, Brown and Co., 2001.
- Malla M.W.* China's Approach to the Iran-Saudi Arabia Rivalry // *Middle East Policy*. 2022. Vol. 29. No. 1. P. 25–40. DOI: 10.1111/mepo.12613.
- Mason R.* Back to Realism for an Enduring U.S.-Saudi Relationship // *Middle East Policy*. 2014. Vol. 21. No. 4. P. 32–44. DOI: 10.1111/mepo.12093.
- Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York, NY: Knopf, 1948.
- Rich B.* From Defense to Offense: Realist Shifts in Saudi Foreign Policy // *Middle East Policy*. 2019. Vol. 26. No. 3. P. 62–76. DOI: 10.1111/mepo.12438.
- Seznec J.-F.* Why US-Saudi Arabia Relations Will Continue to Be Close, Even When Climate Action Reduces Demand for Oil // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2020. Vol. 76. No. 5. P. 244–248. DOI: 10.1080/00963402.2020.1806578.
- Wang T.Y.* Competing for Friendship: The Two Chinas and Saudi Arabia // *Arab Studies Quarterly*. 1993. Vol. 15. No. 3. P. 63–82.
- Wendt A.* A Social Theory of International Politics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

STRATEGIC ALTERNATIVES FOR SAUDI FOREIGN POLICY

COMPARATIVE ANALYSIS OF RIYADH'S RELATIONS WITH WASHINGTON, BEIJING AND MOSCOW

NIKOLAY SURKOV

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 117997, Russia

Abstract

The foreign policy of the Kingdom of Saudi Arabia (KSA) has undergone significant changes since Crown Prince Mohammed bin Salman (MBS) became the de facto head of state. Riyadh has begun to pursue a proactive policy at the regional level, while at the global level, Saudi Arabia is pursuing a policy of balancing, as it is afraid of being drawn into the struggle of the great powers. Simultaneously, the KSA is striving to diversify its external relations, preparing for the planned reduction of the American presence in the Middle East and the Gulf. The article focuses on whether the rapprochement of the KSA with China and Russia can become an alternative to the strategic alliance of the kingdom with the United States.

The author aims to analyze the peculiarities of relations of the kingdom with each of the powers and to identify trends in their further development. The article analyzes cooperation on security issues and economic cooperation. It concludes that the KSA is still interested in maintaining and developing strategic relations with the United States, which remains its key ally and an important economic partner. Relations with China, which has become the main trading partner, are built according to the «economy plus» formula, which suggests gradual development of political ties. Russia is important as a partner in the energy market within the OPEC+ format, and can also help resolve several regional crises. A comparative analysis of Saudi Arabia's relations with the United States, China and the Russian Federation shows that in the medium term there is no alternative for Riyadh but to maintain and develop relations with Washington.

Keywords:

Saudi Arabia; USA; China; Russia; balancing; hedging.

References

- Al Faisal bin Abdul Aziz Al Saud T. (2013). Saudi Arabia's Foreign Policy. *Middle East Policy* 20. No. 4. P. 37–44. DOI: 10.1111/mepo.12044.
- Al-Khatllan S. Mustakbalu al-alyakat as-saudiya-ar-rusiya tuhaddidughu harb ukrainiyan wa takyim ar-Riyad [The future of Saudi_russian relations will be determined by the war in Ukraine and the assessment of Riyadh] // Views on the Gulf Magazine. 29.03.2022. (In Arabic) URL: https://araa.sa/index.php?option=com_content&view=article&id=6051&catid=4536&Itemid=172.
- Al-Sudairi M. The People's Republic in the Red Sea: A Holistic Analysis of China's Discursive and Material Footprint in the Region // King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Dirasat. No. 52. January 2020. P. 1–50. URL: <https://kfcris.com/en/view/post/259>.
- Bradshaw M., Thijs van de Graaf, Connolly R. (2019). Preparing for the New Oil Order? Saudi Arabia and Russia. *Energy Strategy Reviews*. No. 26. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.esr.2019.100374.
- Cordesman A.H. (2016). Saudi Arabia and the United States: Common Interests and Continuing Sources of Tension. *Center for Strategic and International Studies* (CSIS). P. 1–19.
- Derbenev A. (2022). Saudi Arabia – China: Partnership Strategy. *Novaia i noveishaia istoriia*. No. 3. P. 216–229. DOI: 10.31857/S013038640017894-1
- Ennis C.A., Bessma Momani. (2013). Shaping the Middle East in the Midst of the Arab Uprisings: Turkish and Saudi Foreign Policy Strategies. *Third World Quarterly*. Vol. 34. No. 6. P. 1127–1144. DOI: 10.1080/01436597.2013.802503.
- Fazelyanov E.M. (2021). Russia and Saudi Arabia: Partnership and Common Interests. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 119–127. DOI: 10.21638/spbu13.2021.108. EDN UPUTEI.
- Fedorchenko A.V. (2019). Russia – Saudi Arabia: Will Partnership Take Place? *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 177–188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.14>
- Filonik A.O., Isaev V. (2018). Russia and Saudi Arabia in the context of economic relations. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. No. 1. P. 105–116. DOI: 10.7868/S0869190818010107.
- Fulton J. (2020). Situating Saudi Arabia in China's Belt and Road Initiative. *Asian Politics & Policy*. Vol. 12. No. 3. P. 362–383.
- Hameed U.U. (2017). The Saudi–Iranian Rivalry: A Foreign Policy Analysis Approach. *Towson University Journal of International Affairs*. Vol. 50. No. 2. P. 16–34.
- Katz M.N. (2017). The Gulf and the Great Powers: Evolving Dynamics. *Middle East Policy*. Vol. 24. No. 2. P. 102–109. DOI: 10.1111/mepo.12271.
- Kenner D., Al-Ahmad K. (2021). The US-Saudi Economic Relationship: More than Arms and Oil. *King Faisal Center for Research and Islamic Studies*. Special Report, March. P. 1–32. <https://kfcris.com/en/view/post/333>.
- Keohane R., Nye J. Power and Interdependence. Boston, MA: Little, Brown and Co., 2001.
- Kosach G. (2019). Saudi Arabia: Transformation of Power and Policy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 4. P. 59–67. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-4-59-67>.
- Kosach G.G. (2019). Saudi Arabia – socio-economic transformation. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. No. 26. P. 585–600.
- Kosach G.G. (2021). In the name of the national interests: Foreign policy of Saudi Arabia after the Arab Spring. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*. No. 13(4). P. 131–161. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-131-161>

- Kosach G.G., Melkumyan E.S. (2019). Russian role in the Middle East and intensification of its relations with the Gulf Arab monarchies. RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations". 2019. No. 2. P. 61–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6339-2019-2-61-75>
- Kryuchkov I.V. (2017). The Foreign Policy of Saudi Arabia in the Near East at the Beginning of the 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 22. No. 3. P. 142–149. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.3.13>
- Malla M.W. (2022). China's Approach to the Iran-Saudi Arabia Rivalry. *Middle East Policy*. Vol. 29. No. 1. P. 25–40. DOI: 10.1111/mepo.12613.
- Mason R. (2014). Back to Realism for an Enduring U.S.-Saudi Relationship. *Middle East Policy*. Vol. 21. No. 4. P. 32–44. DOI: 10.1111/mepo.12093.
- Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York, NY: Knopf, 1948.
- Rich B. (2019). From Defense to Offense: Realist Shifts in Saudi Foreign Policy. *Middle East Policy*. Vol. 26. No. 3. P. 62–76. DOI: 10.1111/mepo.12438.
- Seznec J.-F. (2020). Why US-Saudi Arabia relations will continue to be close, even when Climate Action reduces Demand for Oil. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 76. No. 5. P. 244–248. DOI:10.1080/00963402.2020.1806578.
- Surkov N.Yu. (2020). Saudovskaya Araviya: mantra ob isklyuchitel'nosti [Saudi Arabia: The mantra of exclusivity]. In: Zvyagel'skaya I.D. (ed.). *Blizhnii Vostok: politika i identichnost'*. IMEMO RAN. Moscow: Aspekt Press. P. 228–234.
- Wang T.Y. (1993). Competing for Friendship: The Two Chinas and Saudi Arabia. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 15. No. 3. P. 63–82.
- Wendt A. *A Social Theory of International Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
- Yakovlev A. (2016). Vlast' i nasiliye v Saudovskoy Aravii: evolyutsiya tseley i metodov v nachale XXI v. [Power and violence in Saudi Arabia and evolution of their aims and methods in the beginning of the twenty first century]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. No. 2. P. 116–129.
- Yakovlev A.I. (2017). Tsivilizatsionnoye izmereniye mezhdunarodnykh otnosheniy na Blizhnem Vostoke v XXI v. [Civilizational Dimension of International Relations in the Near East in the Twenty First Century]. *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. No. 3. P. 38–47.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

АЛЕКСАНДР ВЫЛЕГЖАНИН
ОЛЬГА МАГОМЕДОВА
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматривается феномен международно-правовой политики государства, концепция которой наиболее предметно представлена во французской юридической науке. Согласно классическому объяснению данного феномена, каждое государство стремится внести вклад в выработку современных международно-правовых норм, участвуя в согласовании воли государств. Для продвижения и утверждения своей позиции в отношении действующих и формирующихся международно-правовых норм государство выстраивает политику, которой придерживается на практике. Проведение государством индивидуальной международно-правовой политики, однако, вызывает вопросы, а иногда и критику. Интерпретация роли международно-правовой политики как не более чем юридического обоснования политически мотивированных решений государства приводит к инструментализации международного права. Согласно классическому пониманию, рассмотрение международного права лишь как орудия внешней политики государства недопустимо, поскольку это противоречит ключевой цели международно-правовой политики – легитимации. Достижение этой цели подчинено базовому принципу приверженности верховенству международного права в международных отношениях. В свою очередь, инструментальное понимание международно-правовой политики допускает отклонения от существующего международного права и тем самым привносит дополнительные риски для международно-правовой стабильности. В статье показано, что международное право, будучи гибким, развивается с изменением интересов государств на международной арене, при многообразии отношений между ними, а свойство гибкости международного права рассматривается как естественная предпосылка его развития. При согласовании новых норм международного права проведение государством компетентной, активной международно-правовой политики, даже если его партнёры с ней изначально не согласны, само по себе не наносит ущерб основам международного права. Напротив, реализация политики, нацеленной на его преобразование, представляет собой *conditio sine qua non* для поддержания международного правопорядка, его эволюционной адаптации к меняющимся международным отношениям и иным вызовам современности. Обращение к классической концепции международно-правовой политики государства позволяет переосмыслить сосуществующее разнонаправленное международно-правовое манёвры государств.

Ключевые слова:

международно-правовая политика; «инструментальная» концепция; «классическая» концепция международно-правовой политики; согласование воли государств; национальные интересы; международная легитимация; юридические манёвры государства.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2022

Дата принятия к публикации: 11.08.2022

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: danilalvy@mail.ru

olga.magomedova.96@mail.ru

Способность международного права к развитию определяет, по выражению профессора С.Б. Крылова, его «живучесть», устойчивость как социального феномена, адекватно реагирующего на изменения научно-технических, экономических, иных составляющих международных отношений [Крылов 1956: 4]. Эта *социальная адаптивность* международного права диалектически поддерживается *константными составляющими* объективной основы его существования: *организации мира* посредством функционирования *государств*, необходимости предотвращения мировой ядерной войны, а также в силу совпадающего интереса государств в долговременной перспективе в *упорядоченных отношениях*. Вместе с тем логично и зеркальное утверждение: международное право не только регулирует отношения, меняющиеся со временем, но постоянно структурирует международные условия, обновляя международную повестку¹. В классических доктринах международное право рассматривается как результат прежде всего согласования воли государств [Курс международного права в 6 томах 1967; Тункин 1970; Курс международного права в 7 томах 1989; Лукашук 1997], что свидетельствует и о том, что воли государств, как правило, разные.

В таком контексте современная проблематика международно-правовой политики государства — это не повторение давнего вопроса о соотношении права и политики, о чём размышляли ещё Платон, Аристотель, Конфуций; или о роли в политике национальных интересов государства, и его суверенитете как ценности, о чём писали Н. Макиавелли, Ж. Боден, Ф. Де Витория, Г. Гроций, А. Джентили, С. Пуфендорф, Э. де Ваттель, Ш. Монтескьё, Г. В. Лейбниц [Гроций 1956: 314; Вылегжанин 2015: 418—

433; Vattel 2008: 7]. Тема международно-правовой политики государства не является также повторением вопроса о взаимопроникновении, взаимодействии международного права и внешней политики, что предметно раскрыто в трудах Ф.И. Кожевникова, Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, Г.И. Морозова, Г.И. Тункина, Е.Т. Усенко, а также в исследованиях зарубежных правоведов-международников [Вылегжанин, Дудыкина 2016: 21–37; Современная наука международных отношений за рубежом 2015: 434–580]. В самом кратком виде их выводы по этому давнему вопросу следующие. *Политика государства* есть выражение его *интересов*, его деятельности, а последняя регулируется *международным правом*. *Политика* влияет на *международное право*: например, от *внешнеполитической линии* каждого из двух договаривающихся государств в значительной мере зависит *содержание* того *двустороннего договора*, который они согласовывают; само *создание* нового договорного источника международного права есть, в сущности, *взаимобусловленная реализация политики* каждым из них. Диалектика взаимодействия международного права и политики проявляется и в том, что международное право, хоть в неодинаковой степени, *задаёт направленность политике* каждого государства. *Императивные нормы общего международного права (jus cogens)* не позволяют нескольким государствам договориться о совместной политике агрессии в отношении третьего государства — такой договор ничтожен с самого начала. Международное право *способствует* реализации *той политики*, которая ему *соответствует*; и *препятствует* политике, ему *не соответствующей*. Составной частью внешней политики государства выступает его поведение на между-

¹ В датско-нидерландском международном исследовании, основанном на «игровом» моделировании международно-правовой практики государств ('sovereignty game'), авторы отмечают, что «международное право прежде всего конституирует самих участников игры, легитимируя их участие и усиливая их международный потенциал, а также определяя параметры, в рамках которых они могут осуществлять свою независимость и суверенитет» (international law ... constitutes the very players of the game in the first place by legitimating their participation and empowering their international capacity, and by defining the parameters within which they can exercise their independence and sovereignty) [Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2018: 38].

народно-правовом поле, его позиции по конкретным вопросам международного права, те юридические доводы, которые выдвигаются государством в целях обоснования правомерности его интересов. Естественно, положений договоров государств о международно-правовой политике государств нет, поскольку государствам нецелесообразно нормативно сковывать своё понимание международного права (та самая свобода манёвра — *marge de manoeuvre*, которую так ценят государства [De Lacharrière 1983: 103]). Тем не менее отсутствие договорных клаузул не препятствует широкому признанию в юридической науке наличия феномена международно-правовой политики государства (далее — МП-политики), хотя и при разных его концептуальных описаниях.

В современных теоретических построениях МП-политики объективированы прежде всего две концепции: а) инструментальный подход к международному праву; и б) критикующая этот подход классическая концепция МП-политики. Согласно инструментальной концепции, национальные интересы государства диктуют его политику, в том числе занятие международно-правовой позиции в конкретном вопросе международных отношений. По мнению Роберта Колба, именно национальный интерес государства — «это ключ к небосводу (*la clé de voûte*), где право — слуга политики (*le serviteur de la politique*)»; где «право следует интересам государства как их тень (*leur ombre*)»; где интересы государства «диктуют его правовую позицию, а её правовое обоснование изыскивается *a posteriori*» [Kolb 2015: 6]. В таком контексте для государств международное право функционирует «как подвижное оправдание политики (*justification mouvante d'une politique*)»; соответственно, *главная цель международно-правовой политики государства* состоит в том, чтобы «определить его поведение в зависимости от подлинных национальных интересов (*des interets nationaux propres*)» [Kolb 2015: 15].

Инструментальной концепции противостоит классическая концепция МП-поли-

тики государства (*politique juridique extérieure*), описанная французским дипломатом, юристом-международником Ги Ладре де Лашаррьером [De Lacharrière 1983]. Согласно данной концепции, устремления государства в международно-правовой области составляют его целостную стратегию в отношении действующего международного права. Продвигая свои позиции в международно-правовой практике (от участия в создании международно-правовых норм до их применения), государство стремится воздействовать на их содержание, скорректировать их понимание другими государствами, укрепить принятый данным государством смысл таких норм. Следовательно, финальное содержание международного права рассматривается как результат целенаправленных усилий государств, наиболее активных в своей правовой политике. Тем самым государства вносят свой вклад в функционирование «глобальной международной системы», о которой писал ещё Г.И. Тункин [Тункин 1983: 134–137].

При этом внешняя политика государства реализуется не против международного правопорядка [Мовчан 1996], не в поисках лазеек в международно-правовых нормах с намерением обойти их, но *в отношении таких норм*. Сам термин «международно-правовая политика» означает «национальную политику в отношении правовых аспектов международных отношений» (*portant sur les aspects juridiques des relations internationales*) [De Lacharrière 1983: 5]; при этом МП-политика не предполагает учёта юридических аспектов внутренней организации управления государством, тем более — следования сугубо национальному праву [De Lacharrière 1983: 195]. Эта политика сосредоточена исключительно на отношении к международному праву. Последнее рассматривается не только как регулятор отношений государств, но и как продукт политики ряда государств, взращённое сообществом государств, прежде всего тех, кто наиболее умно, убедительно и активно реализует свою политику [Вылегжанин, Дудыкина 2017: 24].

Таким образом, настоящая статья нацелена на уточнение научной идентичности международно-правовой политики государства, на выявление главного в её классической и инструментальной концепциях. Для достижения этой цели при сопоставлении содержания двух концепций сделан акцент на роли национальных интересов государства в его международно-правовой политике и на сути международно-правовой легитимации действий и позиций государства.

Содержание классической концепции международно-правовой политики

Французский курс международного права подчёркивает, что «государства реализуют внешнюю политику в сфере права (*une politique juridique exterieure*) точно так же, как они реализуют внешнюю политику в военной, экономической и культурной областях» [Daillier, Forteau 2009: 100]. В популярном в англоязычной юридической литературе курсе международного права М. Шоу также отмечено, что есть «новая теория международного права», согласно которой оно рассматривается как «всеобъемлющий процесс принятия решений, а не как определённый свод правил» [Shaw 2008: 58]. Эту теорию автор называет «*политически ориентированным (policy-oriented)*» трендом в международно-правовой науке, истоки которого он усматривает в работах М. МакДугла, опубликованных ещё в 1950-х годах.

Суть такого тренда, по мнению М. Шоу, состоит в следующем. Налицествует «перечень ценностей, интересов, соображений, подлежащих учёту в международной системе» лицами, которые реально принимают решения от имени государств («уполномоченные лица»). Это подчёркивает значение выбора «между разными вариантами в отношении международно-правовых принципов ... Такое лицо, принимающее решения, подвержено ряду влияний и давлений, таких

как ценности общества, в котором это лицо находится, а также интересы конкретного национального государства». На таком фоне, утверждает автор, «функция международного права состоит в том, чтобы передавать взгляды (требования, представления и ожидания) народов мира относительно этого всеобъемлющего процесса принятия решений» [Shaw 2008: 60].

Ключевой постулат рассматриваемой концепции: цели, которые государство преследует в международно-правовой сфере, предопределены его *национальными интересами*, а понятие «национальный интерес» зиждется на суверенитете. Напомним, что об «интересах суверена» писали ещё Н. Макиавелли, Дж. Ботеро, Ж. Боден, а впоследствии тема суверенных интересов была усилена понятием '*raison d'Etat*' [Machiavelli 2016/1513; Botero 2017/1589; Bodin 1579; Meinecke 1924]. При этом не все национальные интересы постоянны, поскольку они связаны с потребностями страны, «очевидными в историческом контексте» (*standing out vividly in historical perspective*) [Beard 1966]. Саму идею национальных интересов Г. Моргентау положил в основу реалистской теории международных отношений, где эти интересы определены как «некий стандарт оценки внешней политики, планируемой или реализуемой» [Morgenthau 1949: 208]. Степень достижения национальных интересов представлена при этом мерой эффективности внешней политики. Завышенное значение, которое Г. Моргентау придал национальным интересам, «собственному интересу» (*self-interest*) государства, не согласовывалось с разумными ожиданиями учёта интересов других государств на основе международного права². В этой связи идея непререкаемой первостепенности национальных интересов в построении международно-правовой политики вызывала сомнения.

Вместе с тем идея гармонизации интересов государств прослеживается на всём

² Как отмечает Ф.Р. Тесон, радикальный реализм оправдывает национальными интересами военные меры, предпринимаемые государством за пределами его национальной юрисдикции [Teson 2018: 49].

пути развития международного права. Значимость интересов государств обозначена и в современных универсальных международных договорах, в том числе в Уставе ООН³, в Конвенции ООН по морскому праву⁴ и др. В то же время в международно-правовой науке акцент сделан на учёте *легитимных (правомерных) интересов* государств, а не всякого рода национальных интересов. Авторитетный британский юрист-международник Я. Броунли признавал правотворческие возможности именно легитимных интересов государства [Brownlie 2008: 28]. При урегулировании международного спора суд может признать некий национальный интерес в качестве жизненно важного, но при условии соответствия данного интереса применимым международно-правовым нормам. Следовательно, не отрицая возможности юридического продвижения национальных интересов государств, нормативная поддержка оказывается тем из них, которые соответствуют применимому международному праву. Именно такие национальные интересы квалифицируются как легитимные. Иными словами, национальные интересы государства и его легитимные (правомерные) интересы не всегда юридически тождественны. Категория национальных интересов может включать в себя не только те интересы, которые точно соответствуют международно-правовому порядку; но и те, чьё соответствие такому порядку сомнительно, хотя действующая власть от имени государства признаёт следование таким интересам. Правомерные (легитимные) интересы — это разумные в существующем международно-правовом контексте, международно-признанные национальные интересы. Во внешней легитимации действий и позиций государства и заключается основная цель его международно-правовой политики.

Международно-правовая легитимация⁵ позиции государства предполагает убеждение и других государств в том, что данная позиция соответствует применимому международному праву. Под международно-правовой позицией государства понимается принятое им представление о нормах, применимых к данным отношениям государств, об их содержании и об оптимальном способе их реализации в поведении государства. Следовательно, когда речь идёт о возможностях легитимации международно-правовой позиции государства, подразумевается допущение правомерности такого поведения и юридической точки зрения, допускающей такое поведение.

В науке понятие «легитимация» используется и как своего рода мета-дефиниция справедливого поведения государства, соответствующего «должному управлению» (*good governance*) в международных отношениях [Caron 1993: 557; Thomas 2014: 733]. Этот подход отражается иногда в терминах «правомерности» (*legality*) поведения государства [Kumm 2004: 918], «общего одобрения» (*common approval*) такого поведения [Mulligan 2005: 359]. В международно-правовой области теория легитимации поведения государства как цели его международно-правовой политики представлена Т. Франком в 1980-х годах [Franck 1988: 706]. Он обратил внимание на такой элемент «легитимности», как последовательность (*coherence*) применения задействованных норм международного права, причём схожего применения в аналогичных случаях. При этом последовательность ведёт к опоре на одни и те же нормы правовой системы, но последовательность не отвергает рациональную избирательность: одинаковое применение правила не может быть механическим (как робот не может быть судьёй, воспринимающим дело в его индивидуальных характеристиках факта и

³ Charter of the United Nations. 1 UNTS XVI. 1945. Art. 74, et seq.

⁴ United Nations Convention on the Law of the Sea. 1982. Art. 142, 267, et seq.

⁵ В переводе с латыни *“legitimus”* означает «законный». *“Legitima persona standi in iudicio”* — это «надлежащий истец». В лингвистическом измерении, в «обычном» значении термина международная легитимация — это подтверждение соответствующего статуса, полномочий на основе международного права.

права). Продвижение международно-правовой позиции государства до легитимной возможно при реализации последовательной международно-правовой политики, которая постоянно полагается на применимое, развивающееся международное право. Т. Франк назвал это «приверженностью (adherence)» международному праву; международно-правовая политика, по его мнению, нацелена на то, чтобы повседневно, с долгосрочной перспективой интегрировать действия государства в международный правопорядок; тем самым национальный подход государства к международному праву (позиции государства) становится легитимными «проявлениями международного права» [Franck 1988: 751].

Выстроенная на приоритете национальных ценностей, движимая также мотивом конкретного государства выглядеть правопослушным, его международно-правовая политика нацелена на продвижение собственного понимания международно-правовых норм. Таким образом, продуманная международно-правовая политика *обеспечивает легитимацию не краткосрочных действий государства, но норм поведения, которые несут в себе такие действия*. Другими словами, она направлена, как утверждает-ся, на легитимацию «правовой рациональности (legal rationale)» поведения государства. Как только эти рациональные основы поведения прошли «международно-правовой тест легитимности», их соблюдение влечёт за собой рост убеждения в их необходимости [Krisch 2005: 374].

Можно сказать, что известная теория согласования воль государств получает, при таком концептуальном понимании МП-политики, весьма ценное уточнение, особенно в том, как обеспечить защиту национальных интересов в рамках приверженности верховенству международного права. Вместе с тем исследователи обращают внимание и на отрицательные характе-

ристики той же МП-политики в её инструментальной концепции.

Критика инструментальной концепции МП-политики

Реальность в том, что государства иногда стремятся выбрать наиболее подходящие международно-правовые нормы и механизмы из числа потенциально применимых. Например, определяя инстанцию, куда целесообразно обратиться для разрешения спора — в Международный трибунал по морскому праву либо в Орган по урегулированию споров ВТО [Stoll, Vöneky 2002]. Государство может при этом даже влиять на само содержание развивающегося международного права с тем, чтобы сформировать предпосылки для дальнейшего его развития в желательном для государства направлении [De Lacharrière 1983: 199]⁶. Между тем для других государств такая международно-правовая состязательность может оказаться несообразной с их видением применимого международного права. Возможен ли выход за пределы такого сугубо бинарного видения подобной инструментальной политики (она в рамках международного права или вне его)?

Первый тезис: МП-политику государства следует очистить от её инструментального понимания, изложенного выше [Cazala 2013: 413]. В первую очередь, от самой допустимости ловкого обхода международного права как обязывающего регулятора отношений государств [Weil 1996: 43–47].

В инструментальной интерпретации МП-политики сам выбор источника международного права как применимого используется в качестве средства уже реализуемой политики государства. При осуществлении внешней политики государству действительно приходится толковать и применять нормы международного права таким образом, чтобы подвести юридические основа-

⁶ Г. Лашаррьер пишет: «В большинстве случаев международно-правовая политика добивается своей цели скорректировать международное право желаемым образом (или сохранить его содержание, если поставлена такая цель) (Elles [politiques juridiques extérieures] arrivent, dans de nombreux cas, à modifier le droit dans le sens souhaité (ou à le maintenir, si tel est leur objectif)).

ния под реализацию своих национальных интересов. Инструментальная наклонность МП-политики названа естественной: ведь «государство не рассуждает в категориях “общности”, “взаимности”, “симметрии”, а претендует на особое положение» (*l'Etat ne raisonne pas en terms de “generalité, reciprocité et symétrie” mais revendique un statut particulier*), предполагая действие международно-правовых норм “для себя”, прежде всего, пользуясь их “гибкостью» [Coussirat-Coustère 1983: 1000]. Между тем гибкость международного права — достаточно дискуссионная его характеристика: существуют и жёстко сформулированные нормы Устава ООН, и внешне гибкие положения международного экологического права; но из этого различия не следует, что можно сводить последние к подстраиванию под политику какого-то государства. По этой причине Г.И. Тункин критиковал мнение Д.Б. Левина о том, что в применении международно-правовых норм дипломаты могут наполнить их конкретным содержанием, от чего смысл праворегулирования может меняться [Левин 1960: 113]. Предполагать такую преувеличенную роль дипломатии для международного права — значит рассматривать его нормы как бессодержательные формулировки, справедливо отметил Г.И. Тункин [Тункин 1970: 261].

Далее, согласно инструментальной концепции международное право ограничено ролью лишь средства государства [Chayes, Chayes 1998: 229], а результаты применения международно-правовых норм оцениваются как следствие не их обязывающей силы, а компромиссной реализации внешнеполитических устремлений государств [Schachter 1982: 40]. При таком подходе роль международного права не отличается от роли иных детерминант внешней политики государства (экономических или социальных, например). Кроме того, инструментальная концепция ведёт к подмене право-

вых элементов политическими, к искусственному установлению превосходства последних, даже к возможности нарушения международного права по политическим причинам в силу особого национального интереса. Конечно, в рамках МП-политики государство может использовать пробелы, неясности международно-правовых норм для специфичного толкования соответствующих норм в доказательство правовой обоснованности своих действий; может пойти на дополнительные бюджетные расходы, сформировав наиболее квалифицированную команду правоведов-международников, например для защиты своей позиции в международном суде [Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2018: 40–41]⁷. Но международно-правовая политика не несёт в себе намерения нарушить установленные нормы международного права. Напротив, государства стремятся расширить, углубить понимание его конкретных положений, привнося тем самым свой вклад в его развитие. В долгосрочной перспективе при этом государство получит гораздо больше преимуществ [Trimble 1990: 833].

Наконец, в рамках инструментальной концепции легитимность создаётся на национальном уровне авторитетом суверенного распорядителя выбора правовых средств. К международному праву в целом государство обращается лишь по мере необходимости. Такие спонтанные правовые поклоны не способны к международно-правовой легитимации, как выше было показано. В классической концепции МП-политики главную ценность представляет именно международное право, и государства прилагают усилия по позиционированию себя внутри этой ценности [De Lacharrière 1983: 135–137, 196].

Таким образом, очевидно различие между кропотливой, последовательной МП-политикой государства (в классической

⁷ «Правительственные юрисконсульты становятся ключевыми посредниками во взаимодействии между политикой и международным правом, одновременно раскрывая пределы легитимных политических действий и активно участвуя в разработке творческих решений, гарантирующих, что эти пределы не статичны, а могут быть предметом переговоров».

концепции) и её инструментальной интерпретацией. Классическую концепцию МП-политики относят к теориям, нацеленным на охват международного права «во всём его разнообразии», в его развитии посредством кумулятивных усилий государств, способствующих росту *содержательной относительности* международно-правовой сферы [Pellet 1985: 411]⁸. Вместе с тем высказывается и предостережение: контрпродуктивно, даже только в научном плане, направлять развитие международного права «по пути относительного и случайного (*towards the relative and the random*)» [Weil 1983: 441]. В рамках классической концепции МП-политики международное право рассматривается как гибкая «абсорбирующая» система, воспринимающая целенаправленные усилия государств, реагирующая на меняющиеся вызовы. В этой связи этап толкования и применения международного права назван «вторым туром» (*la seconde manche*) нормотворческого процесса [De Lacharrière 1983: 102]. Для государств, чьи внешнеполитические устремления не в полной мере согласуются с существующими нормами международного права, процесс их индивидуального толкования сегодня даёт возможность уточнить содержание таких норм завтра. Тогда как для государств, чьи интересы выражены в этих существующих нормах наиболее полно, стоит задача, в рамках их МП-политики, сохранить неизменным данный нормативный порядок. Следовательно, концепция МП-политики предполагает своего рода состоятельность позиций в отношении содержания некоторых норм международного права; но не *привнесение альтернатив международному праву*; концепция *оберегает его авторитет*, его жизненно важную функцию как *стержня современного порядка в мире*.

В то же время в концепции МП-политики не всегда выдерживается отграничение общей практики государств от соответствующего *opinio juris* (в значении «осознания правового обязательства – *sense of legal duty*» следовать этой практике)⁹. Проводя свою международно-правовую политику с должным соблюдением верховенства международного права в международных отношениях, государство нередко продвигает собственное видение применимых правовых норм. При этом каждое его действие, материальное или вербальное, каждое его бездействие в конкретной спорной ситуации может стать юридически значимым. Хотя признание конкретного образца поведения как юридически обязательного одним государством не обусловлено аналогичным признанием со стороны сообщества государств в целом [Weil 1996: 222]¹⁰. Посредством последующего согласования воля государства как раз и устанавливает расширенную консенсуальную основу такой обязательности.

С одной стороны, государства заинтересованы в максимально точной формулировке норм, которые чётко защищают международный правопорядок. С другой – в случае выбора между точной формулировкой нормы, не отвечающей полностью национальным интересам данного государства, и общесформулированной, менее ясной, но позволяющей сохранять пространство для юридического маневрирования в целях достижения таких интересов, государство скорее всего предпочтёт второе. Как отмечено, «в неоднозначности международного права доля спонтанного значительна, но и доля намеренного не должна недооцениваться» [De Lacharrière 1983: 90]. Другими словами, государства нередко намеренно согласовывают компромиссные, гуттаперчевые формулировки

⁸ А. Пелле делает отсылку к известной статье Р.Р. Бакстера, заглавие которой можно дословно перевести как «Международное право во всём его разнообразии» (International Law in Her "Infinite Variety") [Baxter 1980].

⁹ ICJ. North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands) Judgment on Merits. 20 February 1969 ICJ Rep. 3. P. 44. Para. 77.

¹⁰ Французский юрист П. Вейл рассуждает так: «Каждое государство свободно судит о своих правах и обязательствах, но другие государства не обязаны разделять его точку зрения».

норм с тем, чтобы иметь возможность в будущем юридически успешнее защищать свои позиции [Cazala 2013: 413]. Само по себе такое создание основы для компромисса не подрывает основания международного права, но является естественным элементом его развития [Aalberts, Gammeltoft-Hansen 2018: 42]¹¹.

Имеют ли исследования международно-правовой политики будущее?

Перспективно ли исследовать международно-правовую политику как феномен? Ведь в своей политике одно и то же государство может намеренно избирать различные подходы к тем или иным нормам международного права, к тому или иному его принципу. Отмечено, что предпосылки «для такого типа политики международного права, когда оно само, практикой своего применения, парадоксальным образом увеличивает политическую свободу манёвра государств» уже созданы [Савенков 2020: 319].

С одной стороны, теоретическое сканирование реально существующих международно-правовых шагов государств, несомненно, полезно, тем более что при этом не предлагается новой научной методологии, принципиально иного понятийного аппарата. С другой — данные концепции придают дополнительную сложность для восприятия практиками механизма действия международного права, и без того весьма непростого¹². Неочевидно и практическое значение вычленения МП-политики государства из его внешней политики в целом. Реальность состоит в том, что феномен МП-политики уже вызывает интерес не только учёных, но и практиков-дипломатов [Kolb 2015; Megret 2021;

Johnstone, Ratner 2021]. Можно предположить, что современная востребованность концепции МП-политики определяется её потенциальным вкладом в сохранение авторитета международного права, в том числе на фоне международно-политических изменений в мире после распада Советского Союза (таких как резкое расширение военного блока НАТО на территории бывших союзников СССР по Варшавскому договору, в частности на территорию Польши; и даже на территории бывших республик СССР — Латвии, Литвы, Эстонии; как государственные перевороты в соседних с Россией странах при иностранном участии, как это было на Украине в 2014 году¹³). Эти международные изменения обостряют вопрос о праве государства на самооборону при современных военно-технических возможностях; эти же вызовы актуализируют вопросы совместимости с международным правом действий в защиту национальных интересов государства.

Концепция МП-политики государства может, в таком контексте, сыграть позитивную роль некоего предохранительного клапана, препятствующего искажению международного правосознания под воздействием тех государств, которые преуспели в популяризации своего видения применимого международного права¹⁴. В настоящее время возрастает значение того, насколько *убедительна международно-правовая позиция* государства. Её позитивное или негативное *восприятие* на уровне *правосознания* сказывается на общественном мнении во многих современных государствах, влияет на итоговый *вектор политики государства*. Известны факты, когда даже военное вторжение государства на территорию другого суверена вызывает

¹¹ «[Н]есмотря на своё стремление обеспечить большую политическую манёвренность в отношении международного права, государства, тем не менее, прилагают большие усилия, чтобы найти решения, сохраняющие определённую степень правовой легитимности».

¹² И.И. Лукашук замечает, с учётом сложности системы и структуры современного международного права, что «уровень международно-правовых знаний не только руководителей государств, но и значительной части дипломатов оставляет желать лучшего» [Лукашук 1997: 82–83].

¹³ Подробнее см.: [Воронин, Кулебякин, Николаев 2015].

¹⁴ О понятии «правосознание» в международно-правовом контексте см. подробнее: [Лукашук 1997: 82–85].

сомнения общественности в их юридических и этических оценках, но не квалификацию такого вторжения как правонарушения. Например, силовую смену власти в Ираке силами США в результате вооружённого вторжения осудили не только Россия, но и некоторые союзники Соединённых Штатов по НАТО. Тем не менее это вторжение, как и организация Вашингтоном казни президента Ирака и переход многих месторождений нефти в Ираке под американский контроль, не вызвало квалификацию США как «агрессора» со стороны Генеральной Ассамблеи ООН.

Далее, на протяжении последнего десятилетия в политическом дискурсе активно продвигалась так называемая доктрина *unwilling or unable* (UoU doctrine), которая обосновывает право государства, которому угрожает опасность, на экстерриториальное применение мер самообороны, если государство, на территории которого находится источник угрозы, не желает или не способно нивелировать эту угрозу. В результате юристы-международники задумываются о легитимности такого права в современном международно-правовом порядке [Corten 2016; Murray 2017].

Международное правосознание, как и правовые позиции государства, меняется с течением времени. Государство действует чаще всего в своём национальном интересе сегодня [De Lacharrière 1983: 19]. Правительство может принимать решения не в долговременных национальных интересах, но на широкое общественное осознание этого могут потребоваться столетия. Тем более что МП-политика государства отчётливо не вербализуется, её содержание отражает поведение государства, его повседневная международно-правовая практика, даже выявление международно-правовой политики требует профессиональной аналитики. Вместе с тем результаты МП-политики конкретного государства могут постепенно допускаться другими государствами. По мере этого воззрения первого государства на применимое международное право постепенно становятся частью общего его понимания. В этом и

заключается конструктивный, связующий потенциал международно-правовой политики государства в современном мировом правопорядке.

Заключение

Научная идентичность и оригинальность классической концепции международно-правовой политики выражаются прежде всего в том, что она не противопоставляет международное право и политику, не обозначает превосходство первого или второго, чётко ориентируя государство на приверженность международному праву. При этом оно не сводится к роли инструмента в руках искушённых политиков; недопустимо и выдергивание из международного права отдельных принципов и норм и игнорирование других. Классическая концепция МП-политики позволяет сократить искусственный рост квалификаций действий государств как международных правонарушений (а чрезмерное число таких квалификаций неизменно вело бы к снижению действенности международного права); данная концепция ориентирует на предотвращение бинарной квалификации изначальных позиций государств в отношении конкретных норм международного права. Проблема всякого бинарного видения права в том, что оно, исключая полутона, полуградации в оценках, уже этим ограничено.

В классической концепции выделяются три базовых компонента международно-правовой политики государства: национальные интересы (элемент, задающий исходные критерии оценки государством того или иного международного вопроса и определяющий направление его внешней политики); заявленная приверженность международному праву (элемент, устанавливающий рамки содержания международно-правовой позиции); цель легитимации (элемент, определяющий средства и шаги, необходимые для убедительного продвижения международно-правовой позиции государства). При такой структуре МП-политика нацелена на постепенный инклюзивный процесс международ-

но-правовой легитимации действий государства. Сами категории международной легитимности проявляются только в формате действующего международного правопорядка; неопределённость содержания ряда международно-правовых норм рассматривается как дополнительная возможность юридически деликатного продвижения соответствующей позиции государства в защиту его национальных интересов к полной интеграции этой позиции в общеприемлемое толкование. Более того, сама по себе международно-правовая политика

(в её классической концепции) направлена на усовершенствование существующего международного правопорядка. Она, при добросовестном осуществлении, способна вносить вклад не только в установление правовой определённости (выявляя системные связи между действиями государства, реакцию на эти действия других государств, а также занимаемые ими позиции); она способна содействовать прогрессивному развитию международного права, его адаптации к новым политическим и иным вызовам.

Список литературы

- Воронин Е.Р., Кулебякин В.Н., Николаев А.В. Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. // Московский журнал международного права. 2015. №1. С. 11–28.
- Вылегжанин А.Н. Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права / Современная наука международных отношений за рубежом: Хрестоматия: В 3 т. Т. 2; гл. ред. И.С. Иванов. М., 2015. С. 418–433.
- Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016. №4. С. 21–37.
- Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Перев. с лат. А.Л. Саккетти; под ред. С.Б. Крылова. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
- Крылов С.Б. От научного редактора // Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Под общ. ред. проф. С.Б. Крылова. М.: Госюриздат, 1956. 868 с.
- Курс международного права: В 7 т. Т. 1. Понятие, предмет и система международного права / Отв. ред. тома Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. М.: Наука, 1989. 360 с.
- Курс международного права: В 6 т. Т. 1. Понятие и сущность современного международного права / Гл. ред. Ф.И. Кожевников и др. М.: Наука, 1967. 284 с.
- Левин Д.Б. К вопросу о соотношении дипломатии и международного права в свете принципа мирного сосуществования // Советский Ежегодник международного права. 1960 / Советская Ассоциация международного права. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 109–120.
- Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М.: БЕК, 1997. 371 с.
- Мовчан А.П. Международный правопорядок. М., 1996. 102 с.
- Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М.: Проспект, 2020. 448 с.
- Современная наука международных отношений за рубежом: Хрестоматия: В 3 т. Т. 2 / Гл. ред. И.С. Иванов. М., 2015. С. 434–580.
- Тункин Г.И. Основы современного международного права. М.: 1958. 48 с.
- Тункин Г.И. Теория международного права. М.: Международные отношения, 1970. 511 с.
- Aalberts T., Gammeltoft-Hansen T. Sovereignty Games, International Law and Politics. In T. Aalberts & T. Gammeltoft-Hansen (eds.), *The Changing Practices of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 26–44. 251 p.
- Baxter R.R. International Law in Her "Infinite Variety" // *The International and Comparative Law Quarterly*. 1980. Vol. 29 (4). P. 549–566.
- Beard C.A., Smith G.H.E., Vagts A., Beard W. *The Idea of National Interest: an Analytical Study in American Foreign Policy*. Chicago: Quadrangle Books. 1966. xxv. 475 p.
- Bodin J. *Les six livres de la République*. 1579. de l'impr. de Jean de Tournes. Lyon. 762 p.
- Botero G. *The Reason of State*. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Cambridge University Press. (1589). Ed. by R. Bireley. 2017. 270 p.
- Brownlie J. *Principles of Public International Law*. 7th ed. Oxford: OUP, 2008. 784 p.
- Caron D.D. The Legitimacy of the Collective Authority of the Security Council // *American Journal of International Law*. 1993. Vol. 87. No. 4. P. 552–588.

- Cazala J.* Retour sur un classique: Guy de Lacharrière, La politique juridique extérieure // *Revue générale de droit international public*. 2013. No. 2. P. 411–416.
- Chayes A., Chayes A.H.* The New Sovereignty: compliance with international regulatory agreements. Harvard University Press, 1998. 417 p.
- Corten O.* The 'Unwilling or Unable' Test: Has it Been and Could it be, Accepted? // *Leiden Journal of International Law*. 2016. Vol. 29. No. 3. P. 777–799.
- Coussirat-Coustère V.* Guy de Lacharrière. La politique juridique extérieure // *Politique étrangère*. 1983. Vol. 48. No. 4. P. 1000–1002.
- Daillier P., Forteau M.* Droit international public. 8 Edition. L.J.D.J. Paris, 2009. 1709 p.
- De Lacharrière G.L.* La politique juridique extérieure. Paris: Economica, 1983. 231 p.
- Franck T.* Fairness in International Law and Institutions. Oxford. Oxford University Press. 1995. P. xxxvi. 484 p.
- Franck T.* Legitimacy in the International System // *American Journal of International Law*. 1988. Vol. 82. No. 4. P. 705–759.
- Johnstone I., Ratner S.* (eds) Talking International Law. Legal Argumentation Outside the Courtroom. Oxford. Oxford University Press. 2021. 376 p.
- Koh H. H.* Why Do Nations Obey International Law? // *The Yale Law Journal*. 1997. Vol. 106. No. 8. P. 599–659.
- Kolb R.* Reflexions sur les politiques juridiques extérieures. Paris: Ed. A. Pedone, 2015. 138 p.
- Krisch N.* International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order // *European Journal of International Law*. 2005. Vol. 16. No. 3. P. 369–408.
- Kumm M.* The Legitimacy of International Law: A Constitutionalist Framework of Analysis // *European Journal of International Law*. 2004. Vol. 15. No. 5. P. 907–931.
- Machiavelli N.* The Prince. Dover Thrift Editions: Philosophy. (1513). Ed. 2016. 80 p.
- Megret F.* Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy de Lacharrière's La politique juridique extérieure. In Aust P.A., Kleinlein T. (eds) *Encounters between Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries*. Cambridge: CUP, 2021. 450 p. P. 108–129.
- Meinecke F.* Machiavellism: The Doctrine of Raison d'État and Its Place in Modern History. London: Routledge, 1924. 487 p.
- Morgenthau H.J.* The Primacy of the National Interest // *American Scholar*. 1949. Vol. 18. No. 2. P. 207–212.
- Mulligan S.P.* The Uses of Legitimacy in International Relations // *Millennium*. 2005. Vol. 34. No. 2. P. 349–375.
- Murray D.* Flawed and Unnecessary: the 'Unwilling or Unable' Doctrine Pertaining to States' Use of Force in Self-Defence against Non-State Actors/ Hague Yearbook of International Law // *Annuaire de La Haye de Droit International*. 2017. Vol. 30. P. 59–118.
- Pellet A.* Le Sage, le Prince et le Savant (A propos de «La politique juridique extérieure» de Guy de Lacharrière) // *Journal du Droit International*. 1985. Vol. 112. P. 407–414.
- Schachter O.* International Law in Theory and Practice. General Course in Public International Law // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 178 (I). P. 9–396.
- Shaw M.* International Law. Sixth Edition. Cambridge. University Press. Cambridge. New York, 2008. 1708 p.
- Stoll P.T., Vöneky S.* The Swordfish Case: Law of the Sea vs. Trade / *Heidelberg Journal of International Law*. 2002. Vol. 62. P. 21–36.
- Teson F.R.* A Philosophy of International law. Routledge, 2018. 207 p.
- Thomas C.A.* The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2014. Vol. 34. No. 4. P. 729–758.
- Trimble P.R.* Review Essay: International Law, World Order and Critical Legal Studies // *Stanford Law Review*. 1990. Vol. 42. No. 3. P. 811–845.
- Vattel E.* The Law of Nations / eds. by Kapossy B., Whatmore R. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. 896 p.
- Weil P.* Towards Relative Normativity in International Law? // *American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. No. 3. P. 413–442.
- Weil P.* Le Droit International en quête de son identité // *Recueil des cours de l'Académie de droit international*. 1996. Vol. 6. No. 237. 369 p.

INTERNATIONAL LEGAL POLICY OF A STATE

MODERN CONCEPTS

ALEXANDRE VYLEGZHANIN

OLGA MAGOMEDOVA

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article examines the phenomenon of the international legal policy of state, which has been conceptually developed in the French legal doctrine. According to the classical concept of the present phenomenon, each state seeks to contribute to the content of international legal norms by participating in the coordination of wills of states in different ways. To promote and assert its position on existing and nascent international legal norms, the state constructs a policy, which guides its international legal practice. However, the conduct of an individual international legal policy raises questions, including critical ones. Interpretation of the role of international legal policy as a simple legal justification for politically motivated decisions leads to the "instrumental" concept of international legal policy. However, in the classical concept, the consideration of international law as an instrument of the state's foreign policy is not acceptable and, moreover, contradicts the very objective of international legal policy – legitimation. The achievement of this purpose is subject to the principle of the rule of international law in international relations. In its turn the instrumental understanding of the international legal policy allows for departures from the existing international law and thereby contributes to international legal destabilization. In this context, the article shows that being flexible the international law develops with the changing interests of states on the international arena on the background of various interstate relations, while the international law's flexibility is considered as an essential prerequisite for its development. and tasks of states in the international arena. During the development of new norms of international law, the conduct by the state of a competent, active international legal policy, even if its partners do not agree with it, does not per se prejudice the foundations of international law. On the contrary, the policy aimed at its adjustment is a *conditio sine qua non* for the maintenance of international legal order, its evolutionary adaptation to changing international relations, other challenges of our time. Thuswise the concept of international legal policy allows us to reconsider the competition of multi-vector international legal «manoeuvres" of states.

Keywords:

international legal policy; instrumental concept of international legal policy; classical concept of international legal policy; coordination of wills of states; national interests; international legitimacy; juridical maneuvers of the states.

References

- Aalberts T., Gammeltoft-Hansen T. (2018). Sovereignty Games, International Law and Politics. In T. Aalberts & T. Gammeltoft-Hansen (eds.), *The Changing Practices of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 251 p. P. 26–44.
- Beard C. A., Smith G. H. E., Vagts A., Beard W. (1966). *The Idea of National Interest: an Analytical Study in American Foreign Policy*. Chicago: Quadrangle Books. xxv. 475 p.
- Bodin J. (1579). *Les six livres de la République*. de l'impr. de Jean de Tournes. Lyon. 762 p.
- Botero G. (2017). *The Reason of State*. Cambridge Texts in the History of Political Thought. Cambridge University Press. (1589). Ed. by R. Bireley. 70 p.
- Brownlie J. (2008). *Principles of Public International Law*. 7th ed. Oxford: OUP. 784 p.
- Caron D. D. (1993) The Legitimacy of the Collective Authority of the Security Council. *American Journal of International Law*. Vol. 87. No. 4. P. 552–588.
- Cazala J. (2013). Retour sur un classique: Guy de Lacharrière, La politique juridique extérieure. *Revue générale de droit international public*. Vol. 2. P. 411–416.

- Chayes A., Chayes A.H. (1998). *The New Sovereignty: compliance with international regulatory agreements*. Harvard University Press. 417 p.
- Corten O. (2016). The 'Unwilling or Unable' Test: Has it Been and Could it be, Accepted? *Leiden Journal of International Law*. Vol. 29. P. 777–799.
- Coussirat-Coustère V. (1983). Guy de Lacharrière. La politique juridique extérieure // *Politique étrangère*. Vol. 48. No. 4. P. 1000–1002.
- Daillier P., Forteau M. (2009). *Droit international public*. 8 Edition. L.J.D.J. Paris. 1709 p.
- De Lacharrière G. L. (1983). *La politique juridique extérieure*. Paris: Economica. 231 p.
- Franck T. (1995) *Fairness in International Law and Institutions*. Oxford: Oxford University Press. P. xxxvi. 484 p.
- Franck T. (1988). Legitimacy in the International System. *American Journal of International Law*. Vol. 82. No. 4. P. 705–759.
- Johnstone I., Ratner S. (eds) (2021) *Talking International Law. Legal Argumentation Outside the Courtroom*. Oxford. Oxford University Press. 376 p.
- Koh H. H. (1997). Why Do Nations Obey International Law? *The Yale Law Journal*. 1997. Vol. 106 (8). P. 599–659.
- Kolb R. (2015). *Reflexions sur les politiques juridiques extérieures*. Ed. A. Pedone. Paris. 138 p.
- Kozhevnikov F.I. (ed.) (1967). *Kurs mezhdunarodnogo prava. V shesti tomakh. Tom I. Ponyatie i suschnost' sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [International Law Course. In six volumes. Volume I. The concept and nature of modern international law]. Moscow: Nauka. P. 14–18.
- Krisch N. (2005). International Law in Times of Hegemony: Unequal Power and the Shaping of the International Legal Order. *European Journal of International Law*. Vol.16. No. 3. P. 369–408.
- Krylov S.B. (1956). Ot nauchnogo redaktora [From the Editor]. In: Krylov S.B. (ed.) *Grotsij G. O prave vojny i mira. Tri knigi, v kotorykh ob'yasnyayutsya estestvennoe parvo i parvo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava*. Moscow: Gosjurizdat. P. 4.
- Kumm M. (2004). The Legitimacy of International Law: A Constitutionalist Framework of Analysis. *European Journal of International Law*. Vol. 15. P. 907–931.
- Levin D. B. (1960). The question of the relationship between diplomacy and international law in the light of the principle of peaceful coexistence. In: *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. P. 109–120.
- Lukashuk I.I. (1997). *Mezhdunarodnoe parvo. Obschaya chast'* [International Law. General Part]. Moscow. 371 p.
- Machiavelli N. (2016/1513). *The Prince*. Dover Thrift Editions: Philosophy. 80 p.
- Megret F. (2021). Foreign Legal Policy as the Background to Foreign Relations Law? Revisiting Guy de Lacharrière's La politique juridique extérieure. In Aust P.A., Kleinlein T. (eds) *Encounters between Foreign Relations Law and International Law: Bridges and Boundaries*. Cambridge. Cambridge University Press. 450 p. P. 108–129.
- Meinecke F. (1924). *Machiavellism: The Doctrine of Raison d'État and Its Place in Modern History*. London. Routledge. 487 p.
- Mjullerson R.A., Tunkin G.I. (eds.) (1989). *Kurs mezhdunarodnogo prava. V semi tomakh. T. 1. Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava* [International Law Course. In seven volumes. Volume 1. Concept, subject and system of international law]. Moscow: Nauka. P. 184–189.
- Morgenthau H. J. (1949). The Primacy of the National Interest. *American Scholar*. Vol.18. No. 2. P. 207–212.
- Movchan A.P. (1996). *Mezhdunarodnyj pravovoj poryadok* [International Legal Order]. Moscow. 102 p.
- Mulligan S. P. (2005). The Uses of Legitimacy in International Relations. *Millennium*. Vol. 34. P. 349–375.
- Murray D. (2017). Flawed and Unnecessary: the 'Unwilling or Unable' Doctrine Pertaining to States' Use of Force in Self-Defence against Non-State Actors. *Hague Yearbook of International Law / Annuaire de La Haye de Droit International*. Vol. 30. P. 59–118.
- Pellet A. (1985). Le Sage, le Prince et le Savant (A propos de «La politique juridique extérieure» de Guy de Lacharrière). *Journal du Droit International*. Vol. 112. P. 407–414.
- Savenkov A.N. (2020). *Gosudarstvo i parvo v period krizisa sovremennoj tsivilizatsii* [State and Law in the crisis of modern civilization]. Moscow: Prospekt. 319 p.
- Schachter O. (1982). International Law in Theory and Practice. General Course in Public International Law. *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 178 (I). P. 9–396.
- Shaw M. (2008). *International Law*. Sixth Edition. Cambridge. University Press. Cambridge. New York. 1708 p.
- Sovremennaya nauka mezhdunarodnyh otnoshenij za rubezhom. Hrestomatiya v trekh tomah. (2015) [Modern foreign science of international relations. The anthology in 3 volumes] Volume 2. Chief-editor I.S. Ivanov. Moscow. P. 434–580.
- Stoll P.T., Vöneky S. (2002). The Swordfish Case: Law of the Sea vs. Trade. *Heidelberg Journal of International Law*. Vol. 62. P. 21–36.

- Teson F. R. (2018). *A Philosophy of International law*. Routledge. 207 p.
- Thomas C. A. (2014). The Uses and Abuses of Legitimacy in International Law. *Oxford Journal of Legal Studies*. Vol. 34. No. 4. P. 729–758.
- Trimble P. R. (1990). Review Essay: International Law, World Order and Critical Legal Studies. *Stanford Law Review*. Vol. 42. P. 811–845.
- Tunkin G. I. (1958). *Foundations of modern international law*. M.: 1958. 48 p. (In Russ.)
- Tunkin G.I. (1970). *Theory of International Law*. M. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 511 p. (In Russ.)
- Vattel E. (2008). *The Law of Nations* / eds. by Kapossy B., Whatmore R. — Indianapolis: Liberty Fund. 896 p.
- Voronin E.R., Kulebjakin V.N., Nikolaev A.V. (2015). Gosudarstvennyj perevorot v Kieve v fevrale 2014 g. [Coup d'état in Kiev in February 2014]. *Moscow Journal of International Law*. No. 1. P. 11–28.
- Vylegzhanin A.N., Dudikina I.P. (2016). Ponyatie “mezhdunarodno-pravovaya politika gosudarstva” [The Politics of International Law as a Concept]. *Moscow Journal of International Law*. No. 4. P. 21–37.
- Vylegzhanin A.N. (2016). Voprosy sootnosheniya i vzaimodejstviya mezhdunarodnykh otnoshenij i mezhdunarodnogo prava [Issues of interactions of International Relations and International Law]. In: Ivanov I.S. (ed.) *Sovremennaya nauka mezhdunarodnykh otnoshenij za rubezhom. Khrestomatiya v tryekh tomakh. T. 2*. Moscow: Aspekt Press. P. 418–433.
- Weil P. (1983). Towards Relative Normativity in International Law? *American Journal of International Law*. Vol. 77. No. 3. P. 413–442.
- Weil P. (1996). Le Droit International en quête de son identité. *Recueil des cours de l'Academie de droit international*. Vol. 6. No. 237. 369 p.

Наши авторы

Ван Ли – PhD, профессор Цзилиньского университета (Китай)

Вылегжанин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий Кафедрой международного права, руководитель Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО МИД России

Жабский Михаил Иванович – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии»

Магомедова Ольга Сергеевна – аспирантка Кафедры международного права МГИМО МИД России

Мухаметов Руслан Салихович – кандидат политических наук, доцент Кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Нефёдов Борис Иванович – доктор юридических наук, профессор-исследователь Департамента международных отношений Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО МИД России

Сурков Николай Юрьевич – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

Сутырин Вячеслав Валерьевич – кандидат политических наук, научный сотрудник ИМИ МГИМО; проректор по международной деятельности Государственного академического университета гуманитарных наук

Тарасов Кирилл Анатольевич – доктор культурологии, профессор Кафедры социологии МГИМО МИД России

Фан Яо-Тян – PhD, профессор Китайского народного университета (Китай)

Our authors

Dr Fan Yao-Tian Professor, Renmin University, China

Ms Olga Magomedova PhD Candidate, Department of International Law,
MGIMO University

Dr Ruslan Mukhametov Associate Professor, Department of Political Sciences,
Ural Federal University named after the First President
of Russia B.N. Yeltsin

Prof. Dr Boris Nefedov Research Professor, School of International Affairs,
HSE University; Chief Research Fellow, Laboratory
of International Legal Studies, MGIMO University

Dr Nikolay Surkov Senior Research Fellow, Center for Middle Eastern Studies,
Primakov Institute of World Economy and International
Relations of the Russian Academy of Sciences

Dr Vyacheslav Sutyurin Research Fellow, Institute for International Studies,
MGIMO University; Vice Rector for International Affairs,
State Academic University for Humanities

Prof. Dr Kiryll Tarasov Professor, Department of Sociology, MGIMO University

Prof. Dr Alexandre Vylegzhanin Chair, Department of International Law, Head, Laboratory
of International Legal Studies, MGIMO University

Dr Wang Li Professor, Jilin University, China

Prof. Dr Michail Zhabskiy Lead Research Fellow, Research Sector
of Academy of Media Industry

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ФОРУМА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.

Сушенцов А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2014. 272 с.

Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке [Учебник (гриф УМО)] / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: НОФМО; Аспект Пресс, 2013. 448 с.

Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013. 573 с.

Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.

Международные отношения в Центральной Азии: события и документы: Учеб. пособие для студентов вузов / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун и др.; отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.

Темников Д.М. Лидерство и самоорганизация в мировой системе. М.: НОФМО, 2010. 173 с.

Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009, 2010. 588 с.

Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: НОФМО, 2008. 330 с.

Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008. 230 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: НОФМО, 2007. 240 с.

Фиона Хилл, Клиффорд Гэдди. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. М.: НОФМО, 2007. 328 с.

От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьёв. М.: НОФМО, 2005. 204 с.

Стабильность и конфликт в российском приграничье. Этнополитические процессы в Сибири и на Кавказе в середине 2000-х годов / Отв. ред. В.И. Дятлов, С.В. Рязанцев. М.: НОФМО, 2005. 345 с.

Чешков М.А. Глобалистика как научное знание. Очерки теории и категориального аппарата. М.: НОФМО, 2005. 224 с.

Системная история международных отношений в четырёх томах. 1918–2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. I (520 с.), т. II (247 с.). М.: Московский рабочий, 2000. Т. III (720 с.), т. IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003–2004.

Троицкий М.А. Трансатлантический союз 1991–2004. Модернизация системы американо-европейского партнёрства после распада биполярности. М.: НОФМО; Институт США и Канады РАН, 2004. 250 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 382 с.

Галенович Ю.М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М.: НОФМО, 2002. 170 с.

Прозрачные границы. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Серия докладов. Очерки текущей политики

Балуев Д.Г., Новосёлов А.А. «Серые зоны» мировой политики / Отв. ред. М.А. Троицкий // Очерки текущей политики. Вып. 3. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2010. 40 с.

Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф. Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. 104 с.

Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях: семиотический анализ // Очерки текущей политики. Вып. 2. М.: НОФМО, 2006. 72 с.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения // Очерки текущей политики. Вып. 1. М.: НОФМО; МГИМО (У) МИД России, 2006. 28 с.

Международные процессы

Журнал теории международных отношений и мировой политики

Главный редактор **Андрей Байков**

«Международные процессы» – первый российский научный журнал, посвящённый теории международных отношений и мировой политике. В журнале публикуются статьи, анализирующие новые тенденции в развитии международных отношений и мировой экономики, а также освещающие современные теоретические дискуссии по конфликтологии, международным организациям, этическому измерению внешней политики и международного права, международной безопасности, геополитике.

Журнал является независимым изданием, созданным в целях содействия научному общению между русскоязычными исследователями и преподавателями международных отношений и смежных дисциплин. Мы также стремимся помочь становлению и развитию в России школ теоретического осмысления международных отношений и мировой политики.

Среди наших авторов – сотрудники образовательных и исследовательских учреждений России, стран СНГ, Западной Европы и Северной Америки. Помимо академической аудитории, журнал распространяется среди представителей российских федеральных и региональных органов власти, включая Министерство иностранных дел и Федеральное Собрание Российской Федерации.

«Международные процессы» приглашают к сотрудничеству авторов. Объём рукописей, представляемых на рассмотрение Редакционного совета, не должен превышать 60 тысяч знаков с пробелами. К рассмотрению принимаются только ранее не публиковавшиеся материалы, не представленные одновременно к публикации в других периодических изданиях или в составе коллективных работ.

Журнал выпускается четыре раза в год Научно-образовательным форумом по международным отношениям.

ISSN 1728-2756

E-ISSN 1811-2773

Индекс журнала по каталогу «Роспечать» – 46768.

<http://www.intertrends.ru>

На эмблеме Форума изображён «аттрактор Лоренца» – фигура, воплощающая вариантность движения потоков частиц в неравновесных системах. Эмблема зарегистрирована как товарный знак.

International Trends (Mezhdunarodnye protsessy)
Journal of International Relations Theory and World Politics

Edited by **Andrey Baykov**
MGIMO University

International Trends is the first Russian academic journal dedicated to international relations theory and methodology of world-political studies.

The journal features first-class articles on new fundamental trends in international relations and world economy, the evolving theoretical agenda of security and conflict studies, international organizations, the ethical dimension of foreign policy and international law, ecology, geopolitics and international political economy. Having no direct affiliation with any state or private university or think-tank, the journal seeks to facilitate communication among all Russian-reading scholars and educators and to foster their concerted effort focused on developing theoretical approaches to international relations and world politics.

Our authors come from universities and research centers based in the former Soviet area as well as Western Europe and North America. Apart from Russian-speaking intellectuals, analysts and university faculty, the journal circulates among policy makers and officials serving in Russian federal and regional government bodies, including the Ministry of Foreign Affairs and the Russian Federal Assembly.

International Trends welcomes manuscripts in Russian. Their length should not exceed 60,000 characters. Submitted manuscripts should be original and should not be considered simultaneously for publication in full or in part in any other journal or collective monograph.

International Trends is published four times a year by the Academic Educational Forum on International Relations.

ISSN 1728-2756
E-ISSN 1811-2773

<http://www.intertrends.ru>

ТЕМАТИКА РАНЕЕ ВЫШЕДШИХ НОМЕРОВ

Том восемнадцатый. 2021	No 1	Конструирование институтов и институализация конструкторов
	No 2	Согласование смыслов
Том восемнадцатый. 2021	No 1	Внешнестратегические ресурсы и образы действия
	No 2	Глобальные вызовы и национальные приоритеты
	No 3	Укрощение среды
	No 4	Цифровые опасности
Том восемнадцатый. 2020	No 1	Национальные задачи и международный опыт
	No 2	Нормы и конструкты в поведении государств
	No 3	Сценарии соперничества и издержки конфликта
	No 4	Дилеммы мультилатерализма в мировой политике
Том семнадцатый. 2019	No 1	Глобальные технологические развилки
	No 2	Международные отношения. <i>К столетию дисциплины</i>
	No 3	Экономический инструментарий политики
	No 4	Форма vs. содержание в международной политике
Том шестнадцатый. 2018	No 1	Стратегии мироуправления
	No 2	Соотношение мощи и власти в международной политике
	No 3	Динамика порядка и логика протеста
	No 4	Новое в решении извечных проблем
Том пятнадцатый. 2017	No 1	Вызовы изменений
	No 2	Эволюция субъектности в глобальной политике
	No 3	К 50-летию АСЕАН
	No 4	Опыт и идентичность
Том четырнадцатый. 2016	No 1	Динамика и инерция
	No 2	Конкуренция в мировой политике
	No 3	Военная сила и асимметрия мощи
	No 4	Вызовы всемирности
Том тринадцатый. 2015	No 1	История в политике и политика в истории
	No 2	Методы и наука
	No 3	Экономические трудности политической системы
	No 4	Ресурсы влияния и инструменты регулирования
Том двенадцатый. 2014	No 1-2	Глобальная политика и информационная война
	No 3	«Новые старые» правила мировой политики?
	No 4	Независимость и предел ответственности

Том одиннадцатый. 2013	No 1	Общество, дискурс, политика
	No 2	Сотрудничество и противоборство в мировой политике
	No 3-4	К 10-летию журнала «Международные процессы»
Том десятый. 2012	No 1	Идея и структура в миросистемной эволюции
	No 2	Среда международной безопасности
	No 3-4	Теория в условиях неопределённости
Том девятый. 2011	No 1	Неуверенная экономика и напряжённое общество
	No 2	Дробление пространства политики
	No 3	Источники глобальной опасности
Том восьмой. 2010	No 1	Политические измерения глобального пространства
	No 2	Конфликт и право
	No 3	Социальная фаза глобального кризиса
Том седьмой. 2009	No 1	Контурсы мирового беспорядка
	No 2	Запрос на перемены
	No 3	Политическая демократия и мировое государство
Том шестой. 2008	No 1	Цикл расхождений в мировой системе
	No 2	Кризис и перспектива
	No 3	Сила и иерархия в мировой политике
Том пятый. 2007	No 1	Контроль и влияние в мировой политике
	No 2	Сопредельные пространства в мировой политике
	No 3	Интеграция и национальный интерес
Том четвёртый. 2006	No 1	Единство и разнородность
	No 2	Хронические конфликты в мировой политике
	No 3	Глобальная конкуренция в мировом государстве
Том третий. 2005	No 1	Регулирование и саморегулирование в мировой политике
	No 2	Антропология мировой политики
	No 3	Нефть и безопасность
Том второй. 2004	No 1	Философия международных отношений
	No 2	Лидерство и контрлидерство
	No 3	Свобода и несвобода
Том первый. 2003	No 1	Порядок и право
	No 2	Мир и война
	No 3	Пространство мира и международная безопасность

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОЦЕССЫ»

(Редакционная политика)

Редколлегия рассматривает материалы только при условии выполнения всех нижеперечисленных требований!

Общие правила

1. Редакция принимает к публикации статьи объёмом от 0,5 до 1,5 авторского листа. Они должны представлять собой изложение результатов самостоятельного, оригинального научного исследования, соответствующего тематическому профилю журнала и отражающего умение автора свободно ориентироваться в существующем библиографическом контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2. Наряду со статьями редакция публикует аналитические обзоры современных работ (объёмом около 1 авторского листа) и рецензии на новейшую научную литературу (0,25 авторского листа). До 1 июля каждого текущего года рассматриваются тексты рецензий на книги, изданные в предшествующем году. После 1 июля — только на работы текущего года.

3. Принятие материала к рассмотрению не является гарантией его публикации. Все материалы направляются на анонимное экспертное рецензирование.

4. Имена рецензентов (как правило, не менее двух) не разглашаются. В случае отказа в публикации принятого к рассмотрению материала редакция направляет автору мотивированное заключение с изложением оснований для отказа.

Все тексты должны быть написаны литературным языком и отредактированы в соответствии с нормами научного стиля речи.

5. В журнале могут быть размещены только ранее не опубликованные материалы, которые в момент представления их в редакцию не рассматриваются на предмет публикации в других журналах.

6. Плата за публикацию материалов не взимается. Единственными основаниями для решения о публикации являются качество материалов и их соответствие тематике журнала.

7. Направлять статьи необходимо только по электронному адресу submissions@intertrends.ru в файлах типа Word с форматированием текста по левому краю, 12 кеглем через полуторный интервал, шрифт “Times New Roman”.

Убедительная просьба не применять в тексте автоматические нумерацию и списки.

Просим потенциальных авторов с пониманием отнестись к тому, что редакция журнала не вступает в переписку и тем более содержательную полемику с потенциальными авторами по электронной или обычной почте и не принимает на себя какие-либо предварительные обязательства, касающиеся публикации подаваемых авторами материалов.

8. Титульный лист с указанием: фамилии, имени, отчества автора, учёной степени и учёного звания, должности и места работы, а также почтового индекса места работы — должен быть сохранён в отдельном файле. Информация в нём должна дублироваться на русском и английском языках. Основной файл статьи должен содержать её название, соб-

ственно текст произведения, постраничные примечания и затекстовый список литературы в кириллической и романской транскрипции. Данное требование связано с соблюдением условий анонимного рецензирования всех направляемых в редакцию рукописей.

9. Авторы должны снабдить представляемые на рассмотрение статьи списком ключевых слов, кратким содержанием работы (резюме) на русском и английском языках объёмом не менее 250 слов и пристатейной библиографией в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования (см. ниже).

Оформление ссылок

1. Ссылки на научную литературу, аналитические доклады и статьи в научных изданиях должны быть оформлены в виде внутритекстовых библиографических ссылок с указанием фамилии авторов, года издания, страниц. В случае отсутствия указания авторства в библиографическом описании издания необходимо указать его название.

Например: [Huntington 1993: 68]; [Хелд и др. 2004: 33]; [Мир вокруг России 2007: 21].

2. Остальные ссылки должны быть оформлены в виде постраничных сносок-примечаний.

Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Совет безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения: 12.10.2013).

Резюме

1. Статьи и аналитические обзоры, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться резюме на русском и английском языках. Оно должно быть выполнено в форме краткого текста, объёмом от 250 до 350 слов, который раскрывает цель и задачи работы, её структуру и основные полученные выводы. **Резюме представляет собой самостоятельный аналитический текст и должен давать адекватное представление о проведённом исследовании без необходимости обращения к статье.**

2. Резюме на английском (Abstract) должно быть написано грамотным академическим языком. **Оно не может быть дословным переводом с русского, не может содержать неперево-
дн**ых русскоязычных конструкций и идиом.

Список литературы (References)

1. Статьи, аналитические обзоры и резюме, направляемые в адрес редакции, должны сопровождаться списком литературы на русском и английском языках. Оба списка должны быть составлены по алфавитному принципу (в согласии с русским и латинским алфавитами соответственно). **В список литературы должны быть включены научная литература, аналитические доклады и статьи в научных периодических изданиях (он должен отражать совокупность работ, на которые в статье содержатся внутритекстовые библиографические ссылки).**

2. В списке литературы на русском языке при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы авторов, название работы, место издания, название издательства, год издания, количество страниц. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, сборника или серии, место издания, издательство и год издания для сборников / год издания, том и номер для журнала, номера страниц, для интернет-публикаций также электронный адрес

и дату обращения (при наличии). Название статьи и журнала, а также название сборника и сведения о редакторах должны разделяться двумя косыми чертами. *Фамилия и инициалы автора должны быть выделены курсивом.*

Например: Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004. 208 p.

Каберник В. Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего // *Метаморфозы мировой политики* / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 148–178.

Стрелец И. Информационная экономика как общемировой социальный феномен // *Международные процессы*. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 25–37.

Салтыков Б. Высшее образование в России: между наследием прошлого и современными вызовами / IFRI. Russie. Nei.Vision. 2008. 23 с. URL: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (дата обращения: 24.05.2013).

3. В списке литературы на английском языке (References) при оформлении научных трудов должны быть указаны фамилия и инициалы автора, год издания, название работы, место издания, название издательства, количество страниц. *Название книги должно быть выделено курсивом.*

4. При оформлении статей в научных журналах и сборниках или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, необходимо указывать фамилию и инициалы автора, год издания, название статьи, название журнала или серии, том и номер для журнала / место издания и издательство для сборника, количество или номера страниц, электронный адрес и дату обращения (при наличии). *Название журнала, сборника или серии должно быть выделено курсивом.*

Вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации. Место издания должно быть указано полностью. **Название книги, доклада или статьи должно быть транслитерировано и переведено (перевод приводится в квадратных скобках).**

Например: Nye J. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.

Dolinskiy A. 2011. Diskurs o publichnoy diplomatii [Discourse on Public Diplomacy] // *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 9. № 1 (25): 45–55.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. In: Carsnaes W., Risse Th., Simmons B.A. (eds) *Handbook of International Relations*. Sage: 255–274.

Saltykov B. 2008. Vysshee obrazovanie v Rossii: mezhdru naslediem proshlogo i sovremennymi vyzovami [Russian Higher Education: Between the Past and the Future]. IFRI. Russie. Nei.Vision: 18. 23 p. Available at: http://www.ifri.org/files/Russie/ifri_saltykov_education_RUS_avril_2008.pdf (accessed: 24.05.2013).